

ПОЛЬША – РОССИЯ

Поиски новой идентичности сходства и различия

Редактор
Адам Даниэль Ротфельд

АДАМ ДАНИЭЛЬ РОТФЕЛЬД
профессор гуманитарных наук,
доктор юридических наук, научный
сотрудник Варшавского Универси-
тета – Факультет свободных наук
(„Artes Liberales”), исследователь
международных отношений.
Экс-министр иностранных дел
(2005), бывший директор Сток-
гольмского института исследования
проблем мира (SIPRI, 1989-
2002). Бывший сопредседатель
Польско-российской группы
по сложным вопросам (2008-2015).
Автор 450 научных публикаций,
в том числе ок. 20 книг.

Факультет «Artes Liberales»
Варшавский университет

Польша – Россия

LABORATORIUM INTERDYSCYPLINARNYCH BADAŃ ARTES LIBERALES (LIBAL)

Wydział „Artes Liberales” Uniwersytetu Warszawskiego

MONOGRAFIE LIBAL

seria pod redakcją
JANA KIENIEWICZA

TOM II

Факультет «Artes Liberales»
Варшавский университет

Польша – Россия

Поиски новой идентичности.
Сходства и различия

Научный редактор
АДАМ ДАНИЭЛЬ РОТФЕЛЬД

Варшава
2017

Научный рецензент тома
ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР ИВОНА ХОФМАН

Редактор
ВЕРА СОЛОВЬЕВА

Перевод на русский язык
СТАНИСЛАВ ФИЛИПЧАК
ВЕРА СОЛОВЬЕВА
ЛАРИСА ТРЫБУС

Сверка переводов с польского языка
НАТАЛИЯ ПУМИНОВА

Проект обложки
ЗБИГНЕВ КАРАШЕВСКИ

Типографический проект
ИВОНА МИСЬКЕВИЧ

© 2017 Факультет «Artes Liberales», Варшавский университет
Польша, 00-046 Варшава, ул. Новы Свят, 69
www.al.uw.edu.pl

ISBN: 978-83-63636-63-0

Финансирование издания осуществлено за счет средств Факультета, выделенных на науку в 2015 и 2016 гг., а также программы LIBAL Фонда «Институт *Artes Liberales*» при поддержке Польского института международных дел и Центра польско-русского диалога и согласия.

Набор, верстка, печать
ТИПОГРАФИЯ ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЗАК. 856/2017

СОДЕРЖАНИЕ

Адам Д. Ротфельд

Формирование новой политической идентичности. Обзор
проблематики 9

Часть I

ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКИХ И ПОЛЯКОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ

Юрий Пивоваров

Об идентичности и легитимности в современной России . 27

Эдмунд Внук-Липиньски

Польша после 1989 года: поиск новой идентичности 49

Валерий Тишков

«Единство в многообразии» как формула для национального
государства Россия 71

Славомир Дембски

Россияне – нация с октроированной идентичностью 93

Часть II

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Ирина Глебова

Историческая память и национальная самоидентификация
в современной России 123

СОДЕРЖАНИЕ

Хероним Граля

Национализм как фактор формирования новой российской идентичности. Центр и регионы. 141

Константин Морозов

Историческая память и формирование новой российской идентичности. 175

Анджей Менцель

Польша-Россия: поиски новой идентичности. 185

Часть III

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, ЭТНОЦЕНТРИЗМ, НАЦИОНАЛИЗМ

Виктор Шнирельман

«Полезные предки»: интеллигенция и этноцентризм 205

Андрей Кореневский

История как политический ресурс: идеи наследия и наследие идей 231

Анджей Шпоциньски

Интеллигенция – национальная идентичность – этноцентризм 251

Часть IV

НАЦИООБРАЗУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ – РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ, ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЛИТИКОВ

Александр Архангельский

Больше, чем поэт: социальная функция писателя в современной России 263

Казимеж Вуйцицки

Наррации прошлого и нациообразующие процессы территории Центральной и Восточной Европы. 273

Эмиль Паин

Ответственность политиков за разжигание ксенофобии и русского национализма в России 283

Виктор Росс

Идентичность современной России и Польши и отношения между двумя народами 299

Мариан Брода

Современная Россия в процессе поиска новой идентичности – польская точка зрения 323

Анна Лабушевска

Юмор и сатира как идентификатор идентичности 347

Нина Брагинская

Образ и наследие Фрейденберг 365

Приложение

Анатолий Торкунов

К российско-польским отношениям. 387

Андрей Артизов

Наш путь к взаимопониманию через диалог 397

Авторы 409

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. ОБЗОР ПРОБЛЕМАТИКИ

Сходства и различия в формировании новой политической и культурной идентичности народов Польши и России – после вступления в период системной трансформации – нашли свое отражение в открывающих сборник статьях российского академика Юрия Пивоварова и выдающегося польского социолога доктора наук, профессора Эдмунда Внук-Липиньского. Это его последний текст, написанный незадолго до смерти. Главные идеи обоих авторов, хотя и концентрируются на процессах параллельного формирования идентичности в России и Польше, позволяют отметить в большей мере существенные различия, нежели сходства в самосознании русских и поляков.

По мнению профессора Юрия Пивоварова, российское общество второго десятилетия двадцать первого века в большей мере отмечено *советскостью* нежели *российскостью*. Несмотря на то, что прогосударственная пропаганда постоянно и навязчиво ссылается на традиции династии Романовых, православие, *русский мир*, на то, что Россия

другая, особенная, со своей извечной системой ценностей, жители России, как пишет Пивоваров, – «это абсолютно советские люди, это – продукт коммунизма «made in USSR». В них мало русского, в смысле традиций, корней и причастности к русской культуре». Это люди, выросшие в «неприемлемой стране» (согласно заглавию работы Ю. Пивоварова *Неприемлемая Россия*) – за пределами нравственности.

Такие люди построили послесталинскую Россию. Именно таких людей российский социолог и философ Александр Зиновьев и польский мыслитель, ксендз профессор Юзеф Тишнер метко называли *homo sovieticus* («советский человек»). Несомненно, новым и достойным внимания тезисом в рассуждениях Юрия Пивоваров является мнение, что номенклатура, или, как пишет автор, «системообразующий элемент пожертвовал Системой ради спасения себя самого». Иными словами, по его мнению, революция на рубеже 80-х и 90-х годов была «прежде всего, борьбой за освобождение номенклатуры от оков коммунистической системы». Он раскрывает самую суть дела, когда отмечает, что победители в этой псевдореволюции, которую мы называем трансформацией, «овладели в ла ст е с о б с т в е н н о с т ь ю», то есть стали владельцами государства и экономики.

Можно поспорить с Пивоваровым, когда он пишет, что именно «Ленинская национальная политика взрастила новые нации». Возникает вопрос: а если бы не Ленин и его революции, то украинцы не добивались бы своего права на самоопределение? С кем большевистская власть вела

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ...

кровавые войны на Кавказе, и кто более 20 лет сопротивлялся советской власти в Средней Азии? Ведь *басмачи* не были продуктом ленинской школы...

С Пивоваровым трудно не согласиться, когда он отмечает, что по прошествии 20 лет новой России в самом большом проигрыше оказались либеральные демократы, интеллигенция и люди, руководствующиеся в своих поступках нравственными принципами. Он верно усматривает в процессах *легитимности* и *самоидентификации* основные движущие факторы нового государственного строя, в котором живет российское общество на протяжении последних 25 лет.

Конец царской России узаконил «восстание масс». Создаваемая на руинах империи новая держава искала *подтверждения своей легитимности* в марксистско-ленинской идеологии – в весьма упрощенном, если не сказать вульгарном и примитивном, виде – по принципу навязанной «религии без Бога». «Содержательная убогость его „догматики” восполнялась, – как пишет Пивоваров, – широтой и гибкостью „прагматики”». Тезис Пивоварова о современной России гласит: «владычество большевизма сохраняется», поскольку на российской исторической сцене находится *homo sovieticus* – «продукт долгосрочного пользования».

Прав он и в своей оценке современного правопорядка, который, в сущности, является отрицанием *правового государства*. Отсутствие правовой легитимности привело к возникновению срочного запроса со стороны власти, адресованного российским ученым и исследователям, на новую

историческую политику, то есть на выискивание в истории России наследия, которое могло бы стать своего рода обоснованием современной формы авторитаризма, т. е. государства, в котором нет никакой альтернативы для президента и властвующей группы. Эта операция по смене общественного строя по сравнению с предшествующим правлением Бориса Ельцина превзошла все ожидания. Россия возвращается к традиции, которую ёмко определил Александр Пушкин: «В России нет закона / Есть столб и на столбе корона». Символом, и в то же самое время иллюстрацией новой исторической политики являются «произведения», собранные и отобранные Владимиром Мединским, министром культуры Российской Федерации, обвиняемым уважаемыми в России историками в плагиате. Мне кажется, что в критической оценке его творчества значительно большую, чем плагиат, проблему представляет пробуждение великорусского национализма и пионерское внушение обществу популярного сегодня – не только в России – утверждения, что важнее фактов и исторической правды стоят мифы, формирующие желаемые социальные установки, характеризующиеся комплексом превосходства в отношении других наций и сервилизмом в отношении всемилостиво господствующей *сакральной* власти (коль скоро демократическая альтернатива была успешно ликвидирована).

Российское общество, по утверждению Пивоварова, определено лишено политической гражданско-правовой идентичности. Не имеет независимой судебной и законо-

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ...

дательной власти. Система разделения властей не то чтобы подверглась эрозии, она скорее даже не успела сформироваться. В результате политико-правовая идентичность народа и граждан носит показушный, иллюзорный, декларативный характер. Как своего рода *memento* звучит последнее предложение эссе Пивоварова, предвещающего, что идентичность России может определить националистическая идеология: это будет «национализм униженного и оскорбленного русского народа». То, что три года назад было гипотезой исследователя, предвестием того, что может случиться, на наших глазах становится политической действительностью.

Польские проблемы с формированием новой идентичности стали предметом рассуждений Эдмунда Внук-Липиньского. В эссе, присланном нам незадолго до своей смерти, профессор Внук-Липиньски писал, что определение идентичности – это поиск ответа на вопрос: кто я такой? Проще говоря: «идентичность – это определение самого себя в соотнесении с актуальным общественным окружением (реальным, виртуальным или хотя бы только воображаемым)». Автор обратил внимание на то, что редко замечают, – что самоидентификация выражает состояние сознания лишь в условиях демократического государства, в котором мысли и поступки граждан не подвергаются контролю со стороны тоталитарного государства, независимо от того, коммунистический это строй, фашистский, национал-социалистический или же другой, подчиненный определенной идеологии, ограничивающей гражданские

права и свободы и навязывающей индивидам их идентичность. Он указывает на особый польский путь обретения либо возвращения гражданской идентичности, главной движущей силой которого было независимое массовое движение «Солидарность». Для чувства идентичности в процессе трансформации отношение к предшествующей системе угнетения (коммунизм – антикоммунизм) утратило значение, хотя этот вопрос по-прежнему играет определенную роль в формировании общественной позиции. В демократической системе определенным показателем общественно-политической позиции и чувства идентичности являются выборы – если исходить из того, что высокая явка позволяет сориентироваться в самоидентификации значительной части граждан. Профессор Внук-Липиньски верно подметил, что даже в коммунистической системе отношение к польскости имело существенное значение в определении национальной идентичности, хотя «в публичном пространстве (проявление – А.Д.Р) политически дифференцированных профилей этой идентичности (...) в условиях тогдашней системы было невозможно». Что интересно и важно, автор представил в своем эссе результаты исследований, проводимых с его участием на рубеже 2007/2008 гг.: «мы отметили определенное разочарование в демократических принципах, которое в результате означало поворот в направлении авторитарных настроений...». Развитие событий в прошедшем десятилетии подтвердило выводы исследователей.

Внук-Липиньски выделяет три формулы национальной идентичности: этническую, культурную и политическую.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ...

В принципе, эти идентичности накладываются друг на друга, однако в условиях напряжений и кризисов наступает радикализация, в результате которой в публичном пространстве начинают доминировать лозунги, апеллирующие к этническим критериям, которые по определению обладают признаками, исключающими из национального сообщества граждан, не имеющих соответствующего этнического происхождения. Рассуждения профессора Внук-Липиньского приводят к выводу, что элементы, обуславливающие политическую идентичность россиян (*homo sovieticus*), в Польше имеют все меньшее значение. Процесс системной трансформации в Польше на протяжении последних 25 лет носил значительно более глубокий характер, оказав влияние на возвращение чувства идентичности, основанной не только на этнических и культурных элементах, но и на гражданской субъектности. По мнению автора, на чувство идентичности и рост радикализма социальных установок существенное влияние оказывало материальное положение, кризис и рост неуверенности. На практике это обозначило заметный поворот в сторону националистических установок.

Оба рассмотренных выше эссе в большей мере подчеркнули различия, нежели сходства в формировании политической идентичности в процессе системной трансформации в Польше и России. Некоторые из опубликованных здесь текстов носят постулативный и нормативный характер. Так, например, профессор Валерий Тишков, многолетний директор Института этнологии и антропологии Российской

16 академии наук, который во времена президентства Бориса Ельцина исполнял функции министра по делам национальностей, уже в самом заглавии своего эссе выразил мнение, что для России как национального государства формула звучит как «единство в многообразии». В сущности, для Российской Федерации это единственная формула, которая может на практике предотвратить распад этого многоэтничного и поликонфессионального организма. Такие факторы, как этнос, религия и язык, в силу своей природы содержат в себе серьезный дезинтеграционный потенциал, поскольку способствуют сепаратистским движениям, искрой для которых являются процессы ускоренной глобализации. Реакцией на глобализацию являются, в свою очередь, попытки фрагментаризации – не только в России, но также и в Испании, Великобритании и многих других регионах мира.

Славомир Дембски, в свою очередь, метко уловил что, хотя современная Россия и обращается к традиции царской империи, однако после почти 75-летнего правления большевиков, русский народ подвергся своеобразной мутации. Это было результатом постепенного процесса «русификации» советской империи. Между тем, распад Советского Союза проходил «по национальным швам». *Homo sovieticus* не привел к консолидации советского общества. Наоборот – способствовал его атомизации. Существенным элементом российской идентичности является то, что ожидания россиян адресованы элитам. Именно лидеры должны определить составные элементы российской идентичности. Иначе

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ...

говоря, в России не народ определяет характер государства, но имперский характер государства определяет идентичность россиян.

Чувство общности – как пишет Ирина Глебова, руководитель Центра россиеведения, – строится на связи, отсылающей к общей памяти, общим ценностям, идеям, мифам, предрассудкам, а также системе норм (указаний, запретов, разрешений), которые зафиксированы в коллективной памяти. Однако память не формируется самопроизвольно, но, по утверждению Глебовой, является «процессом сознательного конструирования силами элит (...)». В России Путина «компенсаторная по природе потребность в самооправдании и самоутешении возведена нашим обществом в главную задачу момента». По мнению Глебовой, для российской идентичности ключевое значение имеет то, что «советское не с нами, но в нас». Именно этим она объясняет тот факт, что русские не приняли вариант европейского самоопределения. В России европейцами чувствует себя определенно меньшая часть общества. Что интересно, для чувства *российскости* большее значение имеет территория, а не генетика; общность земель, а не крови; имперское доминирование, а не национальный элемент. Для российской формы национализма главной детерминантой является империализм, проявлением которого является великодержавная военная мощь.

Такому пониманию национализма как фактора, формирующего российскую идентичность, созвучны рассуждения Херонима Грали. Он утверждает, что, несмотря на все

просветительские и пропагандистские усилия, в общественном сознании не укоренились такие личности, как Петр Столыпин и Александр II, символизирующие политику модернизации. В то же время, важное место в этом сознании занимают Владимир Ленин и Иосиф Сталин, которые – из соображений политкорректности – «должны были» (в результате стараний православной церкви) уступить место князю Александру Невскому, причисленному к лику святых, окруженному культом еще со времен Сталина.

Важной частью многих рассуждений, опубликованных в данном томе, являются роль и место интеллектуалов, деятелей культуры и творцов – поэтов, писателей, театральных и кинорежиссеров. В этом отношении роль интеллигенции в формировании национальной идентичности в России и Польше схожа. Само понятие «интеллигенция» неизвестно во многих странах Европы и неприводимо на западные языки. Как правило, оно требует дополнительного объяснения.

В академической среде особый интерес могут вызвать эссе, посвященные именно этому слою, т. е. роли творческой интеллигенции – ученых, поэтов, писателей, деятелей театра и кино – в формировании идентичностных установок в России и Польше. Авторы – это касается, прежде всего, рассуждений профессоров Александра Архангельского и Виктора Шнирельмана, Эмиля Паина, Андрея Корневского, Анджея Менцвеля и Анджея Шпоцинского – в целом критически оценивают оппортунизм и сервилизм значительной части интеллигенции, хотя

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ...

некоторые выделяют на общем фоне позицию серьезных современных историков. Не исключено, что распад СССР и развал КПСС «нанесли серьезный удар» той части российской интеллигенции, которая во времена СССР активно прислуживала власти, главным образом из соображений легкого «карьерного пути» (Шнирельман пишет: «(...) привлекали такие направления советской гуманитарной науки как история КПСС, история советского периода, обществоведение и исторический материализм»).. Иначе дело обстояло в Польше: авторитетные историки, такие как Александр Гейштор, Стефан Кеневич, Марьян Маловист, Тадеуш Мантейфель и многие другие, установили в Польше настолько высокий стандарт морально-этической позиции ученого, что все попытки инструментальной трактовки истории со стороны властей ПНР были обречены на необходимость пользоваться услугами лишь тех «исследователей», которые не вызывали уважения ни в академической среде, ни среди читателей. В результате – в противоположность России – среди историков особой популярностью пользовались периоды раннего Средневековья, Ренессанса и Польши до разделов. Серьезные исследования, посвященные новейшей истории и современности, стали возможны лишь после возрождения полной независимости.

В период Народной Польши огромное влияние на формирование национального самосознания оказали произведения классической литературы (Мицкевич, Словацкий, Норвид), великие театральные постановки (Леона Шиллера, Эрвина Аксера, Казимежа Деймека, Тадеуша Кантора,

Конрада Свинарского), шедевры польской кинематографии, ранг которой определяли имена Анджея Вайды, Кшиштофа Кесьлёвского, Анджея Мунка, Януша Моргенштерна, Ежи Гофмана, Агнешки Холланд, Януша Маевского. Их произведения формировали коллективные представления поляков, определяли критерии оценки нравственных установок. Ход истории привел к тому, что лишь после падения тоталитарной системы в России и в нашей части мира смогла исполниться озвученная около 100 лет тому назад мечта поэта Яна Лехоня:

А летом солнце пускай отражается в мотыльках.
Мне бы весной — весну, а не Польшу увидеть.

Во времена внутреннего и внешнего порабощения в России – равно как и в Польше – от поэтов ожидали, что они будут проводниками народа, своего рода пророками. Лишь полная независимость освободила их от этой национальной обязанности. Они вернули себе право «увидеть весну»... Знаменательным было общее для Советской России и Народной Польши явление, проявившееся в том, что существенную роль в формировании идентичности в обоих обществах, находившихся под властью режима угнетения и духовного порабощения, сыграло творчество поэтов-песенников, бардов – Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы и Александра Галича в России, а в Польше – Агнешки Осецкой, Войцеха Млынарского и Яцека Качмарского. В обществах второй половины XX и первой половины XXI века поэзия в их исполнении повли-

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ...

яла на массовую культуру и сознание миллионов русских и поляков.

В России, – пишет Шнирельман, – источником так называемой национальной памяти стала «альтернативная история», поскольку мифологизированные образы вызывают интерес у миллионов, тогда как научные труды выходят тиражами, насчитывающими лишь несколько сот экземпляров. Они не могут на читательском рынке конкурировать с *Подлинной историей русского народа*, которая имеет столько же общего с истиной, что и неоднократно переиздаваемые псевдонаучные разглагольствования Льва Гумилева – метеоролога по профессии – с научными трудами выдающихся российских историков и этнологов.

Заслуживает внимания также редко затрагиваемая в историографии тема палачей, о которой пишет российский участник дебатов Константин Морозов. Как правило, история репрессий в большевистской системе сосредоточивалась не на тех, кто осуществлял репрессии, а на жертвах. В связи с этим автор пытается оспорить миф «о русском народе как извечном рабе». Меткость его рассуждений иллюстрирует прекрасное эссе Нины Брагинской, посвященное Ольге Фрейденберг, выдающемуся российскому ученому, теоретику мифа и культуры уровня Леви-Стросса и Кассирера. Сталинскому режиму преступлений и репрессий она противопоставляла свою бескомпромиссность. Исследовательница оставила после себя 12 неопубликованных при жизни монографий, 20 научных статей и обладающие огромной ценностью *Воспоминания о самой себе*

(объемом в 2300 машинописных страниц).

Вызывает беспокойство рост ксенофобии в России, уровень которой, как было отмечено в конце 2013 г. Левада-Центром, носит беспрецедентный характер. Критический анализ конкретных проявлений агрессивных эмоций по отношению к иностранцам представляет профессор Эмиль Паин, указывая при этом на ответственность политиков за разжигание национализма и ксенофобии.

Весь представленный том является своеобразным подтверждением мнения, высказанного в эссе Анджея Менцвеля: идентичность народов никогда «не едина, а всегда дифференцирована, по крайней мере, двойственна».

22 Попытка представить идентичность в форме модели – как отражение, например, пястовской или ягеллонской традиции – имеет мало общего с сегодняшней действительностью и еще меньше с исторической Польшей Пястов или Ягеллонов. Ведь никогда – даже во времена Пястов – Польша не была национальным государством, гомогенным и единым в политическом отношении. В свою очередь, «ягеллонская Польша» уже по определению является идеологической олицетворением многонационального, многокультурного, многоконфессионального, демократического и республиканского государства.

Не вникая в суть этих упрощенных моделей, несомненным является то, что в историческом плане национальные идентичности Польши и России формировались по-разному. У современных поляков и русских «польскость» и «российскость» вызывают совершенно разные ассоциа-

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ...

ции. При этом сущность различий заключается не только в принадлежности к разным церквям (римско-католической в Польше и православной в России); не только в наличии индивидуальных свобод в Польше и *соборности* или коллективизма в России, но, прежде всего, в том, что Польша после 123 лет существования под властью других государств возродилась как «нормальное» национальное государство, а Россия сменила идеологическую окраску, но осталась имперской державой. Более того, годы правления большевиков и марксистско-ленинская идеология закрепили этот имперский характер российской идентичности. Это было и остается существенным различием как в процессе модернизации обоих государств, так и в формировании новой идентичности поляков и русских в период начавшейся параллельно, но протекавшей по-разному системной трансформации.

Часть I

**ИДЕНТИЧНОСТЬ
РУССКИХ И ПОЛЯКОВ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ
РАССУЖДЕНИЯ**

ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЛЕГИТИМНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мы живем в советской посткоммунистической России. Это главное, что я могу сегодня сказать о моей стране. Она перестала быть коммунистической, поскольку отказалась от этой идеологии, этого целеполагания, соответствующих институтов. А вот в качестве советской сохранилась – эволюционировав и перейдя в другой период своего советского бытования. Разумеется, когда речь идет о «советском», совершенно не предполагается обсуждение темы «Советы как форма народовластия». Как «форма народовластия» (впрочем, исторически неудачная; так и не сумела по-настоящему развернуться не в начале коммунистической диктатуры, не в конце ее) они были ликвидированы огнем четырех танков утром 4 октября 1993 года. Под «советским» имеется в виду иное.

Советское – шире, глубже, значительнее, органичнее, устойчивее, опаснее коммунистического. Коммунизм во многом наносен, ситуативен, вымышлен, несерьезен, функционален. Он и у нас, и на Западе (и, видимо, в Китае)

заканчивается одним – «пролетарии всех стран маршируют в ресторан» (И. Бродский). Советское же это то, во что вылилось русское в XX столетии. Не всё русское, подчеркну, но во многом и в большинстве (количественно) своем. Это – форма русского массового общества, продукт весьма своеобразной урбанизации, «красное чернотенство» (по терминологии П. Б. Струве, культурная борьба, борьба против культуры, сведение высокой культуры к примитивным ее образцам и нормам; или, как по другому, хотя и близкому, поводу говорил этот же мыслитель – «азиатский марксизм»), результат выбора 1917 года, долговременных террора и мировой самоизоляции и пр., пр., пр.

Советское – это не религиозная цивилизация, мир, жизнь только посюстороння, полностью исключена идея личного греха, напротив, греховность вменяется «другому», торжествует презумпция виновности. Ведь если «я» освобожден от первородного греха и все последующие грехи не имеют, к примеру, христианского толкования, то логично все зло, всю несправедливость приписать «другому». Кто-то же должен отвечать! Советское – это насилие *par excellence*, мир и жизнь – борьба. Поэтому насилие над «злом», борьба со «злом» *for ever*. Ну, а «зло», как мы знаем, «другой» (по своему к этому выводу приходили и левые западные интеллектуалы, зараженные нерелигиозным марксизмом и т.п.; помните Сартра – «ад это другие»?). Мочи другого – врага народа, вредителя, космополита, диссидента и т.д., мочи враждебное окружение и т.д. Из всего этого следует, что

советское есть отрицание диалога, чужого мнения, оппозиции, разно- и многообразия.

* * *

Теперь несколько слов о революции 1989–1993 годов, которая завершила эпоху коммунистического владычества в России. И сразу же обратим внимание на её отличие от революции большевиков 1917 года. Вне всякого сомнения, эта революция и гражданская война были разрывом с прошлым. И хотя в Сталинской России «прочитывались» (проглядывались) какие-то черты традиционного нашего деспотизма, совсем другое было здесь системообразующим, определяющим. Революция же конца XX в. разрывом не стала. Не стала – по сути, по преимуществу. Мой тезис заключается в следующем: «постсоветская Россия есть «законное» (и в юридическом смысле, и в генетическом) продолжение советской. А вот советская, повторяю, не была наследницей царской.

Хотя внешне разрыв был и во втором случае. Однако **этот** разрыв явился формой, способом окончательного становления того, что складывалось в стране в хрущёвско-брежневский период. Вспомним, чему учили нас в школе: в недрах феодализма зарождаются капиталистические формы и посредством революционных родовых схваток утверждаются в этом мире. Следующая (нам говорили: более прогрессивная) формация приходит на смену предыдущей. – Примерно по этой схеме и произошел переход начала 90-х. Сталинский строй, завершив героическую

фразу своего развития, окончательно победив всех и вся, полностью сформировавшись и полностью преобразовав «данную» ему историческую материю, перешел в новую, спокойную «равновесную», компромиссную, зрелую фазу.

Около трех десятилетий страна жила н о р м а л ь н о й советской жизнью. Именно в этот период она приобретает те внешние и внутренние черты, которые определяют её и поныне. Внешние – это города, дома, улицы и т.п., которые своей большей частью построены и устроены именно в те годы. Это – новая, урбанистическая Россия, разместившаяся по-преимуществу не в деревне, как это было тысячу лет, но в городах и поселениях городского типа. Впервые в своей истории русские в своем большинстве перестали работать на земле и были вырваны из традиционного природного ритма. Таким образом, Россия перешла к своей Современности (Modernity). Не природа, а социальные условия города начали детерминировать судьбу и поведение человека. Иначе говоря, русские вышли из круга органической естественной обусловленности и зависимости и вошли в круг друг обусловленностей и зависимости – разных, но главное – неприродных, неорганических.

В этом новом кругу и формируется русский массовый современный индивид и русское массовое современное общество. Поражение либерализирующейся, эмансипирующейся, плюралистической России в 1917–1920 гг. и было связано с отсутствием такого массового индивида и, соответственно, такого массового общества. Несмотря на мощный социально-экономический подъем и громадные

ментальные перемены в пореформенной России, к мировой войне все это еще не поспело. И в годину испытания не удержалось, не устояло. Этим Русская революция начала XX в. принципиально отличалась от хронологически предшествовавших ей европейских революций. Там уже существовало – пусть и в незрелых формах – современное массовое (и городское) общество.

Но русский модерный социум и русский модерный человек были (есть) в высшей степени специфическими. Воспитанные не в рамках религии, в условиях запрета на предпринимательство (в различных его облициях), обязанные к «исповеданию» очень определенной идеологии (смеси наивного натурализма-материализма, элементов поверхностного гуманизма, провинциального социал-дарвинизма и фальшиво-оптимистического, наивного исторического телеологизма), оторванные от мейнстрима мировой культуры и социальной эволюции, они представляли (представляют) собой очень странный – наукой в общем-то, несмотря на все старания зиновьевых, левад, иностранцев, – малопонятный тип социальности. Его мы не встретим ни на Западе, ни на Востоке.

Это абсолютно советские люди, это – продукт коммунизма «made in USSR». В них мало русского, в смысле традиций, корней и причастности к русской культуре. Если использовать мою терминологию, то они выросли в неприемлемой стране¹. Но – являются единственным массовым

¹ У меня есть работа – «Неприемлемая Россия».

модерным человеком в русской истории. Этого человека можно было встретить в рядах и партийной номенклатуры, и крупных и мелких хозяйственников, в райкомах ВЛКСМ, в вузах, НИИ, офицеров армии и ГБ, МИДе и т.д. То есть повсюду, даже в многочисленной прослойке творческой интеллигенции. – Этот человек энергичен, оптимистичен, смышлен, внемравственен, циничен и т.п. Он и построил современную постсталинскую Россию. Он и захотел ею пользоваться.

32 Более того, этот человек совершил невозможное. Властная верхушка этой современной массы похоронила коммунизм – господствовавший социальный строй, но сохранилась сама и – в новых условиях – сохранила свою власть. Иными словами, системообразующий элемент пожертвовал Системой ради спасения себя самого. Систему выбросили за борт как ненужный и опасный балласт. Об этом в свое время точно сказал Г.А. Явлинский: «Ключевой вопрос 1992 года заключался в том, какой путь избрать: освободить старые советские монополии или освободить общество от старых советских монополий? Надо ли полностью освободить коммунистическую номенклатуру от всякого контроля, сказать директорам–коммунистам и коммунистической номенклатуре: вы свободны, делайте, что хотите?»². Разумеется, Г.А.Явлинский подчеркивает экономический аспект этого невероятного социального кульбита, нас интересуют все аспекты.

² Цит. по: Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский или История разграбления России. М., 2002. С. 82.

Что же такое революция конца 80-х – начала 90-х годов? Это, прежде всего, борьба за освобождение номенклатуры от оков коммунистической системы. Господствовавший слой бессобственников–управленцев, управленцев–пролетариев восстал против порядка, лишавшего его права владеть и распоряжаться. Это была первая в мире победившая революция пролетариата. Попутно замечу: чуть раньше на Западе прошла когда-то очень громкая (сейчас ее подзабыли) «революция управляющих» (менеджеров). Помню, как на лекциях политэкономии нам рассказывали о борьбе капитала–функции (управленцы) с капиталом–собственностью (правообладатели капитала). Верх взяли функционеры; собственникам пришлось делиться.

Но у нас другая история. У нас собственников вообще не было. И наши менеджеры (номенклатура) сумели перейти в совершенно новое качество, сбросив с себя пролетарские оковы – принципиально бессобственническую Систему. Кроме того, пролетарии-номенклатурщики захватили не просто собственность, «просто» в России не бывает. Они овладели властью с о б с т в е н н о с т ь ю, т.е. и государством, и экономикой. Вообще-то они пользовались всем этим и до революции 1989–1993 гг. Но именно «пользовались», а не владели и не могли передать в наследство своим детям. Ныне – могут.

Но неужели все содержание революции конца XX в. сводится к апофеозу номенклатуры, которому предшествовали долгие годы труда, терпения, борьбы? Нет, конечно. Она была комбинацией трех революций. Во-первых,

удалась антиимперская революция (де-факто антирусская). Ленинская национальная политика взрастила новые нации, и они выступили против русского Центра. «Национальным окраинам» (выражение XIX в.) России удалось то, что задавили в ходе Гражданской войны 1918–1920 гг. Во-вторых, случилась криминальная революция – революция «теневиков», бандитов, асоциалов, всякого прочего «мелкого люда» (и не только «мелкого»), которым Система не давала «состояться» в полный рост. И, наконец, революция демократическая. Под ее покровом и пошла в бой номенклатура. Права человека, правовое государство, политический плюрализм и толерантность, рыночная экономика и частная собственность, причастность к европейской цивилизации, высшие моральные (религиозные) ценности – вот что было написано на знаменах освободительного, антисоветского и антикоммунистического демократического движения. У этого движения было два главных отряда – свободолобивая интеллигенция (ядро – диссиденты-инокомыслящие) и прогрессивная номенклатура (от «партийных либералов» до современного покроя хозяйственников). Оба отряда в целом сформировались в 60-е–80-е годы. Один был ориентирован на политико-правовую и этикоэстетическую эмансипацию, другой – на экономическую и юридическую.

* * *

Ну и, наконец, о главном, о двух проблемах, которые в обязательном порядке должны решить для своего нор-

мального функционирования все государства и общества. Речь идет о легитимности и самоидентификации.

1. **Легитимность.** Не будем ломиться в открытые двери и доказывать ее обязательность для устойчивого функционирования государств и политий. Как же здесь обстоят наши дела? – Но прежде напомним: какую легитимность имеют современные государства. В качестве примера возьмем Францию – одну из «законодательниц мод» в политике. Будучи президентом Республики (1995–2007) Жак Ширак, представитель умеренно-консервативных, центристских сил, заявил: наше государство имеет своим источником Великую революцию, а не, скажем, деяния Жанны (д'Арк). То есть человек, вышедший из голлистской (католической, национальной) традиции, апеллирует не к глубинным – во многом духовным, религиозным – основам и организационному опыту полуторатысячетной Франции, а к светским, республиканским принципам 1789 года. Нет, та Франция не забыта, но **это** государство выросло из Революции. Можно оспорить мнение Ширака, но оно ясно, точно, определено. И в обществе по этому вопросу существует консенсус; ведущие политические игроки вполне принимают шираковскую версию.

Это – историческая легитимность, или легитимность в истории. Без нее невозможны устойчивость, успешность государства, социальной системы. Другой необходимый тип легитимности – правовой. Он коренится в Конституции, которая, по словам крупнейшего теоретика права XX столетия Г. Кельзена, является «основной

нормой» жизнедеятельности политической системы и правопорядка. Само же государство – «правопорядоком в действии». Не больше, но и не меньше.

Таким образом, есть две легитимности – историческая и конституционно-правовая. Они дополняют друг друга, переплетаются, создавая новое качество. Это пришедшие на смену «Власти от Бога» – власть от народа, суверенитет народа. Историческая и конституционно-правовая легитимность оформляют народный суверенитет, придают ему предельную для современности обоснованность, релевантность, консенсуальность.

Посмотрим на Россию. В XX в., как мы знаем, в ней последовательно существовало три государства Российская империя, СССР и Российская Федерация.

а) Российская империя. Конституция 23.04.1906 г. превратила самодержавную монархию в полупарламентскую (в контексте общего перехода страны к открытому, плюральному обществу, пронизанному снизу доверху принципом представительства). Соответственно с этим государство черпало свою легитимность и в «Основных законах», и в сохранявшемся (как оказалось, весьма непрочном) сакральном понимании природы власти, и в исторических традициях. Судя по всему, Россия – в специфической форме, с вариациями – шла к описанной выше историко-правовой легитимности. Война сыграла свою роковую роль. Но не только она. Общество в лице своего либерально-буржуазного—«генеральского» авангарда легкомысленно отказалось от «исторического компромисса», заключенного с властью

в ходе первой революции и закрепленного в «Основных законах» 23.04.1906 г. В свою очередь, Николай II фактом юридически нерелевантного отречения нанес удар в сердцевину им же октроированной Конституции. А также, как ни горько мне это говорить, добил сакрально мотивированное восприятие власти на Руси («горькость» от того, что все это работало на руку поднимавшим голову «ворам» – в старорусском смысле этого слова). Понятно, история судила ему быть главным десакрализатором власти, но, опять должен признать, в конкретных условиях 1916–1917 гг. это способствовало катастрофе. Что касается исторической легитимности, то она все-таки была доступна немногочисленным культурным кругам. «Восставшие массы» в этих категориях не рассуждали (как, впрочем, и в правовых).

Иными словами, вполне удовлетворительная легитимность образца, к примеру, 1912 года в силу целого ряда объективных и субъективных причин, к 1917 году рассыпалась. И здание, потерявшее опору, рухнуло.

б) СССР тоже обладал своим «комплексом» легитимности. В нем практически отсутствовала правовая составляющая, что отличало его от современных государств. Да и историческая компонента была иной, чем это было принято в XX в. Но об этом чуть позже. Основополагающая советская легитимность коренилась в марксистско-ленинской идеологии. То есть носила идеократический характер. Из-за особенностей этой идеологии «практикующие» большевики получили неслыханную свободу действий; буквально все их решения находили оправдание в этой «единственно

верной» ортодоксии; можно сказать и так: специфика «марксизма-ленинизма» заключалась в том, что содержательная убогость его «догматики» восполнялась широтой и гибкостью «прагматики»; сегодня, когда их внешнее владычество закончилось, приходится признать: это было социальное оружие по силе своей разрушительности и убедительности сопоставимое с ядерным; слава Богу, что мир со временем выработал против него непреодолимую ПРО; внутреннее же владычество большевизма сохраняется, поскольку на русской исторической сцене и в историческом зрительном зале находится советский человек, как оказалось: «продукт долгосрочного пользования». В этой идеократической похлебке «варились» и правовые, и исторические «куски» (и другие). В определенном отношении она напоминала древнерусскую легитимность в «правде» (от митрополита Илариона, «Русской правды» и т.п.). Спецификой советской легитимности было и то, что по исторической линии она «уходила» в мировую историю, прочитанную как борьба классов, которая, в свою очередь, трактовалась как борьба «добра» со «злом». Из этого следовало, что государство СССР не ограничено собственно русской историей и обладает всемирным (универсалистским) характером³.

³ Еще Николай Васильевич Устрялов обращал внимание на то, что государство СССР с его экстерриториальностью, трансграничностью, универсальностью претензий и мировоззренческих установок напоминает государство Ватикан. Неглупая мысль, интригующее сравнение! Проблема только в том, что СССР – при всем этом – вынужден был оставаться и национальным государством, т. е. нормальным, обычным. Со временем эта нормальность нарастала. И внутренний конфликт двух этих «компонент» взорвал СССР (не только он, конечно). Да и мировоззренческая установка не в пример «ватиканской» не выдержала экзамена на адекватность, и хвастливые претензии на «всесильность» учения оказались туфтой.

Поэтому не может быть связано и заключено в конкретно-исторические территориальные границы (мы знаем, ленинцы зафиксировали это в Конституции 1924 г.). Одновременно такая интенция «предполагала» и оправдывала советский экспансионизм, впоследствии выродившийся в специфический империализм. Этот последний пришел на смену «земшарно»-интернационально-коминтерневскому экспансионизму, когда большевик-черносотенец Сталин – с целью укрепления своего режима – полез за легитимностью в русскую историю. Полез по-мародерски, затоптав одно, фальсифицировав другое, установив монополию на эксплуатацию третьего... Нет, он не отказался от классически-большевистской идеократической легитимности, была «лишь» проведена определенная «смена вех».

Коммунистический же миф, повторим, был невероятно гибким и адаптивным. При этом и жестко-догматичным; это – не противоречие или кажущееся противоречие; это – органическое качество, поскольку, как известно, для большевиков морально то, что служит их интересам; мораль есть категория полезности; вдогонку скажу: ох, как не случайно поздний большевизм выродился в режим и ментальность потребительства, т.е. пользы для себя; действительно, «романтика» и универсалистский замах ушли, приказали долго жить, осталось: «обогащайтесь» – ведь жизнь дана один раз; вот чем закончилось, во что выродилось мировое притязание и гордыня этих суровых и храбрых безбожников.

Тем не менее, когда этот мир в 80-е гг. XX в. обветшал, его победность померкла, эффективность как-то истончилась

и он все более-более напоминал «осетрину» не первой свежести и когда – одновременно – русский Дубчек⁴ попытался придать ему «ускорение», оздоровить «гласностью» и даже модернизировать через «перестройку», он не выдержал, сдулся, лопнул.

СССР закончился как государство.

в) Государство Российская Федерация (РФ) по типу своей легитимности резко отличается как от своих предшественников – Российской империи и СССР, так и от современных классических государств. Поначалу доминантной легитимностью была конституционно-правовая. Этому способствовало и то, что Основной закон 12.12.1993, с одной стороны, находился в русле конституционного мейнстрима XIX – начала XX в. (проект Сперанского, создание Госсовета, земское самоуправление 1864 г., Основные законы 23.04.1906, проект Конституции Российской республики к Учредительному собранию), т. е. здесь работала, независимо от того, осознавало это общество или нет, к о н -

⁴ Сравнение не случайно: пражская весна закончилась вторжением русских танков, московская, растянувшаяся на несколько лет, тоже. Правда, оказалось, что в 1991 г. важнейший большевистский лозунг – «танки решают все» – уже не работал. Более того, через два года, большевикам было продемонстрировано, как можно бить врага его же оружием. Это им отмщение за Будапешт–56, Прагу–68, Москву–91. Пользуясь случаем (знаете этот оборот?), хочу выразить горячую благодарность Владимиру Ильичу. Недаром-недаром заучивали мы (и те, кто принимал решение ранним утром 4 октября 93-го) Ваши указания товарищам из ЦК. Помните: «Я пишу эти строки вечером 6 ноября (24 октября), положение донельзя критическое». И дальше там: «Теперь все висит на волоске, ...на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов)...», «нельзя ждать!! можно потерять все!!», «история не простит промедления...», «было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования... народ вправе решать подобные вопросы не голосованием, а силой» и т. д. Владимир Ильич, как и Вы, люблю Пушкина и «за учителей своих заздравный кубок поднимаю». Не знаю, был ли Борис Николаевич в курсе Ваших указаний, но и дух, и какую-то беспощадную неотвратимость усвоил на все сто. Вам бы за него не было стыдно.

ституционно-историческая компонента легитимности, с другой – параметры Конституции–93 позволили выжить – метафорически говоря – Русской Власти и связанным с ней элементам Русской Системы. Это была компонента субстанциально-историческая.

Что касается легитимности исторической, то здесь «все смешалось». РФ объявила себя правопреемником СССР. Это было еще одним аспектом конституционно-исторической легитимности. И означало: во-первых, указание на то место, которое принадлежит ей в международных отношениях, во-вторых, взятие на себя обязательств СССР и ответственности за его деяния, в-третьих, объявление о преемстве правовых измерений. Но это, если угодно, формальная сторона вопроса. В содержательно-историческом отношении выходило, что РФ есть «продолжение» СССР. И это соответствовало действительности. Ведь скоро выяснилось, что социальная природа РФ не антисоветская (как советская была антицарской), а постсоветская. Или, точнее: некая новая стадия развития советского. Это, напомним, вполне соответствует моему теоретическому предположению о Коммунистическом Режиме (КР)–2 и о природе русской социальной революции конца 80-х – начала 90-х годов XX в.

Таким образом, конституционно-правовая легитимность была дополнена легитимностью правопреемства РФ–СССР. Но сквозь них «прорастали» и преемство с дореволюционной Россией (следовательно, с исторической Россией вообще), и преемство с СССР, причем и с ленинской,

и сталинской, и хрущевско-брежневской моделями, и преемство с Русской Системой (Русской Властью, в первую очередь), и преемство с Россией–СССР, великой державой, претендующей на мировые роли. Все это находилось в хаотическом смешении и, на поверхностный взгляд, в противоестественных связях и переплетениях.

Но заметим, – и это важнее всего – впервые в русской истории доминирующей, «предельной» была конституционно-правовая легитимность.

Путинский режим, путинская система резко изменили ситуацию. Фактический отказ от выборов, смена модели избирательной системы, усиление внеконституционных «институтов» (чрезвычайных комиссий по своей природе) и процедур резко сократили действенность правовой легитимности. Однако полного отказа от Конституции не произошло. Напротив, загнав ее – по сути – на периферию реальной политики, в максимальной степени использовали авторитарные, недемократические возможности, заложенные в Основном законе (таковые имеются в интенциональной форме во всех конституциях). Однако подчеркнем, конституционно-правовая легитимность перестала быть сущностной необходимостью путинского *status quo*.

Здесь-то и оказалась сверхвостребованной легитимность историческая – в качестве компенсации дефицита правовой. Однако правопреемство от СССР резко ограничило возможности исторического маневра. К тому же было весьма опасно и невыгодно брать на себя ответственность за весь советский период. Поэтому ритуально осудив сталинские

нарушения социалистической законности, ошибки коллективизации и т.п., игнорируя Революцию, гражданскую войну и т.п., сосредоточились на Отечественной войне 1941–1945 гг. Именно ее «назначили» главным источником легитимности современной России. Надо признать, выбор сделан в высшей степени умно. Подвиг и страдания народа в войне отодвигают куда-то в тень, на второй план преступления и ужас зверского ленинизма-сталинизма. Кроме того, этот ход вполне соответствует подлинному ходу российской истории XX в. Я имею в виду все то же: нынешний режим есть своеобразное продолжение КР–2, истоки которого в великой и освободительной Второй отечественной.

Казалось бы, все складывается неплохо. И новая конфигурация легитимностей найдена. Однако это было заблуждением. Отказ от конституционно-правовой легитимности не может быть «уравновешен» акцентированной исторической. Обосновать суверенитет народа только подвигом и страданием Войны, при всем их величии, невозможно. Как говорил один из персонажей фильма, посвященного любимому герою многонационального российского народа («Александр Невский»): кольчужка оказалась коротковатой. – Конституционно-правовую легитимность можно по-настоящему поменять на идеологическую. Тем более, что наши люди привыкли существовать под опекой одной мирообъясняющей идеологии. Но сегодня все мы живем в эпоху тотального дефицита идеологий. Традиционные как-то подвыдохлись или вообще ушли то ли в небытие, то ли в запасник истории. Пожалуй, единственным возможным

кандидатом является национализм. Мы ведь по-настоящему, всерьез его еще не пробовали.

Да, и историческая ситуация складывается для его подъема вполне удачно. Впервые с середины XVI столетия Россия стала страной с решающим преобладанием одного этноса – русского народа (более 80 % населения). К тому же именно русские – и по причине своей численности и по другим (сейчас мы не будем обсуждать эту тему) – несут основное бремя сегодняшних социальных перемен и состояний. Больной, уставший, измученный народ, потерявший во многом ориентацию в мире и самоидентификацию, утративший веру в мудрое и заботливое государство, может легко стать жертвой националистических мифов, искушений, упрощений. Поскольку же русский национализм идейно весьма слаб, неразработан, не искушен, он, скорее всего, проявит себя в примитивно-этнической форме (его подъему способствует и укрепляющийся национализм нерусских этносов РФ). Потенциальная сила национализма в том, что именно он в состоянии «склеить» воедино различные интересы различных социальных и возрастных групп.

Но, разумеется, делать ставку на националистическую легитимность крайне опасно (это ведь и «обоюдоострая» штука). И, кажется, власть имущие пока, слава Богу, не делают этого и вроде бы понимают губительность обращения к национализму. – Что же касается исторической легитимности, то из-за ее «ограниченного» (редуцированного к Отечественной войне) характера она обладает и ограниченной эффективностью. И во весь рост встают вопросы:

а дореволюционная (множество эпох, разнящиеся друг от друга столетия) история «наша»? Если «да», то как же быть с советским периодом, который хоть и был, естественно, продолжением предшествующего, но содержательно по преимуществу отрицанием? Или, о чем уже говорилось, как «брать» Войну и отвергать 20–30-е годы? Или, как «брать» Войну и занимать уклончиво-сдержанную позицию по отношению к хрущевско-брежневской России, из нее выросшей (да и РФ, мы знаем это, есть следующая стадия позднего советизма)?

Как-то все исторически зыбко, нет твердого упора и определенности. Следовательно, и историческая легитимность, которую так жаждет руководство страны, весьма проблематична, противоречива, непрочна.

Отсюда вывод: государство РФ не обладает необходимой для устойчивого функционирования легитимностью. Фундамент этого государства непрочен. Что произойдет в таких условиях неясно. Ситуация открыта для действий в разных направлениях. Хотелось бы надеяться, что мы изберем путь, ведущий нас к конституционно-правовой и адекватной исторической легитимностям. Любой другой выбор, убежден, означал бы ниспадение в новый хаос, насилие и диктатуру.

2. Самоидентификация общества. Рассматривая вопрос легитимности, мы отчасти уже коснулись и этой темы. Около ста лет тому назад Леон Дюги выдвинул ставшее сразу же классическим, нормативным для науки объяснение легитимности и самоидентификации общества. Он говорил,

что для этих целей (объяснения) человечество «придумало» два мифа – «сакральный» и «демократический». Первый правит, как сказали бы мы сегодня, в традиционалистском обществе. Согласно этому мифу власть – от Бога (разумеется, существуют различные варианты божественности власти), а основным регулятором жизни социума является религия. Демократический миф господствует в современном, «расколдованном» обществе. Здесь – власть от народа, а основной регулятор – право. То есть, повторим, доминантная легитимность – конституционно-правовая; государство – правовое, а общество – гражданское. Причем у социума есть своя конституция, подобно тому, как у государства своя. Все это соответствует автономному бытованию публичной и частной сфер, публичному и частному праву.

«Конституцией» общества является гражданский кодекс (Наполеон I, имея в виду «свой» Гражданский кодекс, утверждал, что это лучшая конституция; в том смысле, что если таковой кодекс имеется, то и Основной закон не обязателен). Именно в нем закреплены права и обязанности индивида в частной сфере (в публичной это делает конституция). Гражданский кодекс – наиболее эффективный способ преодоления хаоса индивидуальных волей и притязаний, благодаря ему устанавливается – насколько это возможно вообще – равновесие между единичным и целым, кристаллизуются институты и процедуры, структурируется частносоциальное пространство, устанавливается в качестве фундаментальной частная собственность – комплекс правоотношений, предполагающих не только «святость»

индивидуального обладания, распоряжения и наследования, но и тяжелую ношу социальной ответственности и обязанности перед обществом. Доминантная самоидентификация современного общества – гражданско-правовая. Ее особенность в том, что она строится снизу и вверх (по социальной иерархии). Будучи горизонтальной по своей природе, она воздвигает свою вертикаль обязанностей и прав, единства и множества от фундамента к «крыше».

Альтернативой по отношению к гражданско-правовой самоидентификации общества в XX в. выступали идеологии – коммунистическая, корпоративно-солидаристская (ее итальянская версия – фашистская), национал-социалистическая и др. Их специфика в вертикальности сверху вниз, насильственной тотальности, внеправовом содержании, идеократическом и дискриминирующем характере. Кроме того, все эти идеологии в той или иной форме апеллируют к неким сверхиндивидуальным ценностям, т.е. претендуют на статус квазирелигии. Важнейшее отличие идеологических самоидентификаций от гражданско-правовой – в том, что индивид рассматривается исключительно как неотъемлемая часть целого, он – не субстанция, но строительный «кирпичик» для целого, его функция.

Приходится констатировать: российское общество явно не обладает гражданско-правовой самоидентификацией. В нем по-прежнему власть не отделена от собственности, доминирует властесобственнический (патримониальный) порядок, т.е. публичная и частные сферы не разведены. Отсюда – импотентность судебной системы как

таковой и использование ее в качестве расправной функции властесобственности (как это было на Руси с X по XIX век). Вместе с тем и собственность понимается у нас как инструмент удовлетворения хищнически-гедонистических инстинктов. Если на Западе для одних собственность есть основа современного общества с его правовым государством и социально ориентированной рыночной экономикой, для других же – «кража» и главная причина всех общественных невзгод, то у нас собственность напоминает город или крепость, взятые штурмом и отданные на – долго (или кратко – как получится) на разграбление. Когда-то Федор Степун, квалифицируя отношение русских к земле, припечатал – «военнопленная» земля, я же скажу: русская собственность – военнопленная субстанция материального или нематериального характера. Русский собственник (власть, бюрократия, привластно-олигархический элемент, «независимые» попутчики, «допущенные» или своим особым умением прорвавшиеся к поеданию пирога) – оккупант и эксплуататор богатств страны.

Безусловно, такой расклад не может в долгосрочной перспективе гарантировать социальное спокойствие (равнодушие, апатию). Недовольство большей части населения, обездоленной и обескровленной, неизбежно растет. Вот здесь-то, и мы уже говорили об этом, на первый план выходит, во всяком случае, готовится к этому, националистическая идеология. Национализм «униженного и оскорбленного» русского народа.

ПОЛЬША ПОСЛЕ 1989 ГОДА: ПОИСК НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Прежде, чем я перейду к обсуждению процесса поисков и восстановления общественной идентичности поляков после 1989 года, я должен сформулировать несколько замечаний концептуального характера. Говоря предельно просто, идентичность – это определение самого себя в соотношении с актуальным общественным окружением (реальным, виртуальным или хотя бы только воображаемым). Эта точка соотнесения (которой чаще всего, хотя и не исключительно, является непосредственное социальное окружение) и является основным фактором, формулирующим ответ на вопрос: а кто же я такой? Окружение бывает изменчивым, а это означает, что изменчивыми бывают также наши аутодефиниции. Точнее говоря, эти дифференцированные дефиниции себя, приобретаемые вместе с жизненным опытом, вытекающим из разнообразных общественных взаимодействий, кумулируются в нашей памяти. Определенный общественный контекст (точка соотнесения) активизирует определенную идентичность из жизненного запаса аккумулярованных аутодефиниций, благодаря которой мы

можем сохранить чувство индивидуальной обособленности по отношению к общественному окружению, и в то же время можем предварительно определить свою общественную роль (вместе со связкой приписанных ей поведений), а также схему инициированного взаимодействия. Если мы встречаемся с представителем иного пола, мы активируем нашу половую идентичность (раньше всего усвоенную в процессе социализации), если мы встречаемся с немцем или французом – активируем нашу польскую национальную идентичность, а если с французом или венгром на экскурсии в центральной Африке мы встречаем представителей племени масаев, то активируем нашу идентичность более общего характера, а именно – европейскую.

50

Несколько предварительных теоретических замечаний я посчитал необходимыми, чтобы не было сомнений, в каком смысле я использую понятие «идентичность» в своих дальнейших рассуждениях.

В коммунистической системе свободное формирование общественных идентичностей было серьезно ограничено из-за свойств этой системы. Поведение в общественной жизни, которая является ареной формирования гражданской идентичности, жестко контролировалось коммунистической властью, так же, как и публичный дискурс. Этот механизм вызвал два последствия. Во-первых, спонтанная демонстрация гражданской идентичности, формирующаяся, как правило, вокруг различных идеологий, функционирующих в публичной сфере, была подавлена, поскольку в жизни общества доминировала, по сути, только одна идеология

(коммунистическая), которую защищало тогдашнее право и государственные учреждения. Во-вторых, эта доминирующая идеология с институциональной поддержкой была инструментом навязывания индивидам гражданской идентичности, в рамках которой возможной была деятельность в публичной сфере. Эта навязанная идентичность означала – в упрощении – принятие в общественной жизни роли лояльного гражданина социалистического государства. В политологической литературе этот процесс был назван «советизацией» (Mink, Neumayer, 2013). Советизация была идущим сверху процессом, который оставил заметные следы в человеческом определении и интерпретации мира. Этот специфический способ видения общественного мира и своего места в нем вырабатывал синдром позиций и поведений, которому аналитики дали наименование *homo sovieticus* (Zinowiew, 1983; Kołakowski, 1989; Tischner, 1990). Конечно, не все приняли эту навязанную идентичность. Можно рискнуть сделать утверждение, что явное меньшинство преобразилась под влиянием наглой пропаганды, и воспринимало эту идентичность как свою. Однако это меньшинство было далеко не маленьким, в чем можно было убедиться после 1989 года, когда исчезли ограничения, навязанные в общественной жизни предыдущей системой. Подавляющее большинство сохранило свою национальную идентичность, которая – как и половая идентичность – имеет очень прочный характер (Bloom, 1990).

В начале восьмидесятых годов, во время шестнадцати месяцев легальной деятельности «Солидарности», можно

было наблюдать явление постепенного приобретения гражданских идентичностей. Однако этот процесс не был полностью свободным. В общественной жизни существовали ограничения, которые не позволяли придавать гражданским идентичностям политическое выражение. Поэтому различные политические ориентации были приглушены, а на первый план выдвинулись про- или антисистемные позиции. Собственно, эти последние не проявлялись ярко, хотя логика функционирования независимого, массового общественного движения в контексте авторитарно управляемого общества должна была придать ему антисистемный характер, если движение хотело сохранить свою автономию по отношению к коммунистическому государству.

52

После введения военного положения эти дихотомические зачатки гражданских позиций (про- и антисистемные) приобрели остроту, а повторное блокирование относительно свободной демонстрации позиций в общественной жизни вызвало довольно распространенное и острое ощущение депривации, особенно среди работников крупных промышленных предприятий. Это явление было отмечено в социологических исследованиях (ср. Koralewicz, Wnuk-Lipiński, 1987).

Решения Круглого Стола в 1989 году дали начало общественным процессам, которые приобрели собственную динамику и в относительно короткий срок привели к революционным системным переменам. Глубина этих перемен и их темпы наверняка были неожиданными не только для старой коммунистической элиты, но и для контр-элиты

из Солидарности. Уже в 1989 году было создано первое после II мировой войны некоммунистическое правительство Тадеуша Мазовецкого, и одновременно разрабатывалась программа перехода от централизованной плановой экономики к рыночной, известная позднее как «план Бальцеровича».

Введение этих революционных перемен принципиально изменило ситуацию в формировании общественных идентичностей в Польше. Прежде всего, в результате новых, либеральных принципов, касающихся организации общественной жизни, открылось пространство для свободного формирования идентичности, носящей не только общественный или гражданский характер, но и политический. Члены общества стали перед выбором переопределения собственной идентичности в условиях отсутствия внешних системных ограничений.

Стоит, прежде всего, обратить внимание на тот факт, что идентичности, сформировавшиеся на основе отношения к прежнему режиму (прокоммунистические и антикоммунистические) утратили свое прежнее значение, поскольку главная точка соотнесения, то есть коммунистический режим, перестала существовать. Конечно, это было не однократным действием, а относительно долгим процессом, который еще не завершился. Все еще в публичном пространстве продолжают функционировать группы граждан, которые не заметили, что коммунизм в Польше давно перестал существовать. Даже если мы и обойдем вниманием эти немногочисленные группки, уменьшающиеся

с течением времени, мы всё же не сможем игнорировать тот факт, что про- и антикоммунистические идентичности (то есть, по сути своей, политические) пережили падение системы, которая их создала, и в значительной мере формировали динамику общественной жизни в девяностые годы (Grabowska, 2004). Со временем, однако, эти разделения теряли свое значение. Несмотря на то, что память о корнях различных политических группировок была одним из элементов новых идентичностей (группировки с посткоммунистической родословной и те, что вели свое начало от «Солидарности»), все-таки не они были решающими в формировании основного профиля нового коллективного действующего субъекта в публичном пространстве.

54

Если мы будем исходить из предпосылки, что участие в свободных выборах является приблизительным показателем выкристаллизовавшихся гражданских идентичностей, можем констатировать, что количество проголосовавших на выборах определяет, какая часть общества принимала участие в этом процессе. Следовательно, процесс, о котором здесь идет речь, в Польше охватил приблизительно половину населения. Надо, однако, подчеркнуть, что это очень неточный показатель, поскольку на неявку на выборы влияет множество причин. И, хотя отсутствие выкристаллизованных гражданских или политических идентичностей я признал бы доминирующей причиной, она далеко не единственная. Тем не менее, первый этап перехода от коммунизма к либеральной демократии (который можно датировать периодом с 1989 года до принятия в 1997 году новой

конституции, создающей нормативную базу либерально-демократического порядка и рыночной экономики) характеризовался заметным дефицитом гражданской идентичности у значительной части польского общества. В последующие годы это состояние не улучшилось радикальным образом, поскольку показатели неявки на выборы остаются стабильно высокими. В каждом обществе существует определенный сегмент, характеризующийся относительно низкими гражданскими компетенциями, низкой политической культурой и отсутствием интереса к общественным делам. В Польше, по сравнению с другими демократическими странами, у которых была такая же стартовая точка, то есть выход из коммунистической системы, эта группа настолько велика, что это отбрасывает Польшу в конец списка. Если средняя явка на выборы в этих странах колеблется от 60 до 70%, то в Польше не доходит даже до 50% (Cześniak, 2009:7).

Формирование гражданской идентичности, а тем более – политической, не исчерпывает всего спектра идентичностей, которые могли проявиться после падения коммунистической системы. Более того, эти идентичности образуются на почве определенной идентичности, имеющей более базовый характер, а именно национальной идентичности.

Как я уже упоминал, национальная идентичность существовала также в период коммунизма. Собственно, коммунистическая идеология не была настроена на ее полное уничтожение (ибо это была бы невыполнимая задача), но на то, чтобы придать ей содержание, которое, по крайней мере, не противоречило бы официальному идеологическому

канону («национальная по форме – социалистическая по содержанию»). Замена национальной идентичности какой-то формой идентичности типа *homo sovieticus*, даже при применении массовой идеологической индоктринации, была по отношению ко всему обществу мало реальной, поскольку коммунисты знали, что даже отсутствие собственной государственности в период разделов, длившийся более 120 лет, не привело поляков к утрате национального облика. Конечно, некоторые сегменты общества оказались податливыми для индоктринации, но большинством они не были. Национальная идентичность, однако, до 1980 года определялась, как правило, в очень обобщенных категориях, поскольку ее уточнение требовало бы создания в публичном пространстве политически дифференцированных профилей этой идентичности, а это в условиях тогдашней системы было невозможно.

После падения коммунистической системы на повестку дня встал вопрос не только самоопределения в категориях польскости, но и уточнения предпосылок, на которых основывается это чувство идентичности. То есть, другими словами, необходима дефиниция самой этой польскости.

Польскость, так же, как российскость, немецкость или итальянскость, может быть (и бывает) определена самыми различными способами. Общим знаменателем этих разнообразных дефиниций есть то, каким образом дается определение тех людей, которым черты польскости (российскости, немецкости и т. п.) не полагаются. Именно такие люди являются самой важной точкой соотнесения,

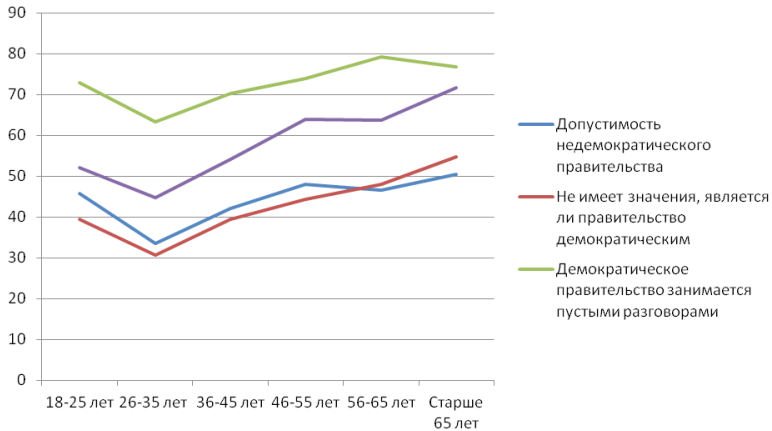
благодаря которой мы в состоянии уточнить наше ощущение национальной идентичности. Мы принадлежим к большому сообществу, которое имеет неповторимый характер (каждое национальное сообщество по определению является неповторимым) и которое отличается от иных сообществ определенными специфическими чертами. Черты, которые мы используем, чтобы отличаться от других национальных сообществ, не являются однородными, поскольку в демократических условиях они создаются и усваиваются (или отклоняются) индивидами в рамках публичного дискурса. Наиболее существенную роль в этом процессе играют политические и культурные элиты, поскольку именно они навязывают свои наррации в публичном дискурсе и они формулируют критерии для включения индивидов в национальное сообщество или исключения из него. В результате элиты также навязывают дефиниции «польскости» и индуцируют сторонников и противников данной дефиниции.

В Польше после 1989 года дискуссии о национальной идентичности были заброшены. Если этот вопрос затрагивался, то скорее на окраинах главного течения публичного дискурса. Только во время кампании перед референдумом о вступлении в Европейский Союз национальная идентичность, а точнее угрозы для нее, вытекающие из вступления Польши в структуры ЕС, стали одной из осей спора между евроэнтузиастами и евроскептиками. Но это длилось недолго, ибо вступление в ЕС не вызвало никаких симптомов кризиса национальной идентичности. Поэтому правы

были те, кто утверждал, что открытость по отношению к другим европейским народам не только не ослабит национальную идентичность, а может ее даже укрепить, поскольку это будет часто используемый отличительный признак в межчеловеческих отношениях в рамках ЕС. Поэтому эта проблематика перестала быть очагом политического конфликта, и на первый план выдвинулся повседневный политический спор, сконцентрированный, в первую очередь, на хозяйственных вопросах, а иногда – просто на пустяках.

Однако в исследованиях, проведенных в конце 2007 – начале 2008 гг., то есть еще до начала глобального финансового кризиса, мы отметили определенное разочарование в демократических принципах, которое в результате означало поворот в направлении авторитарных настроений, особенно среди лиц преклонного возраста с низким уровнем образования. Эти авторитарные настроения были, правда, рассеянными, но часть политического класса их почуяла и старалась придать им общий политический вектор, чтобы увеличить поддержку для своей политической партии. Характерными для этого явления были позиции представителей наиболее молодой возрастной категории (18 – 24 года). Среди них авторитарные настроения и разочарование в демократии были заметно выше, чем в следующей возрастной категории (25 – 34 года). Эту зависимость четко представляет приведенный ниже график.

ГРАФИК 1. «АВТОРИТАРНЫЕ ПОЗИЦИИ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ (В % ЛИЦ ИЗ ДАННОЙ ВОЗРАСТНОЙ КАТЕГОРИИ)

Источник: Ксимена Буковска, Эдмунд Внук-Липиньски: Гражданскость a la polonaise – то есть какими гражданами являются поляки?, в: Наука. № 2009. № 1. С. 41.

Я не располагаю новейшими данными на эту тему, но можно предположить, что начало глобального финансового кризиса, повлекшее за собой рост неуверенности в трудоустройстве, а в случае молодого поколения – большие трудности, в поисках первой работы, только обострило описываемое здесь явление. По данным Евростата (http://www.rynekpracy.pl/dla_mediow_1.php/wpis.205), за 2012 год уровень безработицы среди поляков, которым не исполнилось 25 лет, достигает 25 % (то есть в два с половиной раза больше, чем в среднем по стране). Не утешает тот факт, что в большинстве стран ЕС этот показатель для данной возрастной категории гораздо выше (например, Испания – 52 %, Греция – 53 %, Словакия – 39 %, Португалия

и Италия – 36 %), поскольку там также наблюдается рост фрустрации среди молодого поколения и распространение авторитарных настроений.

Сложная экономическая ситуация является одной из стандартных причин роста радикальных настроений. Наиболее «естественной» становится радикализация национальных настроений. «Естественной» в том смысле, что национальная идентичность составляет одну из базовых идентичностей, объединяющих все национальное сообщество, а, следовательно, восприятие ее в более радикальной версии не требует от индивида принципиального пересмотра прежних представлений о себе, а только перенесения акцентов или усиления некоторых элементов.

60

Можно условно выделить три основные формулы национальной идентичности: этническую, культурную и политическую. Этническая формула является наиболее исключительной, поскольку в национальную общность она включает только тех, кто обладает приписанными, а не достигаемыми свойствами. Основным критерием в данном случае является рождение, а, точнее, рождение у двух родителей, которые уже ранее на основании этого критерия были причислены к национальному сообществу. Говоря коротко, в соответствии с этой формулой человек является поляком (или полькой) не по собственному выбору, а по факту своего рождения.

Культурная формула национальной тождественности означает, что главным критерием включения индивида в нацию является его отношение к культуре. Индивид

причисляется к народу в том случае, если воспринимает культуру определенного сообщества как собственную, отождествляет себя с определенным общинным набором верований, ценностей, традиций, исторических эпизодов, а также использует рудиментарные культурные коды и символы в повседневных общественных интеракциях (прежде всего, имеется в виду язык, но также умение прочтения символических знаков определенной культуры, соблюдение эталонов поведения и т. п.).

Наиболее емкой формулой национальной идентичности является политическая. Членом национального сообщества личность становится тогда, когда воспринимает как свои основные ценности и правила поведения, в соответствии с которыми функционирует гражданское общество данной страны. Эти ценности и правила поведения обычно кодифицированы в конституции, а членство в таком образом определенном национальном сообществе выражается в формальном гражданском статусе определенного национального государства. Если по этническому критерию принадлежность к национальному сообществу человеку дана, то принадлежность по культурным критериям, а тем более политическим может быть (и чаще всего бывает) приобретена благодаря рождению, но бывает также делом индивидуального выбора.

В реальной общественной жизни различные формулы идентичности не проявляются в чистом виде. Как правило, мы имеем дело со смесью различных дефиниций. Например, этнический критерий может трактоваться как

достаточное условие принадлежности к национальному сообществу, а культурный или политический критерий – может считаться необходимым условием. Поэтому относительно реального мира следовало бы говорить скорее о доминирующей тенденции в формулировании национальных дефиниций и аутодефиниций, чем об исключительном и жестко применяемом наборе критериев.

Каждая из этих тенденций несколько иначе формирует наши отношения с теми, кто не принадлежит к национальному сообществу. Индивиды, помещенные за пределами национального сообщества, могут трактоваться, по меньшей мере, тремя разными способами. Во-первых, можно относиться к ним, как к «иным», во-вторых, как к «чуждым», а в-третьих – как к «враждебным». Когда к людям, не принадлежащим к нашему национальному сообществу, мы относимся, как к иным, мы констатируем, почти только то, что в важных измерениях они не такие, как мы (если бы были такими же, принадлежали бы к нашему сообществу). Это отличие не мешает вступать с ними в отношения, не имеет оценочного характера, но ощущение обособленности присутствует. Этот тип отношений проистекает, как правило, из применения политических критериев дефиниции своей национальной идентичности.

Большая общественная дистанция появляется в отношениях тогда, когда мы определяем свою идентичность в категориях культуры. В это случае, решающими факторами в общественной дистанции являются своеобразие традиции, переживаемой исторической памяти, а также набор

базовых мифов, на которые ссылается данное сообщество. Люди, не принадлежащие к этому сообществу, определяются как чужие, что является несколько более сильным знаком отличия, хотя и в этом случае относительно нормальные общественные отношения (то есть взаимоотношения с живыми людьми, а не с нашими представлениями о них) являются возможными, хотя иногда нарушаются под влиянием национальных стереотипов (как положительных, так и отрицательных).

Наибольшая общественная дистанция появляется тогда, когда людей, не принадлежащих к национальному сообществу, мы воспринимаем как угрозу. Идентичность в этом случае формулируется, как правило, в этнических категориях, а те, кто не соответствуют этим критериям, воспринимаются не только, как чужие, но часто как враги. Существенное значение в формировании отношений с сообществами с другой национальной идентичностью имеют в данном случае негативные этнические стереотипы.

Позволяя себе некоторое упрощение, мы можем констатировать, что эти три формулы определения национальной идентичности ведут в результате к разным типам патриотизма. Политическая формула ведет к патриотизму, который можно было бы определить, как конституционный: у человека есть ощущение крепкой связи с набором гражданских ценностей и норм осуществления власти, являющихся нормативным фундаментом общественного порядка и кодифицированных в конституции. Культурная формула ведет к более традиционно понимаемому патриотизму, при

котором у человека есть чувство сильной связи с традициями культуры, ее великими мифами, исторической памятью. Это идентификация как со светлыми страницами истории, которые являются предметом гордости, так и с темными, которые вызывают чувство совместной ответственности, а существование причинно-следственной связи в данном случае не является необходимым. И, наконец, третья, то есть этническая формула определения собственной национальности, ведет к наиболее узко понимаемому патриотизму, который можно определить как племенной. Этот тип патриотизма создает особо питательную почву для формировании ксенофобских позиций, в рамках которых члены другого «племени» воспринимаются, как угроза, даже если они принадлежат к тому же самому сообществу в соответствии с политической или даже культурной дефиницией.

В Польше еще до 1989 года появились в публичном пространстве дефиниции национальной идентичности, вытекающие напрямую из этнической формулы. В 1980–1981, в период легального действия «Солидарности» дефиниции такого типа применялись частью элит «Солидарности», особенно в регионе Мазовии, где так называемые «истинные поляки» решили выделиться из остального сообщества Солидарности на основе этнического критерия. Но это не было настолько знаменательное явление, чтобы оно могло структурировать тогдашнюю публичную сцену. Доминирующие общественные разделы, а также элементы формирования индивидуальных идентичностей складывались тогда по критерию отношения к коммунистической

системе. После падения коммунистической системы свободное формирование и артикулирование новых идентичностей привело к тому, что в публичном пространстве начали появляться идентичности, ссылающиеся непосредственно и исключительно на этнические критерии. В течение длительного времени они носили, однако, маргинальный характер и не отражались на публичной сфере. Националистические группировки, обращающиеся непосредственно к этническим критериям и отказывающиеся в польскости тем, кто этим критериям не соответствовал, не получали никакой существенной общественной поддержки, а их лидеры могли рассчитывать только на горстку сторонников.

Однако в течение первой декады XXI века произошли важные события, которые положили начало очень острым политическим расколам, основой которых стали различными образами сформированные национальные идентичности. Во-первых, в результате выборов в 2005 году была создана правительственная коалиция, в состав которой вошла популистская партия «Самооборона» и националистическая «Лига польских семей». Благодаря этому не только популистские, но и националистические нарративы появились в главном политическом дискурсе и таким образом были политически узаконены. Во-вторых, конфессиональная радиостанция «Радио Мария», которой благоволит значительная часть Польского Епископата, в своих передачах отказывает в принадлежности к национальному сообществу не только тем польским гражданам, которые являются сторонниками конституционного патриотизма, но также

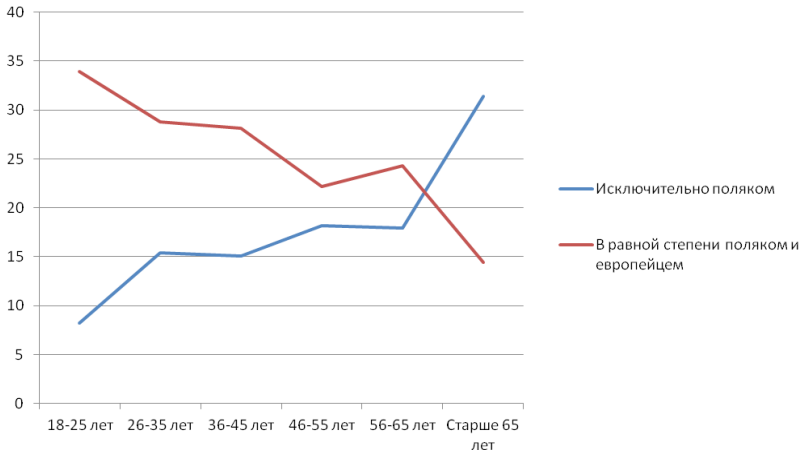
значительной части поляков, которые исповедуют культурное содержание патриотизма. В-третьих, глобальный экономический кризис, который Польша в принципе успешно выдержала, привел к росту неуверенности и ощущения опасности, особенно среди молодого поколения, которое только вышло на рынок труда. Этот факт стал причиной роста радикализации общественных настроений и роста разочарования в демократических решениях. Ужесточение националистической идентичности было воспринято частью поляков, как простой способ, позволяющий уменьшить неуверенность и ослабить фрустрацию. Наконец, в-четвертых, произошла трагическая авиакатастрофа в Смоленске.

66 Поскольку в этой катастрофе погибла политическая и военная элита во главе с Президентом страны, для значительной части поляков это событие не могло быть банальной авиакатастрофой. При этом были пущены в ход живые в нашей традиции романтические культурные коды («Страдающая Польша», «Польша, преследуемая врагами»), которые были мощным импульсом для эволюции национальной идентичности значительной части поляков. Это была эволюция в направлении дефиниции, все более сужающей круг лиц, причисляемых к национальному сообществу.

Все эти обстоятельства привели к росту националистических позиций среди части поляков, особенно молодых, с невыкристаллизовавшимися до сих пор гражданскими взглядами, имеющих естественную для этого возраста тенденцию к восприятию радикальных способов исправления общественного мироустройства. Но было бы ошибкой

считать, что это явление охватило всю молодежь. Большая часть молодежи вообще не занимает активной гражданской позиции. Но есть также заметный сегмент молодых, общественно активных граждан, сильно, как можно предположить, привязанных к политическому определению своей национальной тождественности, и, как следствие этого – конституционному патриотизму. Более того, именно эта часть молодежи – как следует из цитированных выше исследований 2007/2008 годов – кроме национальной идентичности параллельно имеет сильное чувство принадлежности к Европе и европейской идентичности. Это явление иллюстрирует представленный ниже график.

ГРАФИК 2. СРАВНЕНИЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПОЛЬСКОЙ, А ТАКЖЕ В РАВНОЙ СТЕПЕНИ ПОЛЬСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ В СЛЕДУЮЩИХ ВОЗРАСТНЫХ КАТЕГОРИЯХ (В %)

Источник: Ксимена Буковска, Эдмунд Внук-Липиньски: Гражданскость à la polonaise – то есть какими гражданами являются поляки?, в: Наука. 2009. № 1, С. 38.

Можно, таким образом, сказать, что формирование национальной идентичности у самого юного поколения идет в различных направлениях. С одной стороны, для аутодефиниции используются очень узкие точки соотнесения (например, народ по этническому критерию), с другой – очень широкие, общеевропейские. Стоит также обратить внимание на факт, что одновременное ощущение и польской, и европейской идентичности совершенно не означает, что эти аутоидентификации идут в паре с демократическими или либеральными настроениями. Как можно заметить при сравнении этого графика с предыдущим, в самой молодой возрастной категории в большей степени, чем у остальных респондентов, идентификация с Европой идет в паре с авторитарными настроениями.

С уверенностью можно сказать, что процесс формирования новых идентичностей еще не завершен и в определенном смысле он не может закончиться никогда, поскольку изменяющиеся общественные контексты создают новые импульсы для пересмотра, модификации или даже полного изменения упрочившихся, казалось бы, индивидуальных идентичностей. Можно, однако, заметить общие направления формирования идентичности в условиях либерально-демократического порядка.

Во-первых, заметны еще остатки идентичностей, навязываемых предыдущим режимом, которые были выше обозначены, как *homo sovieticus*. Это относится к тем индивидам, которые не могут найти свое место в совершенно новой общественной действительности и которые

перенесли в новую систему как отсутствие заинтересованности в восстановлении гражданской субъектности, так и иждивенческие позиции по отношению к государству. Главным образом это люди с низкой гражданской компетенцией, низким уровнем образования, с коллективистическим подходом к общественной жизни, зависящие от социальной помощи государства и характеризующиеся прочным убеждением, что от них ничего не зависит. Эта группа, как правило, не отличается гражданской активностью и податлива на самые фантастические интерпретации общественной действительности и происходящих в ней событий.

Во-вторых, молодое поколение, родившееся уже в свободной Польше и необремененное личным опытом жизни в прежней системе, расслаивается. Определенная его часть, в рамках общей радикализации настроений находит свою идентичность среди крайних и сужающих националистических дефиниций. Другая его часть (необязательно пересекающаяся с первой) имеет параллельное ощущение национальной и наднациональной (европейской) идентичности. Однако решительное большинство молодежи, если уж проявляет гражданскую активность и берет на себя труд определения своей национальной идентичности, то размещает эти дефиниции где-то между культурным и политическим пониманием национального сообщества.

В-третьих, наконец, последствия глобального экономического кризиса и роста неуверенности в завтрашнем дне можно усмотреть в усилении радикализма не только в Польше, но и в других европейских странах. В вопросах

идентичности это означает заметный поворот к более националистическим позициям, что может найти свое отражение уже на ближайших выборах в Европарламент.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bloom, W. (1990): *Personal Identity, National Identity, and International Relations*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Cześnik, Mikołaj (2009): *Partycypacja wyborcza Polaków*, Instytut Spraw Publicznych, Warszawa.
- Grabowska, Mirosława (2004): *Podział postkomunistyczny. Społeczne podstawy polityki w Polsce po 1989 roku*, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa.
- Kołakowski, Leszek (1989): *Główne nurty marksizmu*, t. III, Krag, Warszawa.
- Koralewicz, Jadwiga, Wnuk-Lipiński Edmund (1997): *Życie rodzinne, towarzyskie i publiczne. Wartości i deprywacje*, w: Edmund Wnuk-Lipiński (red.): *Nierówności i upośledzenia w świadomości społecznej*, IFiS PAN, Warszawa.
- Mink, Georges and Neumayer, Laure – red. (2013): *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe, Memory Games*, Palgrave, Macmillan.
- Tischner, Józef (1990): *Homo sovieticus. Między Wawelem a Jasną Górą*. Tygodnik Powszechny, nr 25/1990.
- Zinowiew, Aleksandr (1983): *Homo Sovieticus*, Wyd. EPUB, Polonia.

Интернет-источники

http://www.rynekpracy.pl/dla_mediow_1.php/wpis.205

**«ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ»
КАК ФОРМУЛА ДЛЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
РОССИЯ**

В современной России вокруг так называемого национального вопроса идут острые идеологические дебаты и сталкиваются разные политические стратегии. Сегодня в стране существуют две конфликтующие между собой позиции. Одну можно назвать «русским проектом», за которым стоят консервативно настроенная часть политического класса, интеллигенции и довольно широкие слои населения, включая часть молодежи. Русский проект основан на эмоциональном концепте «трагедии великого народа», который подвергся расчленению и унижению при распаде СССР, который пребывает в состоянии вымирания и который лишен должного статуса в государственном устройстве и должного представительства в управлении страной и ее ресурсами. Сторонники русского проекта выступают за фиксацию в Конституции страны этнических русских, которые составляют 80% населения, за предоставление русским статуса государствообразующей нации, за

объявление России национальным государством русского народа¹. В разных своих вариантах проект русского этнонационализма конкретизируется как в форме либерально-консервативного нациестроительства на «монокультурной» (т. е. русской) основе, так и в форме возрождения империи с «русской властью» и с воссоединением ныне разделенного русского народа. Ирредентизм свойственен не только имперскому, но и либерально-консервативному варианту русского проекта. М. Ремизов, например, продвигает лозунг «Стран много – народ один» в противовес лозунгу социальной рекламы Минрегиона России «Народов много – страна одна».

72

Второй проект мы называем российским проектом. Этот проект основан на признании исторически сложившейся этнической и конфессиональной сложности населения страны и российского народа как полиэтнической гражданской нации. Это проект поддерживает этнокультурное развитие российских этнонаций и ставит своей целью утверждение общероссийской идентичности и обеспечение единства российской нации. У этого проекта также есть различающиеся варианты: один из них предлагает считать Российскую Федерацию государством-нацией², другой – разрабатывает цивилизационный подход, согласно которому Россия – это не национальное государство,

¹ Савельев А. Н. Время русской нации. М., 2007; Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. М., 2006.

² Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.

а государство-цивилизация³. Таков историко-идеологический бэкграунд этнополитической ситуации в России. В какой мере он соотносится с социальной реальностью?

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК РОССИЯН

Население Российской Федерации, как и других крупных стран мира, имеет сложный этнический состав, который существует с момента возникновения русского государства и который стал еще более сложным за последние 20 лет, несмотря на утрату значительной территории и почти половину населения бывшего СССР. Эта сложность была зафиксирована в результатах всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов, когда в стране был зафиксирован существенный рост числа этнических групп (народов, национальностей): в 2002 г. 158 (по сравнению с 128 в 1989 г.) и 193 в 2010 году. Последняя перепись населения 2010 г. интересна не только общим числом проживающих в России народов, но и внутренней динамикой самых крупных национальностей, на которые приходится более 96 % всего населения. И конечно, наиболее актуальный вопрос – это численность этнических русских как доминирующего не только демографически, но и в культурно-языковом отношении народа. При фиксации численности крупных народов в ходе проведения переписи населения произошла

³ Когатко Д. Г. Российская идентичность: культурно-цивилизационная специфика. М., 2010.

драматическая ошибка, заложенная поправками к закону о переписи населения, которые были приняты незадолго до проведения переписи. Чтобы облегчить работу переписчиков, удешевить проведение опроса, подготовить и провести перепись в год, который заканчивается нулем (такова рекомендация ООН для облегчения глобальных демографических обзоров), подправленный закон в этот раз официально позволял получать данные не только в результате прямого опроса, но и с использованием данных из административных источников. Эта корректива ослабила стремление организаторов переписи «дойти до каждого», произвести предварительные и контрольные обходы населения, что всегда делалось в предыдущие переписи.

В итоге получилось, что примерно 5,6 млн человек (по сравнению с 1,5 млн в 2002 г.) переписали по данным паспортных столов и другим источникам без обхода населения. Но административные данные ныне не содержат сведений о национальной принадлежности и о родном языке (как и некоторые другие важные для переписи данные, как, например, источники дохода). Разница между двумя переписями о числе лиц без указания национальности составила почти 4 млн, а это почти 3 % от всего переписанного населения. Из этих 4 млн 80 % составляют русские, т.е. число неподсчитанных русских составляет не менее 3 млн человек. В этом случае общая численность русских будет не 111 млн, а 114 млн, т.е. убыль по сравнению с прошлой переписью составит менее 2 млн человек за 8-летний межпереписной период.

Точно так же небольшие, но существенные для динамики численности прибавки могут быть сделаны к другим крупным народам, где данная погрешность при проведении переписи выражается в значимых цифрах. Но только нужно учесть, что готовность и мобилизация на участие в переписи и на запись своей национальности среди нерусских народов (пожалуй, кроме украинцев и евреев) заметно выше, и предложенная нами операция «прибавки» является, скорее всего, излишней. Ее справедливо сделать, кроме русских, также для других более урбанизированных групп, проживающих вне республик.

Перепись 2010 г. показала, что первая «двадцатка» самых многочисленных российских национальностей почти не изменилась (**табл. 1**). По-прежнему 80 % населения составляют русские, и нет особых оснований утверждать, что в России идет некий (а тем более спланированный властью) процесс замещения русских представителями других национальностей. Это распространенное среди русских националистов утверждение опирается или на бытовую мифологию, или на оценки демографической ситуации первой половины 1990-х годов, когда имело место сильное сокращение населения по разным причинам (снижение рождаемости в период «шоковой терапии», двойная смертность алкоголиков после отмены антиалкогольной кампании и госмонополии на производство и продажу алкоголя, эмиграция русских за рубеж, снижение масштабов русификации из-за роста этнического самосознания среди нерусского населения).

В 2000-е годы часть этих факторов снизила свое воздействие, но сохранились проблемы алкоголизации, мужской сверхсмертности, низкой рождаемости, а также добавился фактор сниженной иммиграции русских в Россию (государственная программа содействия переселению соотечественников пока не обеспечила тот приток русских, который был в предыдущий межпереписной период). Таким образом, мы оцениваем демографическую ситуацию среди русских как кризисную (но не катастрофическую!) с умеренно оптимистичной перспективой. На наш взгляд, снижение сверхсмертности от алкоголизации, наркотиков, табакокурения, ДТП и пренебрежения здоровьем вполне возможно при относительно небольших затратах и в достаточно короткие сроки. Пополнение русского населения за счет других источников также возможно, а именно, за счет увеличения рождаемости, поощрения переселения в Россию желающих переехать и не поощрения эмиграции, добровольной ассимиляции через выбор русской национальности потомками смешанных браков. Последнее, конечно, неизбежно идет в ущерб численности других этнических общностей, но речь идет сугубо о добровольном выборе, который повсеместно и во все времена делается чаще в пользу доминирующей культуры.

В следующей за русскими первой десятке первые пять народов сохранили свой порядок, несмотря на то, что российские украинцы сократились почти на один миллион человек(!) без какого-либо заметного переселения в Украину. А следующая пятерка изменилась: аварцы (самая крупная

группа в Дагестане) поменялись местами с мордвой в свою пользу, казахи поднялись с последней позиции, потеснив белорусов, белорусы выбыли из десятки, уступив место азербайджанцам. Общая тенденция среди основной части нерусского населения такова: возрастает численность и доля тех, кто относится к, условно говоря, тюркско-исламской культурной традиции, и сокращается численность и доля тех, кто принадлежит к славянско-финноугорской, христианской культурной традиции. Все остальные этнические группы в составе российского народа составляют 3,5 % и на демографическую ситуацию в целом фактически не влияют.

Каждый из основных регионов России имеет свою специфику с точки зрения этнического состава населения. Есть так называемые русские регионы, где этнические русские составляют подавляющее большинство населения (90–95% населения в некоторых областях центральной России и Урала). Есть регионы, где исторически проживают совместно представители крупных российских народов (например, русские, татары, башкиры, чувашаи, мордва в Поволжье). Есть регионы с чрезвычайно разнообразным этническим составом как, например, Северный Кавказ, где проживает более 40 автохтонных народов разной численности: от миллиона человек (аварцы и чеченцы) до нескольких сот человек (малые горские народы Дагестана). Можно сказать, что в России нет моноэтнических регионов, но зато есть регионы преимущественного проживания представителей той или иной национальности. Это касается населения

почти всех российских республик, т.е. большинство российских якутов, чувашей, татар, башкир, удмуртов, калмыков, бурят, осетин, чеченцев, ингушей, кабардинцев и т.д. проживают в соответствующих республиках. Но это не означает, что т. н. титульные (эпонимные) группы составляют большинство населения в «своих» республиках. Таких республик с титульным большинством только десять: Чувашия, Тыва, Татарстан, Калмыкия, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия. В остальных большинство населения составляют русские вместе с представителями других национальностей.

Общей демографической тенденцией для этнотерриториальных автономий России является преимущественный рост титульного населения или, как минимум, возрастание его доли. Наиболее тревожной тенденцией с точки зрения общероссийских интересов и интересов модернизационного развития республик является сокращение общей численности и доли русского населения в республиках. Это вызвано как более низкой рождаемостью, так и отъездом русского населения из республик по причинам нестабильности, недостаточной безопасности, местного национализма и косвенной дискриминации. Особенно сильным отъезд русских был из республик Северного Кавказа, которые все более становятся моноэтничными.

Другая общая тенденция этнической демографии – это рост почти во всех регионах страны иммигрантов из зарубежных стран, особенно из стран бывшего СССР, Китая

и Вьетнама. За 20 лет Россия приняла не менее 10 миллионов мигрантов на постоянной основе, и в стране ежегодно находится около 10 миллионов мигрантов из числа т. н. гастарбайтеров, т. е. временных трудовых мигрантов. Последняя цифра, на наш взгляд, может быть завышена почти в два раза, но точной миграционной статистики в стране не существует. Это обстоятельство, а также бытовые фобии и политические расчеты порождают мифы о миграции, о засилии мигрантов в крупных российских городах, о повышенном уровне преступности среди мигрантов, о занятии ими рынка труда в ущерб местному населению.

Нет сомнений, что массовая иммиграция в Россию, которая носит фактически неконтролируемый характер и сопровождается огромной коррупцией бюрократии и сверхнаживой работодателей, заключает в себе определенные риски, в том числе и риски изменения исторически сложившихся пропорций населения и уклада его жизни. Многие мигранты оседают в России, привозят свои семьи и становятся российскими гражданами. Безусловно, от части мигрантов исходит конкуренция на рынке труда и в сфере предпринимательства. Но в целом эти риски явно преувеличены, намеренно артикулируются политиками, особенно в период избирательных компаний, поддерживаются теми, кто использует труд мигрантов и подвергает их сверхэксплуатации или прямому обману.

ДИНАМИКА ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

80

За последние годы заметно изменились коллективные идентичности россиян. В 1990-е гг. население плохо воспринимало новую Россию как свою Родину и центр как воплощение высшей власти. Эта «негативная идентичность» была зафиксирована многими социологическими исследованиями того времени⁴. В 2000-е гг. произошел заметный поворот от советской к общероссийской идентичности и конкурирующими уже стали регионально-этническая и общероссийская формы коллективного самосознания. Этот переход зависел от многих факторов, среди которых были отступление советского из коллективной памяти уже нового поколения граждан, ослабление радикальных форм этнического национализма, целенаправленные усилия части экспертного сообщества и высших властей по утверждению представления о гражданской российской нации⁵. Ниже мы приведем некоторые результаты проведенных нами исследований российского самосознания, которые подтверждают вывод о существенном сдвиге в пользу «российскости» по сравнению с другими коллективными идентичностями среди россиян. Однако эти результаты не являются слишком оптимистичными.

В 2010 г. в ходе общероссийского опроса нами был задан вопрос «Что для вас понятие «Родина»? Ответ на

⁴ См., напр.: Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004.

⁵ См. мой обзор советской этнополитики в книге: Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российской государственности / Под ред. Т. Ю. Красовицкой, В. А. Тишкова. М., 2012. С. 380–444.

этот вопрос во многом отражает, насколько близким может быть для респондента чувство принадлежности к российской нации. Результаты оказались далеко не однозначными. На этот пункт анкеты можно было дать несколько вариантов ответов. Наиболее часто встречались ответы «Родина – это страна Россия» (49 %) и «Родина – это место моего рождения» (46 %). В них проявилась полярность мнений и дополняющие друг друга суждения. Оба ответа одновременно дали только около 18 % респондентов. Те, кто считают родиной конкретную местность, а не страну, составляют почти треть опрошенных.

По регионам картина выглядит еще менее однозначно. Выделяются регионы, где опрошенные считают родиной именно место своего рождения. Об этом заявили почти половина респондентов в Грозном (48 %) и похожая доля опрошенных в Якутске (43 %). В этих городах учтено наименьшее количество тех, кто считает, что его родина – Россия: в Грозном – 14,3 %, в Якутске – 17,1 %. Более детальный анализ ответов респондентов – жителей Грозного показывает, что считают своей родиной Россию в основном местные русские и часть ингушей, тогда как среди чеченцев таковых только 11 %. Такое распределение ответов в значительной мере объясняется произошедшим в республике военным конфликтом. Примечательна ситуация в Якутске. В этом городе лишь 23 % русских и 15 % якутов назвали Россию своей родиной, тогда как для большинства сказало, что родина – это, прежде всего, место, где они родились. Здесь следует учесть, что для якутян, равно как для мага-

данцев и дальневосточников, понятия «Россия», «материк» часто означают всего лишь центральные районы страны, которые расположены далеко и которые живут по-другому и в других условиях. Кстати, аналогичные видения «Америки» имеются среди аляскинцев, гавайцев и даже жителей Калифорнии.

Вторая группа регионов характерна тем, что примерно треть опрошенных считают своей родиной место рождения, а не Россию, и менее половины респондентов назвали своей родиной всю страну. Это города Горно-Алтайск, Балаково, Омск, Сыктывкар, Сургут, Екатеринбург, Архангельск. Причем, если показатель ответов «Родина – Россия» в данной группе превышает 40 %, то по Сургуту он отличается еще и своей заметно пониженной величиной (32 %).

Третью группу составляют регионы, в которых доля респондентов, не признающих в качестве родины государство, не превышает четверти, а тех, кто считает своей родиной Россию – больше половины. Такие результаты были получены при опросе жителей Оренбурга, Тулы, Пятигорска, Москвы. Промежуточное положение между второй и третьей группами занимает Хабаровск, в котором невысока доля тех, кто считает родиной исключительно место рождения (26 %), а те, кто назвал родиной Россию, не превышают половины опрошенных (49,5 %) (табл. 2).

Таким образом, в некоторых регионах у населения преобладают чувства регионализма над чувствами принадлежности к государству. Но таких регионов, судя по всему, меньшинство. Вместе с тем распространена ситуация,

когда наряду с доминированием идеи о принадлежности к России, большое количество людей в регионе с этой идеей не согласны (треть опрошенных). В этой ситуации необходима стратегия, которая исходит из того, что местная (региональная) идентичность не противоречит и не ослабляет российскую идентичность, что любовь к малой Родине не отрицает наличие любви в большой Родине. Наоборот, местный патриотизм и идентичность сопровождают и даже усиливают российскую идентичность.

Представление о Родине связано с тем, в какой мере россияне ощущают свою принадлежность к России. Это более прямой вопрос о приверженности респондентов к своему государству. На вопрос, в какой мере вы ощущаете принадлежность к России, 45 % заявили, что ощущают ее в сильной степени. Но 12 % ответили, что такого чувства у них вообще нет, 13 % не дали определенного ответа, а у прочих (30 %) оно возникает «только в некоторых ситуациях». Три последние категории в совокупности составляют более половины респондентов, что свидетельствует о довольно низком уровне гражданского самосознания (табл. 3).

Сравним региональные данные. Наибольшее количество респондентов, заявивших, что испытывают чувство принадлежности к России в сильной степени, зафиксировано в Пятигорске (53 %) и Оренбурге (51 %), там же отмечена наименьшая доля тех, кто не ощущает такой принадлежности. Существенно отличается ситуация в Якутске и Грозном. В этих городах менее четверти опрошенных заявили, что ощущают принадлежность к России в сильной

степени, и чуть меньшая доля – что подобного чувства не испытывают.

Интерес представляют данные по Москве, в которой лишь немногим выше среднероссийского уровня оказалась доля респондентов, заявивших об устойчивом ощущении принадлежности к России. Ниже среднего выявилась доля тех, кто указал на ситуативное чувство принадлежности к стране, и выше среднего доля тех, кто не ощущает принадлежности к России. При этом среди опрошенных москвичей очень маленькая доля лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации. Полученное распределение ответов по Москве, видимо, отчасти объясняется мотивами социального протеста. Среди тех москвичей, кто сказал, что не ощущает принадлежности к своему государству, много людей пожилого возраста.

Предваряя возможное неверное истолкование, заметим, что полученные результаты не отражают картину лояльности или нелояльности граждан к своему государству. Однако приведенные ответы дают представление о готовности населения вести общественную дискуссию по поводу принадлежности к российской нации. Если принять во внимание, что 75 % опрошенных считают себя в той или иной степени причастными к России, то это означает, что они готовы участвовать в упомянутой дискуссии. Миллионные аудитории российских спортивных болельщиков могут продемонстрировать свои ощущения принадлежности к России лучше и ярче, чем любые социологические опросы.

КАКАЯ НУЖНА СТРАТЕГИЯ?

По данным многолетнего мониторинга, осуществляемого Институтом этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этномониторинга, в России с 2008 г. наблюдается определенное повышение уровня конфликтности, хотя до этого в течение ряда лет ситуация была лучше. Этот уровень конфликтности сохраняется и в 2013 году. Напряженность и конфликты возникают там, где неблагоприятная социально-экономическая обстановка соединяется с плохим управлением, и когда политики и безответственные общественные активисты используют этнический и религиозный факторы для достижения власти и собственного благополучия.

Все это заставило российские власти внести некоторые изменения в стратегию национальной политики. В первый день своего вступления в должность 7 мая 2012 г. Президент России Владимир Путин подписал указ № 602 «Об обеспечении межнационального согласия», призванный гармонизировать межнациональные отношения, укрепить единство многонационального народа Российской Федерации и обеспечить условия для его полноправного развития. В рамках созданного Путиным Совета по межнациональным отношениям была разработана и принята президентским указом в декабре 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года.

В Стратегии заложена идея формирования единой политической нации и сохранения этнокультурного разнообразия

российских национальностей. Это отражено в формулировке целей государственной национальной политики: а) упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); б) сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; в) гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; д) социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов.

Эффективность национальной политики зависит не только от того, насколько власть и в целом общество заинтересованы в сохранении этнической идентичности и защите интересов населяющих страну народов, но также от того, насколько плодотворными будут меры по укреплению единства многонационального народа. То есть насколько эффективно российская идентичность будет сочетаться с этнической русскостью, татарскостью, башкирскостью, якутскостью и т. д. Данные самых последних исследований свидетельствуют, что идея общероссийской гражданской нации не навязывается сверху, а отражает достаточно массовые представления. Если еще в 2004 г. признание российской идентичности уступало этнической самоидентификации, и сильную связь с гражданами России ощущал лишь 31 % респондентов, то к 2011 г. российская идентичность у большинства населения стала самой распро-

страненной и ощущение связи со страной в целом – более сильным⁶.

В 2000-е годы люди стали привыкать к новым очертаниям страны и ее месту в мировом сообществе. На смену критике советского прошлого, а затем «лихих 90-х» начало приходить понимание необходимости трезвой оценки прошлого и формирования взвешенных подходов к исторической памяти. Сегодня большинство населения – это люди, которые считают себя гражданами России и не теряют свою этническую идентичность. Вместе с тем обсуждение в медийном пространстве показывает, что не всеми предложенная стратегия воспринимается спокойно. Нередко понятие «российская нация» придается иное значение, иной смысл: то ее сравнивают с советским народом, то считают, что она призвана заменить этнокультурную общность. До сих пор большинство опрошенных в 2010 г. россиян считают, что «в условиях России единая нация возникнуть не может» (38 %) или для этого должны пройти десятилетия (табл. 4).

Различными исследовательскими центрами подтверждается, что доля предубежденных в отношении основных по массовости видов межэтнического общения в целом колеблется уже несколько лет в пределах 30 %. Социологические исследования демонстрируют, что значительная часть населения (24-41%) отмечает обострение национальной проблемы из года в год (в 2010 г. – 32%). Нарастание

⁶ См.: Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. М., 2013.

напряженности в межэтнических отношениях отмечают представители всех возрастных групп, чаще его замечают люди с высшим образованием (36 %). Острота национальной проблемы нарастает с увеличением размера населенного пункта, достигая пика в Москве и Санкт-Петербурге, где обострение национальной проблемы фиксируют 53 %⁷.

Общий вывод состоит в том, что растущая российская идентичность, устойчиво совмещаемая с этнической идентичностью, интегрирует людей, но это не снимает раздражения и в некоторых случаях враждебности к представителям других национальностей, которые часто являются следствием недовольства существующей системой распределения ресурсов, солидаризации против несправедливостей, неравенства, коррупции, беззакония. Нужны усилия и общества, и власти, направленные на достижение того, чтобы в повседневной практике граждане чувствовали Россию общим домом.

⁷ Тишков В. А. Российский народ. М., 2013. С. 642.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТАБЛ. 1. НАИБОЛЕЕ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ
ОБЩНОСТИ РОССИИ, 2010

	Млн человек		В % к указавшим национальную принадлежность	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Все население	145,17	142,86		
в том числе с указанием национальности	143,71	137,23	100,0	100,0
русские	115,89	111,02	80,64	80,90
татары	5,55	5,31	3,87	3,87
украинцы	2,94	1,93	2,05	1,41
башкиры	1,67	1,58	1,16	1,15
чуваши	1,64	1,44	1,14	1,05
чеченцы	1,36	1,43	0,95	1,04
армяне	1,13	1,18	0,79	0,86
аварцы	0,81	0,91	0,57	0,66
мордва	0,84	0,74	0,59	0,54
казахи	0,65	0,65	0,46	0,47
азербайджанцы	0,62	0,60	0,43	0,44
даргинцы	0,51	0,59	0,35	0,43
удмурты	0,64	0,55	0,44	0,40
марийцы	0,60	0,55	0,42	0,40
осетины	0,51	0,53	0,36	0,39
белорусы	0,81	0,52	0,56	0,38
кабардинцы	0,52	0,52	0,36	0,38
кумыки	0,42	0,50	0,29	0,37
якуты	0,44	0,48	0,31	0,35
лезгины	0,41	0,47	0,29	0,35

	Млн человек		В % к указавшим национальную принадлежность	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
буряты	0,45	0,46	0,31	0,34
ингуши	0,41	0,44	0,29	0,32
Другие национальности	4,85	4,81	3,40	3,51
Учтены без национальной принадлежности по сведениям из административных источников	1,46	5,63	-	-

ТАБЛ. 2. ОТВЕТЫ НА ВОПРОС О ПОНЯТИИ «РОДИНА» (%)

место опроса	Родина – только местность рождения	Родина – Россия (вместе с др. возможными ответами)
Москва	24,3	51,9
Тула	23,3	52,8
Архангельск	30,4	49,9
Сыктывкар	31,9	44,3
Пятигорск	22,3	52,6
Грозный	48,4	14,3
Оренбург	25,9	56,5
Балаково	35,1	41,6
Екатеринбург	30,8	47,4
Сургут	30,9	32,2
Омск	34,8	44,1
Горно-Алтайск	35,3	46,4
Якутск	43,4	17,1
Хабаровск	26,2	49,5

ТАБЛ. 3. ОТВЕТЫ НА ВОПРОС ОБ ОЩУЩЕНИИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К РОССИИ (%)

	Ощущаю в сильной степени	Чувство возникает в некоторых ситуациях	Не ощущаю	Затрудняюсь ответить
Пятигорск	53	32	6	9
Оренбург	51	32	5	12
Тула	48	34	6	12
Архангельск	47	37	6	10
Сыктывкар	47	29	9	15
Москва	46	27	14	12
Екатеринбург	45	36	6	13
Сургут	45	37	8	11
Хабаровск	44	29	8	18
Горно-Алтайск	44	32	10	15
Омск	42	34	7	17
Балаково	40	32	13	15
Якутск	24	40	20	16
Грозный	21	39	17	24
В целом	45	30	12	13

ТАБЛ. 4. ОТВЕТЫ НА ВОПРОС «ГРАЖДАНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ЭТО РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ?» (%)

	Да	Это потребует несколько лет	Для этого потребуются десятилетия	В России единая нация возникнуть не может	Затрудняюсь ответить
Сыктывкар	1	7	8	36	19
Екатеринбург	9	6	12	40	13
Оренбург	26	8	13	39	14

Балаково	26	5	11	36	22
Тула	26	5	16	40	14
Горно-Алтайск	25	4	9	45	17
Архангельск	24	17	15	30	13
Сургут	23	6	12	32	27
Омск	23	6	12	40	18
Москва	22	9	16	38	16
Хабаровск	22	6	14	34	24
Пятигорск	16	11	17	41	15
Якутск	11	9	25	37	18
Грозный	10	9	13	41	26
В целом	23	8	15	38	17

**ТАБЛ. 5. ДИНАМИКА РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (%)**

Время опроса	Организация, проводившая опрос	Выбрали ответ «Мы – граждане России»
1992 г., Москва	ИЭА	24
2002 г., РФ	ИС РАН	63
2006 г., РФ	RLMS, ИС РАН	65
2008 г., РФ	ESS	68
2013 г., РФ	RLMS, ИС РАН	74

РОССИЯНЕ – НАЦИЯ С ОКТРОИРОВАННОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

На протяжении одного века россияне дважды стали свидетелями распада своего государства. В течение почти двухсот лет это была одна из крупнейших европейских империй, а так как в те времена европейские державы доминировали в глобальном масштабе, то и Россия была одной из важнейших держав в мире. В сознании россиян такое понимание значения России укреплялось также географическим положением. Российская империя располагалась на двух, а в определенное время даже на трех континентах. До 1867 года российское государство на карте мира занимало почти половину северной полушария. Уже в те времена Россия была вынуждена согласовывать свои взаимоотношения с такими усиливающимися внеевропейскими державами, как Япония, Китай и Соединенные Штаты. Это не только не могло не повлиять на умы российских элит конца XIX и начала XX веков, но и продолжает играть свою роль даже сегодня. Многие россияне считают, что понятия «российское государство» и «российская империя» – это синонимы, а лишение России статуса империи является для российской

государственности экзистенциальной угрозой. Отголоски этого опасения мы можем найти во многих публичных высказываниях представителей российской элиты власти, например, касающихся Украины. При этом мы часто слышим также отнесения к распространяемому с 1994 года Збигневом Бжезинским мнению, что «Россия, как империя, может существовать только вместе с Украиной»¹. Без нее – империей быть перестает.

В декабре 2015 года специализирующийся на истории Германии выдающийся польский историк, профессор Влодзимеж Бородзей прочитал в Варшавском университете лекцию, посвященную Германии Anno Domini 2015. Свое выступление он начал со следующего наблюдения: «Немного существует наций, которым на протяжении одного столетия приходилось несколько раз придумывать себя заново. Швеции ни разу, Ирландии раз, Франции и Польше – три раза. Немцы – чемпионы мира также и в этой области: они создали свою кайзеровско-имперско-националистическую идентичность в 1871 году, республиканскую в 1918 году, национал-социалистическую в 1933 году, коммунистическую versus западную в 1949 году, объединенную, западно-демократическую, в 1990 году. Каждый раз меняли границы и точки соотнесения»².

¹ Brzezinski Z. *Premature Partnership*.// Foreign Affairs. March/April 1994. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1994-03-01/premature-partnership> (дата обращения: 09.01.2016).

² Профессор Влодзимеж Бородзей. Лекция «Сосед новый или старый. Германия 2015». Лекция в рамках цикла «8 лекций на новое тысячелетие». Варшавский университет, 15 декабря 2015 года. Лекция доступна на YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v= yQ0gfxVCN00> (дата обращения: 27.12.2015).

Готовясь к этой лекции, я задавал себе вопрос: А что с россиянами? Сколько раз им приходилось придумывать себя заново? Вехи определились сами собой: в 1812–1815 годы Россия, которая уже примерно сто лет была сверхрегиональной европейской империей, стала гарантом постнаполеоновского европейского порядка. Затем на протяжении десятилетий теряла этот статус и в итоге в середине XIX века стала европейской империей, страдающей ревматизмом строя, все более не поспевающего за современностью. 1917 год привел в России к развалу монархии, а также кратковременному периоду демократического карнавала. Настолько краткого, что у большинства россиян не было возможности его прочувствовать, а даже вообще понять, что он существует. Событием, которое прочно засело в исторической памяти и менталитете российского общества, стал захват власти большевиками. Та часть радикальных марксистов, которую сегодня мы бы могли назвать «радикальными марксистскими фундаменталистами» ставила своей целью не только построение нового государства революционеров и строительство «нового общества». «Советский человек», в принципе, должен был лояльность по отношению к пролетарскому государству ставить выше принадлежности к национальной группе. Идентичность стала предметом общественной инженерии в масштабе ранее в России не встречавшемся.

Советская власть придумывала, однако, не только «советского человека». Она формировала также «нового россиянина». После 1945 года более ранние идеологические

предпосылки, направленные на создание великого «советского народа», начали постепенно вытесняться практикой привилегирования россиян. В мае 1945 года Сталин, провозглашая тост по поводу победного завершения Великой Отечественной Войны, благодарил не «советский народ», а прежде всего «русский народ». Именно русские, по его мнению, принесли наибольшие жертвы и были той «решающей силой, которая привела к решающей победе». Начался постепенный процесс «русифицирования» советской империи. Москва была его столицей, предлагающей лучшие перспективы карьеры, как партийной, так и бюрократической. В Москву ближе всего было русским. А бюрократии империи легче всего было набирать кадры именно из русских. Этому способствовала также тенденция, состоящая в том, что бюрократический оппортунизм начал постепенно преобладать над верой в коммунизм.

После семидесяти лет своего существования Советский Союз разошелся «по национальным швам». Русские, вместе с другими нациями советской империи, привели к ее дезинтеграции. Основным маховиком истории был политический процесс, в котором идея русской самобытности была инструментально использована Борисом Ельциным для борьбы за власть с Михаилом Горбачевым, последним руководителем советской Коммунистической партии, а затем первым президентом Советского Союза. Таким образом, великий эксперимент общественной инженерии, направленный на формирование советской нации, закончился абсолютным фиаско. Несмотря на то, что, как справедливо отметил

Александр Зиновьев, удалось создать «homo sovieticus», этот успех привел не к консолидации жителей империи вокруг новой советской общественности, а к ее раздроблению. Государство «авангарда пролетариата» распалось. Перестала существовать советская империя, но советский опыт в русских сохранился, особенно тот, который был связан с доминированием власти над личностью, которая постоянно была подвержена разного вида манипуляциям. Зиновьев так их описывал: «в советском обществе гражданам, у которых нет никаких привилегий, все дается с трудом. Они с трудом достают необходимое лекарство. Им трудно отправить ребенка в детский сад. Трудно попасть в вуз. Чрезвычайно трудно получить квартиру. Очень трудно получит путевку в санаторий, а уже поездка туда с детьми вовсе невозможна. Трудно найти комнату в гостинице. Короче говоря: во всех жизненно важных делах гражданину приходится преодолевать абсурдные на первый взгляд трудности, которые заставляют его тратить время, силы, здоровье, деньги. Эти трудности, повторюсь, абсурдны только на первый взгляд. По существу такие условия стимулируют у человека инстинкт самосохранения, заставляя его бороться за эти жалкие, но необходимые для жизни, крошки»³. Перестройка Горбачева, а затем развал Советского Союза дали россиянам некоторое чувство свободы, но многие недостатки общественной жизни пережили падение коммунизма и все еще формируют российскую идентичность.

³ Zinowiew A. Postępy sowietyzacji. Wybór z tomu „My i Zachód”. Warszawa, 1988. С. 5.

Глеб Павловский, один из идеологов путинской России в начальный период ее формирования, считал, что холодная война для россиян закончилась иначе, чем для западного мира. По его мнению, Фрэнсис Фукуяма правильно представил настроение своего времени, сформулировав тезис о начале – после завершения холодной войны – эпохи «конца истории»⁴. Так вот либеральная демократия одержала победу над коммунистической идеологией и, таким образом, у нее исчез последний идеологический конкурент. Тем временем, россияне, во-первых, вовсе не считали себя побежденными. В России весьма часто можно встретиться с мнением, что, по сути дела, это россияне похоронили коммунизм. Во-вторых, крах правил, базирующихся на коммунистической идеологии, российское общество признало началом эпохи, в которой нет уже никаких правил поведения. Российское государство было вынуждено придумать себя заново. Было вынуждено также придумать своих граждан.

Пользуясь формулировкой профессора Бордзеля о немецком народе, который вынужден был придумать себя несколько раз на протяжении немногим более века, можно сказать, что россиянам выпала та же участь. Разница в том, что немцы придумывали себя каждый раз заново самостоятельно. Россиян же придумывали, можно сказать, «сверху» очередные властители России: цари, большевики, Ельцин, наконец, Путин, который несколько раз менял свою поли-

⁴ Павловский Г. Система РФ в войне 2014 года. De Principatu Debili [Электронный ресурс] URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1026511> (дата обращения: 12.07.2016).

тику формирования идентичности россиян. Политическая традиция России привела к тому, что российское общество интуитивно ожидает, что идею России, в том числе в отношениях между государством и обществом, а также составляющие российской идентичности каждый раз сформирует правящая Россией элита власти.

Подобное понимание отношений между нацией/народом/обществом имеет в России очень длительную историю и, несомненно, является существенной составляющей российской идентичности. Государство, вместе с его жителями, землей и всеми природными богатствами всегда было собственностью царей. Это они самостоятельно распоряжались его ресурсами, были хозяевами жизни и смерти своих подданных, отражением чего был, в частности, язык политики и сам термин единодержавие. Царь Павел I в Учреждении об Императорской фамилии объявил, что «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его верховной власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». XIX век, который инициировал эпоху политического пробуждения масс, а также распространил лозунги трех великих политических идеологий: либерализма, социализма и национализма, был не в состоянии разрушить фундамент российского строя, базирующегося на асимметричных отношениях между царем-самодержцем и российским народом. Идеологические замыслы Сергея Уварова и Федора Достоевского предусматривали для масс, проживающих в империи, исключительно роль опоры для царского

престола. Их закрепление в этой роли должна была облегчать Православная церковь, которая сама была настолько зависимой от милости царя-помазанника божьего, что доминирующую в России христианскую конфессию злые языки называли «цареславием»

100 Хотя время от времени возникали идеи, призывающие к модернизации строя российской империи, но они быстро исчезали либо, в лучшем случае, не оправдывали возлагавшихся на них ожиданий сторонников. Поражения усугубляли разочарованность и отстраненность сил стремящихся к изменению строя. Эти поражения часто воспринимали как одну из причин распада российской монархии в 1917 году. Россия все хуже справлялась с пробужденными великими политическими идеологиями XIX века стремлениями своих граждан. В итоге, коль скоро историк может говорить о том, что в XIX веке европейские нации начали прилагать усилия для нового самоопределения, он может утверждать, что российский народ оставался приговоренным к зависимости от интеллектуальных способностей и воли властвующей личности. За двести лет ситуация существенно не изменилась. Хотя современный мир существенно ограничил государственную монополию в области идейной коммуникации, но эмоции, закрепившиеся за прошлые десятилетия в сознании российского социума, все еще хранятся в нем, создавая питательную почву как для стремлений, так и для комплексов.

Социологи считают, что идентичность формируется под влиянием ценностей и символов. Символ представляет

систему ценностей, а связь личности с символом часто определяют словом «лояльность». Источники ценностей связаны с обществом, с экономическими, общественными, а также историческими условиями. Таким образом «патриотизм» – это символ исторически сформировавшихся ценностей, а «патриот» – это человек, лояльный по отношению к «отечеству», берущий на себя в одностороннем порядке обязанности и потери, не требуя за это вознаграждения. «Берет их на себя – ибо отождествляется с отечеством, ибо осознает общность, а отечество – это и есть общность людей, идей и традиции, истории и совместного опыта – в некоторой определенной „стране” – то есть в физической среде».⁵ Таким образом, история и совместный опыт выполняют функцию образования символов, организуют сознание социума вокруг исторического толкования, то есть также оценки опыта общества. Концептуализация этого опыта дает основания для «лояльности» по отношению к символу и стоящим за ним ценностям.

С этой точки зрения четко видно, что Россия – это социум, очень сильно разделенный в итоге спора о собственном прошлом. В течение последних лет российские власти предприняли несколько попыток восстановить общности, объединяющее общество с государством, используя для этого разные составляющие общего прошлого. Борис Ельцин, в период своей борьбы за власть с Михаилом Горбачевым обращался к антикоммунизму. Его идея проведения

⁵ Gross F. Więż narodowa i więż powszechna // Idem. O wartościach społecznych. Studia i szkice. New York, 1961. С. 168.

«Нюрнберга для коммунистов» была ничем иным как оружием в политическом соперничестве за власть в России. Когда Ельцин уже получил власть, скамья подсудимых для бывших коммунистов и функционеров спецслужб СССР перестала казаться ему необходимой. Будучи президентом Российской Федерации в течение первого срока полномочий, Ельцин обращался в сторону демократических идей. Во время второго срока полномочий, которым он был обязан соглашению о политическом сотрудничестве с российскими олигархами, он чаще начал использовать царскую и дореволюционную символику. Также в большей степени привлекал Московский Патриархат для формирования идентичности.

Следующий президент России, Владимир Путин, в течение 15 лет своего правления – учитывая три срока полномочий на посту президента Российской Федерации и один премьер-министра (тогда на президентской должности его заменил Дмитрий Медведев), вначале тоже обращался к царским традициям. Подчеркивал проводившиеся в XIX веке попытки реформировать государство. Личностями, продвигаемыми властями, были Петр I и Петр Столыпин. Однако примерно с 2005 года все большую роль в его политике начали играть ново-сталинские акценты, отсылающие к личности Сталина как руководителя, который сделал Советский Союз/Россию крупнейшей державой, завоевал для страны самую сильную глобальную позицию во всей истории российской государственности. Не случайно именно в 2004 году – спустя десять лет –

российская военная прокуратура закрыла свое следствие по делу Катынского преступления. Ельцину это дело было нужно в политическом смысле – как символ демократических перемен в России, сведение счетов с тоталитарным периодом в ее истории. Путину, по тем же причинам, этот демократический символ перестал быть нужным. Продолжение Катынского следствия, не говоря уже об осуждении виновников, несущих ответственность за скрывание правды об этом массовом убийстве, а также о компенсации для семей жертв, трудно было совмещать с дифирамбами в честь Сталина, которые были подготовлены в связи с 60-летием завершения Великой Отечественной Войны. Восстановление Российским государством и лично президентом Путиным положительного публичного образа Сталина закончилось успехом. Если в 90-е годы большинство россиян относилось к нему отрицательно, и эта тенденция сохранялась в первый период правления Владимира Путина, то в 2015 году подавляющее большинство опрошенных утверждали, что личность Сталина вызывает у них положительные ассоциации. Так, 39 % россиян считает его положительной личностью в истории России, 30 % питает к нему уважение, 7 % чувствует симпатию, а 2 % даже гордость⁶. Символом трудностей современной России с личностью Сталина можно считать проведенный в 2008 году телеканалом «Россия» Интернет-опрос, который состоял

⁶ Исследование Левада-Центра, март 2015 г. URL: <http://www.levada.ru/old/31-03-2015/stalin-i-ego-rol-v-istorii-strany> (дата обращения: 20.12.2015). Стоит также ознакомиться с комментариями, касающимися этого исследования: URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/denplanety/stalinizaciya-rossii> (дата обращения: 20.12.2015).

104 в выборе самой выдающейся личности в истории России. Секретом Полишинеля является факт, что победил именно Сталин, но так как объявление такого результата было сочтено нежелательным, был задействован «административный ресурс» и в официально обнародованных результатах Сталин сместился на третье место, после Александра Невского и Петра Столыпина, на одно место опережая Александра Пушкина⁷. Уже на одном этом примере видно, что в современной России параллельно существуют символы из очень разных эпох, несущие очень сильно дифференцированное аксиологическое послание. Их сопоставление друг с другом и сосуществование в идентичностном послании возможно исключительно в условиях исторической цензуры и политической кастрации исторической памяти. Сталин вместе с Иваном Грозным могут быть для россиян символами, вызывающими чувство гордости только в ситуации, в которой российское государство допускает массовые преступления как узаконенный инструмент политики. Политический либо исторический контекст всегда можно «подогнать».

Проблем с идентичностью, подобным по размаху тем, с которыми столкнулась современная Россия, на протяжении всей истории этой страны не было. Никогда раньше они не были столь всеобъемлющими и столь остро выраженными, как в течение последних 25 лет. Они также не

⁷ Результаты конкурса: URL: <http://www.nameofrussia.ru/> (дата обращения: 15.12.2015).
Комментарии: URL: http://www.gazeta.ru/politics/2008/07/07_a_2776363.shtml (дата обращения: 15.12.2015). (статья от июля 2008, конкурс закончился в октябре) URL: http://www.akhmanov.ru/books_000/zam_stat/stat_imya_Rossiya.htm (дата обращения: 15.12.2015).

касались столь широких масс населения. Особый характер современности определен тремя факторами, два из которых связаны с великими историческими переменами глобального масштаба, которые отличают начинающуюся эпоху от предыдущих.

Во-первых, в истории мира закончилась эпоха империй. Глобальная ситуация, когда общества становятся политическими институтами, сопровождаемая технологическим и институциональным прогрессом – все это изменило критерии, предопределяющие взаимные соотношения стран в международной системе. В прошлом их могущество предопределялось территорией и демографическим потенциалом, который – в свою очередь – обуславливал численность армии. Отсюда вытекали стремления европейских держав к увеличению собственного потенциала путем территориального расширения и строительства империй. Рост силы и возможностей одной из держав означал ослабление либо ограничение возможностей других участников международных отношений. Сегодня территория перестала быть фактором, детерминирующим силу государств. Их международная позиция зависит, главным образом, от их уровня развития и способности генерировать поощрения для инноваций, предпринимательства, а также приумножения благосостояния граждан. Но в России, которая является державой, расположенной на двух континентах, география все еще играет существенную роль в рассуждениях о месте России в мире, имеющих свои очевидные импликации также в вопросах идентичности. Так сложилось, что Россия

стала современным государством в тот самый момент, когда сформировалась ее империя, последней эманацией которой был Советский Союз. Поэтому многие россияне склонны считать, что существование российской государственности вообще обусловлено существованием российской империи. Хотя СССР и стал сверхдержавой, но этой позиции не удалось использовать для преодоления отсталости развития. Тем не менее, многие россияне считают современное российское государство именно результатом распада империи. В прошлом они жили в великой России, сегодня им осталась малая Россия, которая в их восприятии является шагом назад в развитии российской государственности, проявлением ее слабости и кризиса. Отсюда сильные пост-имперские тенденции, проявляющиеся в поддержке конфронтационной по отношению к внешнему миру политики, попыток установления доминирующего положения России на территориях бывшей советской империи. Исчезновение империй обостряет, таким образом, традиционный внутренний российский спор, касающийся идентичности и модели развития современного российского государства.

Во-вторых, фактором, который отличает современные российские споры об идентичности от тех, которые велись в предыдущие эпохи, является политическое пробуждение обществ (понятие, введенное в словарь мировой политики Збигневом Бжезинским), которое в XX веке наступило в глобальном масштабе, а в России также стало катализатором споров об идентичности. В прошлом в раздумьях на эту тему участвовала только элита империи. Первоначально

ее определяли предельно узко – как ближайших приближенных царей, петербургскую придворную камарилью. Затем – начиная примерно со второй половины XIX века – она стала охватывать интеллигенцию, представителей мещанства, слабеньких промышленных кругов, формирующих новую интеллектуальную элиту державы, слабеющей и все более отстающей по развитию, особенно государственного строя, от остальной части континента. Сегодня в дискуссии о российской идентичности участвует подавляющее большинство российского социума, что подтверждают результаты многих исследований общественного мнения. В последние 20 лет вопросы: чем является Россия, каким государством она должна являться, какими должны быть ее отношения с внешним миром, Западом, Европой, Азией – интересовали уже не десяток или несколько десятков представителей интеллектуальной элиты, но все российское общество. В 1990 году, когда цивилизационная отсталость Советского Союза и крах «коммунистической утопии» повсеместно осознавались гражданами советского еще государства, было проведено исследование общественного мнения, которое показало, что подавляющее большинство опрошенных высказывались в поддержку реформ по образу «нормального», «цивилизованного» капиталистического развития. Поэтому не удивляет тот факт, что для 90 % респондентов «нормальное» должно было состоять в перенесении западных образцов. При этом целых 32 % опрошенных россиян посчитали, что реформаторам государства следует подражать Соединенным Штатам, столько

же – что Японии, а 17 % образцом считали Германию, 11 % Швецию, и всего лишь 4 % высказывались за копирование китайского опыта⁸. Однако экономические реформы «эпохи Ельцина», способ проведения приватизации, которая воспринималась как процесс «прихватизации» государственных активов новыми элитами, вызвали в России разочарование. Со временем все меньшее число опрошиваемых россиян считали себя сторонниками «западной модели реформ». В середине 90-х годов уже только 25 % опрошенных считали, что западные решения могут в России быть для чего-то пригодными. В свою же очередь, проведенные через десять лет после распада СССР исследования, показали, что россияне полностью отрицали не столько определенное Ельциным общее направление изменений, сколько их бездарное внедрение. Несмотря на то, что участники опросов, которых тогда просили дать оценку результатов «ельцинских и гайдаровских» реформ, как правило, выбирали «отрицательный» ответ (52 %), однако 31 % был склонен оценивать названные реформы либо «положительно», либо «ни положительно, ни отрицательно»⁹. Анализ тогдашних результатов исследования общественного мнения позволяет высказать мнение, что «эти данные резко расходятся со стереотипическим образом среднего россиянина как несчастной жертвы социально-экономических перемен 90-х годов, однозначно осуждающего эти перемены

⁸ Marciniak W. Rozgrabione imperium. Upadek Związku Sowieckiego i powstanie Federacji Rosyjskiej. Kraków, 2001. С. 215.

⁹ Тогдашний курс доллара – это около 25 рублей.

и мечтающего вернуться к дореформенной эпохе»¹⁰. Спустя почти четверть века после распада Советского Союза в отчете Всероссийского центра изучения общественного мнения сказано, что «образ Запада как модели для подражания оказался полностью дискредитирован уже к концу 1990-х. С приходом Путина на пост президента стартовал поиск альтернативной модели, иных ценностей»¹¹. В 2005 году президент России объявил, что развал Советского Союза был крупнейшей геополитической катастрофой в истории. Под влиянием как этой, так и сходных оценок более половины россиян начали отрицательно оценивать развал СССР¹², а у подавляющего большинства сложилось положительное отношение к советским символам. Символы серпа и молота вызывают положительные ассоциации у 73 % опрошенных лиц, а красная пятиконечная звезда – у 66 %¹³.

¹⁰ Дилигенский Г. Г. Путь российских реформ Президента В. Путина [Электронный ресурс] URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd011433> (дата обращения: 19.04.2001). Из опросов других центров исследования общественного мнения следует, что период Советского Союза россиянами все еще оценивается с большой ностальгией. См. также: Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Отечественная история. 2000. № 4. С. 3-14.

¹¹ Трансформация – это нормальность [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=114520> (дата обращения: 04.01.2014).

¹² Исследования Левада-Центра: <http://www.levada.ru/old/07-12-2011/rossiyane-o-raspade-sssr> (2011) <http://www.levada.ru/old/11-01-2013/rossiyane-o-raspade-sssr> (2012); <http://www.levada.ru/old/14-01-2014/rossiyane-o-raspade-sssr> (2013); <http://www.levada.ru/old/01-12-2014/raspad-sssr-v-rossiiskom-obshchestvennom-mnenii> (2014). Комментарии: Россияне все еще тоскуют по СССР: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/12/01/nostalgiya-srednej-tyazhesti> (декабрь, 2014); Россиян потянуло в СССР, <http://www.fontanka.ru/2014/02/27/005/> (февраль, 2014); Распад Союза почти не волнует граждан, http://www.ng.ru/politics/2014-06-11/3_soyuz.html (июнь, 2014); Почему Россия скучает по Советскому Союзу?, <http://www.kommersant.ru/doc/1821787> (декабрь, 2011).

¹³ Как россияне относятся к символам? [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115343> (август, 2015) (дата обращения: 04.01.2016).

Таким образом, мы подходим к третьему новому фактору, предопределяющему современные российские дискуссии об идентичности, а именно к проблемам, связанным с концептуализацией роли и значения опыта советской эпохи в истории России. Эпоху, которая началась в России вместе с приходом к власти Путина, большинство россиян определяет как «Советский Союз без идеологии». Этот термин отражает широко распространенный в обществе двойственный подход к оценке советской эпохи¹⁴. Причины этих трудностей очень сложны и разнообразны. Многие перемены, которые в XX веке произошли в глобальном масштабе, в России совпали с периодом власти большевиков. Поэтому российское общество отождествляет их с наследием Ленина, Сталина и их преемников. Великие социальные изменения были ведь центральной составляющей марксистской идеологии. Нет сомнений, что большевикам удалось изменить Россию коренным образом. Они привели к массовому общественному продвижению, которое, однако, примерно в то же время происходило и во многих других частях мира. При этом, нигде цена этой большой перемены не была столь высока, как в странах, в которых правили сторонники ленинизма, с самого начала предполагающие применение террора и насилия. Поэтому везде, кроме России, большевизм вошел в историю, как один из самых преступных режимов. В России наследие Ленина, Сталина, Дзержинского является предметом дискуссий об

¹⁴ Там же.

идентичности, которые связаны с традиционным российским спором о характере российской цивилизации: является ли она частью европейской цивилизации, или – наоборот – она самобытная, исключительная. Нет сомнений, что контакт российского общества с советской идеологией носил исключительно глубокий и интенсивный характер. Поэтому Россия, объективно говоря, обременена бременем исторического опыта, в частности, того трагического, который отличает ее от всех прочих стран мира.

Характерным фактором, отличающим Россию от европейских демократических обществ, является двойственное отношение власти и значительной части российского общества к преступлениям коммунизма. В итоге трудно уйти от вывода, что современные дискуссии об идентичности в России – это проявление раскола российского общества, аксиологического и, в результате, идентичностного хаоса, которому, в частности, способствует и политика властей. Ибо трудно в течение 20 последних лет говорить о единой политике в области формирования символов, объединяющих российское общество и гармонирующих оценки, касающиеся прошлого. Без ответа на вопрос, откуда мы приходим и как мы оцениваем советское прошлое, трудно определить, куда мы стремимся и какого типа отношения с внешним миром мы считаем желательными.

Предпринимавшиеся до сих пор российским верховными государственными властями попытки сформировать однозначную оценку советского прошлого следует признать безуспешными. Существенную роль в этом поражении

сыграло, несомненно, личное отношение российских президентов к советским временам. Борис Ельцин во время своего первого срока полномочий осуществлял очень решительную политическую кампанию по осуждению советской эпохи, запретил коммунистическую партию и планировал провести «Нюрнбергский процесс для коммунистов», который по своей сути должен был быть показательным сведением счетов с советским прошлым. Со временем он смягчил, однако, свою позицию, а его преемники, принимали, пожалуй, опасные попытки объединить советский опыт с опытом эпохи самодержавия. Егор Гайдар, российский министр финансов и автор российской экономической трансформации, проведенной в первый срок полномочий Бориса Ельцина, писал в 1995 году: «Надо сделать все, чтобы большевистский цикл [поиска альтернативного направления развития – прим. С.Д.] стал действительно последним в истории государства российского. Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном итоге историческую ориентацию, стать республикой «западного» типа»¹⁵. Гайдар считал 75-летний опыт власти большевиков «еще одной катастрофой в истории России». Мнение же Владимира Путина по этому вопросу резко отличалось. В этой связи символическими словами для современной России можно считать слова Германа Грефа, министра финансов и близкого сотрудника Путина, произнесенные в начале

¹⁵ Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995. С. 199.

XXI века: Я глубоко уважаю Гайдара, которого считаю очень хорошим экономистом (...). Это благодаря ему с 1992 года страна начала меняться, мы начали по-настоящему двигаться в сторону рынка. Если бы не Гайдар, если бы мы продолжали двигаться в направлении, в котором мы шли до него – не было бы России. Я убежден, что если бы не Путин, Россия распалась бы. Это несомненно бы случилось спустя год или два. Слава Богу, в соответствующий момент истории появились люди, которые могут направить историю России в правильном направлении¹⁶. Как видно «спасителями» России могут быть признаны политики, совершенно по-разному оценивающие роль советской эпохи в истории собственной страны.

Срок полномочий Дмитрия Медведева на посту президента России старались использовать для несколько иной расстановки акцентов в процессе формирования властями российской идентичности. Медведева представляли как либерала, осуждающего наследие сталинизма и поддерживающего процесс модернизации страны. Именно во время его президентства была предпринята попытка заново придать политическое значение установленному в 1991 году Дню памяти жертв политических репрессий, отмечаемому ежегодно 30 октября¹⁷. Также во время его президентства возобновились споры, касающиеся советской символики, присутствующей в оформлении московского метро,

¹⁶ Интервью Татьяны Коротковой с Германом Грефом // Век. 2000. №. 35.

¹⁷ Видеозапись Президента РФ от 30 октября 2009 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/5862> (дата обращения: 02.01.2014).

которые были бы существенно более сложными в менее благосклонном для таких дискуссий политическом климате. Третий срок полномочий Путина как Президента России обозначал, однако, отказ от политики предшественника и возврат к подчеркиванию положительных элементов советских времен, особенно, связанных с международным значением государства. В 2010 году Президент России Дмитрий Медведев публично говорил об обнародовании всех томов дела российского Катынского расследования. Три года спустя во время очередного срока полномочий президента Владимира Путина представители разных российских институтов публично обосновывали факт отказа от обнародования последних 30 томов, документирующих следствие, на том основании, что эти документы касаются деятельности НКВД, которая все еще является государственной тайной современной России. То, что Россия, таким образом, покрывает орган, несущий ответственность за преступления против человечества, совершенные против граждан бывшего Советского Союза, сторонников «государственных» ценностей современной России не беспокоит. Из другого публичного высказывания высокого должностного лица российского государства следует, что «модная в некоторых странах Центральной и Восточной Европы идея необходимости покаяться за советскую историю, признать «коммунизм» не менее преступным режимом, чем «нацизм», неприемлема для национального самосознания большинства россиян. И не только потому, что она уничтожает и перечеркивает вклад наших отцов и дедов в победу

над фашизмом. Но и потому, что она, мягко говоря, не вполне корректна в плане исторической объективности»¹⁸. Нежелание дать оценку тоталитарному режиму связано, таким образом, именно с защитой памяти об отцах и дедах, которые в случае раскрытия правды об истории Советского Союза могли бы оказаться не только теми, кто взял Берлин, но и преступниками.

Дискуссия о сложном российском дискурсе об идентичности используется многими ее участниками для отвлечения внимания. По существу, высокие чиновники современной России защищают от осуждения своих предшественников, выступают против разбора совершенных ими ошибок, а иногда и преступлений, ибо единожды созданный прецедент может в будущем затронуть и их самих. Таким образом, они защищают также от общественного контроля свою текущую деятельность, тогда как подобный контроль является условием повышения эффективности и качества услуг, предоставляемых российским государством по отношению к собственным гражданам. Иными словами, существует связь между честной оценкой преступного советского прошлого и качеством жизни граждан современной России, а также устранением отсталости в ее развитии, которая отделяет ее от наиболее развитых европейских государств.

В конце 2013 года толпа демонстрантов снесла в Киеве последний в этом городе памятник Ленину. В то же время

¹⁸ Артизов А. Наш путь к взаимопониманию через диалог. См. с. в настоящем издании.

В Москве на центральной площади российское государство все еще отдает честь «вождю революции» и одновременно почти на том же месте воздвигает памятники в честь династии Романовых. В 1998 году по инициативе президента России была проведена траурная церемония захоронения останков расстрелянного большевиками последнего царя Николая II и его семьи. В торжествах принял участие президент России Борис Ельцин, который назвал похороны актом справедливости и символом объединения нации. В 2000 году Николай II (вместе с женой и детьми) был причислен Русской православной церковью к лику святых как страстотерпец, то есть человек, который кротко принял мученическую кончину. Почти в то же время в 2007 году, российская прокуратура отклонила ходатайство о реабилитации царя Николая II и его семьи, утверждая, что к ним не относится закон о жертвах политических репрессий. Недавно же было принято решение – до сих пор, правда, неосуществленное – о возвращении на Лубянскую площадь памятника преступнику Феликсу Дзержинскому, организатору политической полиции тоталитарного государства и одного из крупнейших аппаратов репрессии в истории человечества. Памятник Дзержинскому на Лубянке был снесен в 1991 году, но число сторонников его восстановления растет. Деятельность ЧК положительно оценивает 37% россиян. Отрицательное отношение высказывали 20 % опрошенных, в то время как 30 % никогда не слышали о существовании такого органа и потому у них нет определенного мнения на тему его

деятельности¹⁹. Результаты этих исследований говорят сами за себя.

Таким образом, современная Россия хочет быть одновременно наследницей и самодержавия, и большевиков. Противоречие символов и ценностей стараются либо замалчивать, либо прилагают усилия для создания аксиологического компромисса вокруг российской имперской традиции. Таким образом, современная политика российских властей в области формирования российской идентичности, возможно, неосознанно начинает апеллировать к политике Сталина. Именно им в 1937 году была сформулирована мысль, что «русские цари сделали много плохого. Они грабили и порабощали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело — склотили огромное государство, до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как единое, неделимое государство не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство»²⁰. Под этими взглядами Сталина, по всей вероятности, мог бы подписаться и президент России, который в начале XXI века дольше всех остается на своей должности. Именно он сегодня является наследником российских царей и Сталина. Не случайно после аннексии Крыма и агрессии против

¹⁹ Исследование ВЦИОМ от 20.12.2013. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114648> (дата обращения: 02.01.2014).

²⁰ Димитров Г. Дневник (9 марта 1933 – 6 февраля 1949). София, 1999. С. 128.

Украины среди российских элит Путина начали называть «Царем».

Аннексия Крыма и агрессия против Украины в 2014 году усугубили кризис идентичности современной России и наглядно показали абсолютный хаос в аксиологической политике государства. В связи с отсутствием какого-либо обоснования нарушения принципов международного права власти России прибегали буквально ко всем возможным аргументам, даже если они все вместе не создавали никакого единого посыла, не относились ни к какому единому видению российской идентичности. Для обоснования своих мер, для придания им видимости легитимности Путин обращался к коллажу разного типа символов и аргументов, относящихся как к царской традиции, так и ко временам коммунизма. Как и царские бюрократы, он отказывал украинцам в праве на национальную самобытность, признавая их по сути дела сепаратистами «триединого» народа, охватывающего всех «русских», то есть восточных славян. Он ссылаясь на «историческую справедливость», необходимость восстановления которой велела ему исправлять ошибки, допущенные Хрущевым и Ельциным по вопросу принадлежности Крыма Украине. Россиянам следовало признать нападение на Украину современным крестовым походом, направленным на возврат «колыбели русской государственности», а Путина – очередным «собирателем земель русских». Этому ведь служила вся – в конечном счете завершившаяся очевидным фиаско – пропагандистская кампания в пользу так называемой Новороссии. Таким

образом, война с Украиной втянула политику российских властей в узел идентичностных противоречий, с которыми они уже никогда (то есть пока они будут у власти) не справятся. А приближающаяся смена власти в России вновь разожжет споры о российской идентичности.

Российская нация, таким образом, – это социум, который многократно придумывали «сверху» власти имущие в России. Это утверждение носит нейтральный характер в том смысле, что оно ни в коей степени не является оценочным. Оно обозначает лишь только то, что национальная российская идентичность формировалась иначе и под влиянием иных стимулов, нежели идентичность других европейских наций. Общий опыт, символически формирующий общность, содержит в случае России составляющую, связанную с разрушением государства, культуры и общества. Таков характер памяти о разрушенной царской традиции, опыте большевизма, развале Советского Союза. Даже наиболее универсальный опыт Великой Отечественной Войны носит сегодня такой характер, так как он связан с памятью о победе многонациональной империи, которая перестала существовать и к преимуществам которой могут обращаться в своей памяти также другие нации бывшего СССР. Таким образом, этот опыт не носит эксклюзивного характера, что для чувства национальной идентичности чрезвычайно важно. Выдающийся специалист по восточноевропейским национальным проблемам Роман Шпорлюк много лет назад сказал, что поляки были крупнейшей европейской нацией без собственного государства, а Россия – крупнейшим

Славомир Дембски

государством без нации. Сегодня российская нация существует, но власть в государстве все еще происходит не по ее воле, равно как она не может чувствовать себя ни собственником этой государственности, ни ее сувереном. Не преодолев эту основополагающую проблему, сложно будет выйти из кризиса идентичности.

Часть II

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ:
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной науке принята интерпретация нации как воображаемой общности, формируемой коммуникативными средствами (базируется на идеях Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и др.¹). Важнейшее из таких средств – память сообщества, материализованная в коммуникативном конструкте общего прошлого. С теоретической точки зрения это положение проработано в исследованиях М. Хальбвакса, Ш. Эйзенштадта, Э. Смита и др.² Общая память о прошлом создает ощущения сходства, принадлежности, связанности, необходимые для идентификации себя в качестве члена сообщества. Как указывал Б. Андерсон, «в умах каждого» из членов нации, не знающих друг друга и никогда

¹ Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism. London, 1991; Hobsbawm E., Ranger T. The invention of tradition. Cambridge, 1983.

² Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3(40-41); Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.

не встречающихся, «живет образ их общности»³. Он и конкретизируется посредством общего прошлого, которое апеллирует к общезначимым для сообщества ценностям, идеям, мифам, предрассудкам и соотносится с системой норм (предписаний, запретов, разрешений), в нем принятым.

Память (как и нация) есть во многом следствие «социального изобретения», т. е. сознательного конструирования силами элит, преследующих вполне определенные интересы и получающих ощутимые выгоды⁴. Конструирование прошлого предполагает его отбор, переработку и использование в интересах настоящего (здесь можно говорить и о политическом использовании прошлого). Конструкции же прошлого оказываются «...действены в обществе лишь в той степени, в которой они согласуются с существовавшими ранее народными представлениями и коллективными воспоминаниями»⁵. Они должны попасть на ту волну, на которую принимающая их публика способна и готова настроиться.

РАСПАД СССР – РАСПАД ОБЩЕГО ПРОШЛОГО

В конце XX в. вопросы о национально-государственных общностях, объединяющих их исторических образах

³ Anderson B. Op. cit. С. 6, 31.

⁴ Сконструированное прошлое (этот термин в данном случае аналогичен предложенному Э.Хобсбауму понятию «изобретенная традиция») выполняет в настоящем следующие задачи: укрепляет или символизирует социальную сплоченность или единство сообществ (реальных или искусственных); упрочивает или легитимирует институты, статус или властные отношения; поддерживает социализацию путем насаждения мнений, систем ценностей и условий поведения (См.: Hobsbawm E., Ranger T. Op. cit. С. 9).

⁵ Смит Э. Указ. соч. С. 218.

и общих «памятях» оказались неожиданно актуальны. Можно сказать, что это важнейшие европейские вопросы. Их актуализируют, с одной стороны, идея единой Европы, с другой – практика развала социалистического блока.

Особое напряжение эти вопросы приобрели в постсоветской России. Причина ясна. СССР был не просто центром «социалистического лагеря», но и единственной страной, которая произвела «реальный социализм» из себя, без посторонней помощи. Для России, вышедшей из СССР, проблема поиска «образа себя» оказалась непосредственно связана с выбором пути развития. Речь шла о том, сможет ли формально новая страна обновиться по существу (на уровне культуры и социальной практики) и сделать реальностью демократический транзит, поддержанный демократизацией «образа себя» и национальной памяти. В конечном счете, на переходе от СССР к России делался выбор между новым (современным) социальным порядком и тавтологией старого, «общим» и «особым» путями цивилизационного развития.

Сейчас выбор сделан – и это выбор против демократизации и строительства гражданской нации, в пользу модифицированного авторитарного имперского порядка, апеллирующего к национализму большинства (некоторые российские исследователи определяют его как имперский национализм)⁶. На рубеже XX–XXI вв. образ сообщества

⁶ См.: Паин Э. Россия между империей и нацией // Pro et Contra. 2007. № 3 (37). С. 42-59.

пережил странную эволюцию: от старого – через идею нового – к модифицированному старому.

Пересмотр советского идентификационного проекта не случайно начался с переоценки общего прошлого – в направлении его либерализации и гуманизации. Модификация коллективного прошлого в конце 1980–начале 1990-х годов «работала» на изменение образа общества – и в этом смысле являлась показателем социальной эмансипации и мерой преобразований. История поэтому не просто «вошла» в массовую политику, но и обрела статус политической категории. Критика советского прошлого стала инструментом расшатывания советской системы.

126

Вследствие «раскрепощения» истории не просто расширились горизонты коллективной памяти. Демократическая Россия попыталась выработать новый (аналогичный современному европейскому) алгоритм воспоминаний. Выразалось это в следующем. Во-первых, в конце 1980 – начале 1990-х годов память была денационализирована. Она перестала быть подвластна только государству, служить исключительно целям обеспечения подчинения и господства, консолидации и чрезвычайным мобилизациям общества (на «героический труд», «ратный подвиг» и т.д.). Память обрела частный, приватный характер.

Произошла «приватизация» прошлого: разрушение его единства, отказ власти от контроля над ним, его индивидуализация, адаптация к интересам, вкусам, запросам

массового пользователя. Массовое прошлое перестало быть целостным, непротиворечивым и тотальным проектом, скреплявшим «нерушимое единство» советского народа. Плюрализация истории была реакцией на стремительный рост субъектности общества и отказ власти от позиций монополиста во всех сферах.

И во-вторых, мы попытались сосредоточиться на критических воспоминаниях и за счет этого выработать адекватный взгляд на себя. На рубеже 1980–1990-х годов идея критики прошлого передвинулась с периферии в центр публичной полемики и общественного сознания. В фокус коллективных воспоминаний попали темные, преступные события советской истории. На критической волне в пространство исторических самоопределений ворвались темы «стыда» и «покаяния», вины и ответственности, совершенно неизвестные простому советскому человеку.

В принципе идея критики прошлого предполагает различные сценарии реализации: от сенсационных разоблачений (развлекающих, масскультовых историй) до формирования взгляда на историю, не обремененного «тягой к оправданию» (формула Т. Адорно). Мы ограничились первым сценарием. И это понятно. Во втором случае авторитетные интеллектуальные группы имеют мужество говорить правду о слабостях своего народа, воспитывая у него мужество ее слушать. Причем, такого рода критика дает обществу не разрушительный (как у нас принято думать), а созидательный импульс. Она, по словам Т. Адорно, имеет значение «профилактической вакцины», которая прививается

обществу⁷, чтобы избежать рецидивов поразившей его болезни.

В России осмысления прошлого в контексте грехов и преступлений не произошло. Российская исследовательница М. Чудакова писала, что в совокупности опубликованные с конца 1980-х гг. материалы и документы представляют «эквивалент Нюрнбергского процесса». «В России он произошел не в зале суда, а на страницах книг»⁸. Это, однако, не позволило процессуально проработать и юридически разрешить проблему вины и ответственности. В этом смысле постсоветская Россия – совсем иная страна, чем Германия после Нюрнберга. В ней тема наказания за исторические преступления перед народом (и самого народа) оказалась несущественной. Стоит ли удивляться, что она не существует и по отношению к настоящему. Нам не удалось включить в нормативный фундамент своей коллективной идентичности травматическое прошлое. Это (среди прочего) не позволило либерализовать образ сообщества, интегрировать в него новые, либеральные ценности.

Однако нельзя сказать, что критический посыл сработал в постсоветскую эпоху вхолостую. Мы использовали критику советского прошлого для оправдания масштабного «сброса памяти», необходимого для разрушения старой системы и «выхода из коммунизма». Историческая критика выполнила вполне практическую, нигилистическую

⁷ Адорно Т. Что означает «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3(40–41). С. 43–45.

⁸ Чудакова М. Под скрип уключин // Новый мир. 1993. № 4. С. 136.

(разрушительную) задачу, появляющуюся в ходе любой революции. Отречение от советского прошлого помогло становлению нового порядка и утверждению новых идентичностей.

НОВАЯ РОССИЯ: ОТКАЗ ОТ ИЗМЕНЕНИЙ

Во второй половине 1990-х годов в стране происходили очень важные процессы. Они не были столь заметны, как внешне эффектный «демократический транзит» рубежа 1980–1990-х. Тем не менее, именно они (и, видимо, надолго) определяют наше будущее. Российское общество сделало свой исторический выбор – второй за десятилетие. В его основе – отказ от изменений и поворот «лицом» к прошлому. Что же подтолкнуло наше общество к такому выбору? Попробуем ответить на этот вопрос, обратившись к социокультурным процессам, «исторической» тематике.

Российское общество не приняло изменения начала 1990-х в качестве социокультурного вызова, требующего кардинального пересмотра всех представлений о себе и социальной мобилизации на иных, чем прежде – антисоветских, общецивилизационных – основаниях. Оно отреагировало на перемены как глобальную (для себя) историческую травму, своего рода публичное национальное унижение. Сейчас переживает ее последствия. Поэтому компенсаторная по природе потребность в самооправдании и самоутешении возведена нашим обществом в главную задачу момента. В этом смысле «болезнь 90-х» (пережи-

вание утраты сверхимперского статуса и ощущения национальной несостоятельности) продолжается. Путинские элиты ее не излечили, а использовали – и используют – в своих интересах (т.е. паразитируют на травме).

Собственно, на рубеже 1980–1990-х годов, на переходе от СССР к РФ, советско-российский социум пережил целую серию исторических травм. В конце 1980-х оказалось: все, что мы помнили о советском и нес советском прошлом, очень мало этому прошлому соответствует; всё подчищено, исправлено, искажено и извращено. Фальсифицирован был сам образ сообщества, который строился во многом в опоре на прошлое. Получалось, что мы не те, за кого себя принимали. Это был исторический шок.

130

За этим последовал распад: в 1991 г. вместе со страной исчезли центральные элементы национально-государственного самоопределения – пространственность и военная мощь (эти основы державности), а с ними – практически все основания гордости нашего человека (за страну и самого себя). Сворачивание претензий на мировое лидерство, утрата сверхдержавности – самая значительная травма для русских в XX в.

Показательно, что утрата потенциала сверхдержавности особенно остро переживалась интеллигентским сообществом. «Продвинутые» группы уже в 1996 г. чаще других включали в список «национальных потерь» советского времени «идею монархии, дух аристократии», «офицерскую честь», «православную веру» и «великую культуру», а в список постсоветских утрат – «гордость за свою

большую и сильную страну» и «ведущую роль в мире, мировое лидерство»⁹. Необходимостью скомпенсировать потери во много объясняется сближение – практически по всем позициям – интеллигентских оценок прошлого (и настоящего) с массово-обывательскими.

В начале 1990-х массовое сознание сосредоточилось на повседневных проблемах и экономических трудностях. Выживая в тяжелейшем настоящем, русский социум забыл об образах прошлого и будущего. Более того: забыл себя – перестал ощущать себя социальным целым. В тот момент все на время перестали понимать, «кто мы» – в пространственном, временном и ценностном отношениях. Американский исследователь Т. Мак-Дэниел отмечал: в сознании людей были стерты долгосрочные цели, что обесмыслило само их существование; жизнь утратила исторический контекст, ограничилась выживанием, достижением сиюминутных целей¹⁰. Это был период наибольшей неопределенности и фрустрации в отношении национальной идентификации. В результате конец XX в. стал для России точкой высшей концентрации травматического опыта и пиком утраченных надежд, «несостоявшейся» истории.

На рубеже 1980–1990-х разрушились образ счастливого советского будущего, единое прошлое, тешившее национальное тщеславие, и сам коллективный «мы»-образ. На это отреагировало общество: в 1989–1994 гг. на первый план в структурах коллективного (и индивидуального)

⁹ Дубин Б. Жизнь в России на рубеже столетий. М., 2007. С. 304.

¹⁰ McDaniel T. The agony of the russian idea. Princeton, 1996. С.184-185.

самоопределения вышли «малая родина», «место, где родился и вырос», а также семья, этническая общность, конфессия¹¹. Иначе говоря, произошел сдвиг в сторону идентификационных механизмов традиционного – естественного (родового, «генетического») и потому самого древнего – порядка.

Тогда же, к 1994–1995 гг., стало ясно: процесс восприятия европейской культуры памяти в постсоветской России оказался не то, что кем-то свернут, – просто сошел на нет. Он двигался мимо массового сознания, совершенно перестав его интересовать. «Преодоление тоталитаризма» не было осознано постсоветским обществом в качестве проблемы, связанной с выбором перспектив развития. Наш массовый человек не узнавал себя в прошлом, предложенном ему 1990-ми, фактически отказался связать себя с такой памятью. Новый – сложный, трагический, альтернативный советскому – «образ себя» был воспринят, скорее, как нарушение «нормы». С середины 1990-х мы пытаемся ее восстановить, вернуться в нормальное состояние (так, как это понимаем).

НОВАЯ РОССИЯ: НАЗАД, В ПРОШЛОЕ

Исследователи культуры памяти утверждают: ущерб, нанесенный образу нации, обязательно потребует возмещения. Опыт России ее подтверждает. С середины 1990-х годов

¹¹ Левада Ю. А. Время перемен: Предмет и позиция исследователя. Ретроспективные размышления // Левада Ю. Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005. М., 2006. С. 58.

в обществе рос интерес к «ценностям–убежищам» (П. Нора) – к тому, в чем Россия еще сохранила хоть какой-то доступ к национальному величию, ко всем формам ее культуры и истории. Стремясь остаться собой, сообщество – эта «коллективная личность» – интуитивно искало что-то, за чем можно было спрятаться, укрыться. Желание вновь почувствовать «корни», получить моральное, культурное, историческое оправдание своего существования привело его к прошлому.

Со второй половины 1990-х годов социологи фиксировали следующий сдвиг в массовых настроениях: в сознании большинства укрепляется «ориентация на одинаковое для всех, скромное, но гарантированное существование» и растет «ностальгическая привлекательность идеализированных образов и фигур прошлого»¹². Переход (от веры в будущее – через неверие ни во что – к вере в прошлое) произошел где-то на рубеже 1993–1994 годов. В 1999 г. «...на первое место среди символов коллективной идентичности русского народа... вышел такой признак, как «наше прошлое, наша история» (его выделяли 48 % против 24 % в 1989 г.)»; вместе с ним выросло значение других неотрадиционалистских компонентов самоопределения¹³. И это понятно: прошлое – категория традиционная и национальная (оно всегда чье-то, представляет собой маркер принадлежности к «своим»).

В общественном сознании нарастали, а затем утвердились в качестве господствующих позитивные оценки

¹² Дубин Б. Указ. соч. С. 70.

¹³ Там же. С. 71, 73.

собственной истории. «Историческую самокритику», пик которой пришелся на 1987–1991 гг., сменила ностальгия. При этом россиянин ассоциирует себя не с мировой историей, а с национальной; последняя же предстает чаще всего как советская. Именно к ней сводится прошлое вообще. Показательно, что с тезисом «...было бы лучше, если бы в стране все оставалось так, как ... до 1985 г.» в 1999 г. согласились 58 % опрошенных (в 1992 г. – 45 %, в 1993 г. – 46 %), против было 27 % (в 1992 г. – 39 %, в 1993 г. – 30 %) ¹⁴.

Наш человек быстро избавился от чувств «стыда и безнадёжности» (их в 1996 г. испытывали всего 5 % опрошенных ВЦИОМ), «тоски и отчаяния» (характерны для 6 %) при мысли о прошлом, характерных для него на рубеже 1980–1990-х годов ¹⁵. Положительная переоценка коснулась важнейших сторон социального устройства и жизненного уклада СССР – всего, что относится к «авторитету власти, структурам коллективной солидарности, символам державного престижа». С помощью механизмов ностальгии и идеализации «высветлено», приобрело приемлемый вид и фактически реабилитировано советское прошлое. Параллельно усилились позитивные характеристики коллективного «образа себя» (повысились оценки «душевных качеств моего народа» и т. п.). Положительная динамика таких оценок наблюдалось во всех возрастных и образовательных группах населения ¹⁶.

¹⁴ Там же. С. 73.

¹⁵ Там же. С. 299.

¹⁶ Там же. С. 82.

Это свидетельствует, как минимум, о двух обстоятельствах. Во-первых, приняв в процессе самоопределения за установочный, нормативный именно советский период, россияне вполне определенно ответили на вопрос: «кто мы?». Во-вторых, самоутверждение коллективного «мы» происходит за счет символического отрицания «других» и акцентировки «своего» как «особого», ни на что не похожего. Такое самопонимание, составляющее символическую основу солидарности, закрывает (отсекает) нас от мира.

Авторитетность прошлого в российском идентификационном проекте – это еще и показатель важности для российского общества традиционалистской компоненты. Собственно, восстановление памяти об СССР массово воспринималось как возвращение к «истокам», традициям – к «себе». Инициаторами и идеологами традиционалистского дрейфа – в ответ на социальные потрясения и крах модернизационных надежд рубежа 1980–1990-х годов – выступили элитарные слои. Так, высокий уровень исторических самоопределений с середины 1990-х «...обеспечивается и поддерживается... как раз теми группами населения, которые по ряду социальных и культурных характеристик более продвинуты» (люди с высшим образованием, жители Москвы и Санкт-Петербурга, крупных городов)¹⁷. Еще в 1996 г. они чаще других соглашались с мнением, будто Россия, возрождая традиции, возвращается к своим духовным истокам¹⁸. Традиционализм ориентаций на

¹⁷ Там же. С. 301-302.

¹⁸ Там же. С. 302.

социальное действие – их ретроспективный характер, популизм, уравнительность и определенный уровень ксенофобии – отличает как интеллигентское (в значительной степени идеологизированное), так и «обыденное» или «низовое» (массово-бытовое) сознание¹⁹. Традиционалистский дрейф массовых ориентаций и составил основу для воспроизводства в России начала XXI в. культурных и политических образцов советского типа.

В целом мобилизация прошлого в современной России имеет ярко выраженный компенсаторный, терапевтический характер. Ее единственный смысл – способствовать национальному самоутверждению через самооправдание и самоутешение. Конструкции прошлого, имеющие значение для массового сознания, служат восполнению тех дефицитов, которые оно обнаруживает в дне сегодняшнем. Конечно, функцию социальной терапии обращенная к массам история выполняет не только у нас. Но у нас ее функции этим и ограничиваются. Образы прошлого, принадлежащие к сфере массового и масскоммуникативного, формируют символическое защитное поле социума.

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОВЕТСКОЕ НЕ С НАМИ, НО В НАС

В конце XX в., на переходе от СССР к России, коллективный «мы-образ» подвергся пересмотру по всем параметрам

¹⁹ Там же.

и на всех уровнях – государства, общества, отдельного человека. При его рассмотрении прежде всего срабатывает эффект *deja vu*. Бросается в глаза отсутствие динамики образа: все выбывшие из него компоненты заменены не новыми, а подобными (тавтологией старого).

Показательно, что российское общество не приняло в качестве базового европейское самоопределение, подкрепленное общим с Европой прошлым и массовой трансляцией соответствующих ценностей. Оно и не имело шансов занять значимые позиции в национальной идентификации в национальном идентификационном проекте: ведь европейцами ощущает себя подавляющее меньшинство российских граждан. Ответы на вопрос «ощущаете ли вы себя европейцем?» практически не изменились за 1995–2003 гг.: в 1995 г. 56 % опрошенных ВЦИОМ – Левада-Центром ответили никогда, 18 % – редко (всего 74 %), 13 % – иногда, 10 % – часто; в 2003 г. ответ «никогда» поддержало 55 % респондентов, редко – 18 % (всего 73 %), иногда – 14 %, часто – 12 %²⁰. Причем, почувствовать себя европейцем наш человек просто не имеет возможностей: процент посещающих Европу в последние годы практически не меняется (в 2002 г. – 5 %, в 2007 г. – 4 %); в категории 16–25 лет эта цифра чуть выше – 8 % в 2007 г.²¹ Другие коммуникационные каналы не просто ограничены, но и сокращаются.

²⁰ Там же. С. 321.

²¹ Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад (Рабочей группы Института социологии РАН под руководством М.К.Горшкова) // Полис. 2008. № 3. С. 19–22.

Справедливости ради следует отметить, что приобщение к массовым потребительским стандартам сделало познание Европы бесполезным даже для тех россиян, которые экономически могут себе это позволить. Нам не интересна Европа (впрочем, и Америка) как социокультурный, цивилизационный феномен. Важно отметить, что свою «особость» («неевропейскость») российские граждане объясняют не социально-экономическими, а культурно-историческими причинами. Большинство опрошенных ВЦИОМ–Левада-Центром (в 1994 г. – 54 %, в 2000 г. – 68 %, в 2003 г. – 57 %) признали, что за годы советской власти фундаментально изменился склад людей в России²². Иначе говоря, в известном смысле в советскую эпоху все-таки удалось вывести «новую породу людей», родовую связь с которой ощущает – и теперь не считает нужным скрывать – постсоветский человек.

В 1990-е годы трансформировалась гражданская идентичность: сегодня значительная часть населения признает свою принадлежность к России как новому государственному образованию. В январе 1991 г. трое из каждых пяти опрошенных ВЦИОМ российских граждан отождествляли Россию и СССР (не делал этого лишь каждый четвертый); в марте 1991 г. гражданином России считал себя каждый четвертый российский респондент, гражданином СССР – 63 % опрошенных²³. В середине 1996 г. называли своей «родиной» Советский Союз только 10 %, а Россию – уже

²² Дубин Б. Указ. соч. С. 321.

²³ Там же. С. 298.

34 %²⁴. И, наконец, в 2007 г. с общностью «советский народ» себя ассоциировали 18 % опрошенных, иногда – 41 %, никогда – 42 %, тогда как с «гражданами России» – 36 % (иногда – еще 49 %)²⁵. Фактически только с середины 1990-х можно говорить о складывании новой постсоветской идентичности – да и то весьма условно. Большинство исследователей сходятся на том, что «...современная Россия находится на промежуточной стадии – между распадающейся советской идентичностью и пока... не состоявшейся российской национально-государственной идентичностью»²⁶. Неопределенность гражданской идентификации заставляет россиян обращаться к иным вариантам самоопределения – этническому, конфессиональному, локальным.

Интегрирующая роль гражданского самоопределения у нас низка (как и вообще возможности политической, гражданской консолидации). Дефицит государственно-гражданской идентификации компенсируется, прежде всего, за счет роста этнической компоненты: национальное бóльшей частью населения трактуется как русское (опасность такого самоопределения – в том, что в нем заложены возможности погромно-патриотической интерпретации: «Россия – для русских»). Интегрирующие признаки этнической идентификации вполне традиционны – история, язык, предки. Кажется, их появление должно сопровождаться ростом показателей этнической консолидации – как компенсаторной

²⁴ Там же.

²⁵ Российская идентичность в социологическом измерении... С. 12.

²⁶ Там же. С. 9, 12.

реакции на травмы, нанесенные имперскому сознанию «титულიной нации» на рубеже XX–XXI веков.

Отчасти это так и есть. Но только отчасти, и не этим определяется качество современного идентификационного проекта. Ярлык «русское» маркирует не столько «генетическую» (социобиологическую) общность, но единство территории (принадлежность к бескрайнему – неопределенному и стремящемуся к расширению – пространству) и ценностей имперского доминирования, создающих основу для социальной солидарности. То есть речь идет о переосмыслении в контексте национального старой – державной, имперской – идеи. Наш национализм и есть форма русского имперства (а империализм был формой русского национализма). Он отсылает к воспоминаниям о советской государственной мощи и русско-православном державном величии (отсюда, кстати, царистские интерпретации образа президента), подкрепляется державной, почвенно-националистической интерпретацией собственной истории. Интенсивный общественный запрос на нее удовлетворила «путинская» власть, запустив механизм массового «производства» великодержавного («особого», военизированного, победно-имперского) прошлого. Ведь оно работает на нее, принося конкретную прибыль в виде символического капитала поддержки. Это прошлое полезно и народу (не человеку, а именно народу: как воображаемой общности, состоящий из «человеко-единиц», встроенных в общий – сконструированный «сверху» – порядок): оно подтверждает устойчивый идеальный образ себя.

**НАЦИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ
НОВОЙ РОССИЙСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ. ЦЕНТР
И РЕГИОНЫ**

Продолжающееся уже более десяти лет стремление российской политической элиты обеспечить многоконфессиональному обществу многонационального государства (кстати, государства с сильно выраженными великодержавными стремлениями) соответствующее идеологическое «связующее» в последние годы перетерпело существенную метаморфозу. Текущее это стремление, объединенную с изменением некоторых, существенных ранее парадигм исключительно хорошо иллюстрирует историческая политика государства, которая, согласно надеждам политиков, должна – с помощью достаточно широкого набора инструментов – в конечном итоге привести к созданию новой российской идентичности.

Проведенная Кремлем на рубеже веков попытка создать новый пантеон героев (пожалуй, более государственных,

нежели национальных!), которая была связана с лицами, олицетворявшими программу реформ государства и строительство его международного значения путем общественного и экономического (реже – касающегося государственного устройства) внутреннего развития России, дала крайне скромные результаты. Несмотря на широкомасштабную просветительскую (а также пропагандистскую) деятельность, предлагавшиеся в качестве покровителей тогдашней политики властей Российской Федерации премьер-министр Российской Империи Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) и император Александр II (1818–1881) – «царь освободитель», который, отменив крепостное право, вывел российское общество из мрака по-настоящему средневекового феодализма – не были в состоянии пробиться в сознание среднестатистического россиянина как лица наиболее выдающиеся в их отечественной истории. (Не в пользу императора сказывалась, несомненно, также его гибель от рук чтимых до недавнего времени революционеров!). Следует отметить, что в обоих случаях подчеркивались не только их стремления к модернизации страны, но также – хотя и в умеренной степени – умелое использование выборочных моментов оксидентализации! Удивляет тот факт, что на фоне официального стремления к модернизации относительно редко были использованы достижения личности значительно легче узнаваемой и устойчиво популярной в российском обществе, а именно царя Петра I Великого (1672–1725), который в массовом сознании является олицетворением быстрых и радикальных реформ,

символом стремительной и успешной европеизации России. Представляется, однако, что именно размах и радикальность деятельности великого царя привели к тому, что кремлевские элиты не решились избрать эту личность в качестве покровителя своих начинаний, несмотря на то, что официально к личности Петра I относились с огромнейшим уважением (апогеем этой тенденции было, несомненно, празднование 300-летия Санкт-Петербурга в 2003 году). Фиаско так понимаемой персонализации исторической политики продемонстрировал оглушительный провал пропагандистского телевизионного проекта «Имя Россия» (2008) на телеканале «Россия». Несмотря на личное участие в проекте многих выдающихся личностей из политической и культурной жизни РФ (модератором всего проекта был Никита Сергеевич Михалков), общенациональный опрос мнений длительное время был в пользу абсолютно других персонажей, с которыми граждане отождествляли величие России, а именно Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина! И только аннулирование предварительных результатов голосования в августе 2008 года, а затем – независимо от пресловутых «чудес при избирательной урне» – обращение к авторитету Российской Православной Церкви привело к тому, что победителем общенационального плебисцита стал князь Александр Невский (1220–1263). Легенду князя, являющегося святым православной церкви, однако более прославившегося как покоритель шведов и рыцарей Тевтонского (Ливонского) ордена, ранее сильно продвигала сталинская пропаганда

(фильм Сергея Эйзенштейна 1938 года)¹. Телевизионная лаудация князя, провозглашенная тогдашним митрополитом Смоленским, а нынче Патриархом всея Руси Кириллом (5.10.2008 г.), словно проповедь, стала решающим моментом всего проекта, в котором Александр Невский победил окончательно и бесповоротно, обойдя Петра Столыпина, Иосифа Сталина и Александра Пушкина. Следует подчеркнуть, что существенными составляющими пропаганды победителя были его антилатинский характер и тесные связи с Востоком (исторически доказанное сотрудничество князя с татарскими захватчиками против своих родных и подданных ранее было заменено мифом о его мнимой дружбе с ханом Батыем и братстве с его сыном Сартаком). Более того, распространялся абсолютно надуманный сюжет об участии «союзных» частей орды в решающей битве против западных войск на Чудском озере в 1241 году.

Названным событием, учитывая его медийный и общественный резонанс, а также связанную с ним дискуссию в социальных сетях, нельзя пренебрегать. В сущности, голосование выявило глубокую привязанность российского общества к советским традициям, причем к сталинским, которые очевидным образом относятся к доминирующей составляющей общенациональной исторической памяти – к победе в Великой Отечественной Войне. С другой стороны, заметное участие церкви в победе «антибольшевистского» кандидата показывало стратегическое значение

¹ См.: Официальный сайт проекта. URL: <http://www.nameofrussia.ru/rating.html> (дата обращения: 25.09.2015).

идеологического сотрудничества государства с Русской Православной Церковью. Следует также добавить, что сопутствующие опросы подтвердили привязанность отдельных национальностей к своим собственным кандидатам, наиболее ярким доказательством чему было массовое голосование за Сталина грузинами, причем вовсе не только гражданами Российской Федерации².

Представляется, что этот болезненный для властей урок не остался без последствий: необходимость принятия мер, которые должны привести к созданию единого исторического сознания российского общества, становилась обязательным условием эффективной внутренней политики. Для того чтобы привести к осуществлению этого намерения, необходимо было создание эффективных правовых и формальных инструментов, осуществление конкретных действий в области просвещения и, в первую очередь, решение основного для многоэтнического и многоконфессионального общества вопроса парадигм: русского (российского) единства, места в общей традиции православия, роли русского языка как цивилизационного фактора. Одновременно, целесообразным представлялось принятие превентивных мер против «разрушителей» официального порядка, против всяческих ревизий сложившихся и признанных каноническими взглядов и, наконец, против всяческих независимых исследовательских институтов (типа общества «Мемориал», но в последнее время также «Вольного исторического

² Ср.: URL: <http://www.segodnya.ua/world/hruziny-lobbirujut-ctalina-v-imja-rf.html> (дата обращения: 25.09.2015).

общества»³) или даже отдельных исследователей (например, случай профессора Андрея Зубова, в частности, на фоне изданного под его редакцией в 2009 году синтетического исследования по истории России XX века)⁴.

Весьма существенной проблемой был также вопрос расстановки своеобразных «общенациональных знаков» на собирательной карте памяти – выделение таких событий в едином прошлом «многонационального российского народа» (согласно букве статьи 3 «Конституции Российской Федерации»⁵), которые можно было бы использовать как доказательство единства судьбы всех этносов и конфессий, проживающих на территории России. Упомянутая выше телевизионная дискуссия «Имя Россия» проявила политические последствия обращения к одному лишь только историческому событию – общему опыту Отечественной Войны, которое было, в то же время, основным лозунгом посткоммунистических сил, а также значительной части националистических кругов.

Предпринятая немного раньше попытка отнестись к более отдаленному по времени опыту Великой Смуты путем установления в 2005 году официального Дня Национального Единства, празднуемого 4 ноября, в годовщину капитуляции польского гарнизона в Кремле в 1612 году,

³ См.: URL: <http://komitetgi.ru/projects/1316/> (дата обращения: 25.09.2015).

⁴ Ср.: Zarycki T. Kręte ścieżki rozwoju alternatywnej narracji historycznej w Rosji: Debata wokół książki «Historia Rosji. XX wiek» pod redakcją Andrieja Zubowa // Przegląd Wschodni. 2014. T. XIII. Z. 1 (49). С. 183-218.

⁵ Ср.: URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 25.09.2015); Статья 3. 1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

первоначально закончилась достаточно умеренным успехом. Меры, рассчитанные, в первую очередь, на внутренние потребности (отмена Дня Великой Октябрьской Социалистической Революции – 7 ноября, лишаящая коммунистов одного из знаменосных пропагандистских козырей и возможности законного вывода на улицу массовых шествий), принятые в соглашении с Православной Церковью, призывающей к установлению в этот день праздника Казанской Богородицы (ее икона была своеобразным палладиум народного ополчения Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина, которое вытеснило польские войска из Москвы), привели, по сути дела, к гибридным мерам: был отменен предыдущий праздник и установлен в очень близкий срок новый государственный праздник, в сущности, инициированный Российской Православной Церковью, но официально не носящий религиозного характера. Первоначально, впрочем, праздник вызвал слабый общественный отклик и открытую критику со стороны большей части специалистов. Со временем, однако, он достаточно сильно укоренился в общественном сознании, отчасти благодаря значительно более поздним мерам – празднованию с огромным размахом в 2012–2013 гг. общенациональных торжеств «Преодоления Смуты» (400-летие освобождения Москвы 1612 года; установление династии Романовых – выбор Михаила Федоровича в 1613 году). На полях официального толкования возникло, впрочем, много местных инициатив, рассчитанных на достижение конкретной выгоды: иерархи костромской епархии приложили – кстати,

безуспешно – большие усилия для того, чтобы инициировать причисление к лику святых легендарного Ивана Сусанина, а обеспокоенные в некоторой степени великорусскими акцентами нового праздника некоторые татарские круги предприняли достаточно курьезную попытку доказать, что их земляком был сам Кузьма Минин – якобы крещеный татарин Кириша Минибаев, родом из Балахны (sic!). Эта превратная и абсолютно не озабоченная отсутствием источников гипотеза приобрела в определенный период могучего сторонника: тогдашний премьер правительства РФ Владимир Путин в ходе встречи с российскими болельщиками указал на мнимое татарское происхождение Минина как на олицетворение многонационального российского патриотизма:

Когда иностранные интервенты (тогда это были поляки) захватили Москву, и официальная власть, условно говоря, была полностью парализована, – кто поднялся на защиту Отечества? Рядовые люди. Откуда они взялись? Их объединил, в том числе, один из объединителей – гражданин Минин, которому стоит памятник на Красной площади – помните, гражданину Минину и князю Пожарскому. Кто такой Минин? Обыкновенный рядовой гражданин, татарин по происхождению⁶.

Особое место среди официальных мер, пропагандирующих новый праздник, занял снятый с огромным размахом фильм «1612» (2007, режиссер-постановщик Владимир Хотиненко). Эта картина, которая в коммерческом плане

⁶ Итоги этой длительной и богатой довольно несостоятельными доказательствами дискуссии см.: URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/02/22/ewe_raz_o_rodovyh_kornyah_kuzny_minina/ (дата обращения: 25.09.2015).

оказалась полным провалом, стала одновременно хитом пиратской торговли DVD и оказала, как представляется, существенное влияние на нынешнее восприятие Смуты, а также – косвенно – Польши и польско-российских отношений. Пожалуй, наиболее интересным – и наиболее вероломным – пропагандистским приемом авторов фильма было обвинение именно поляков – вопреки исторической правде, но, в первую очередь, вопреки свидетельству великой российской литературы с «Борисом Годуновым» Александра Пушкина во главе! – в убийстве династии Годуновых⁷. Отсылая к мифу сверхклассового единства российского общества (крестьянин-священник-боярин) перед лицом «латинской» угрозы, создатели картины инициировали *de facto* некоторую – влиятельную в настоящее время! – тенденцию в российском историческом кино, которая стала опасно близкой национализму. Искаженное, подчеркивающее инородность, фанатизм и жестокость «западников» представление противника (читай – поляка!) было еще более сильно показано в очередной суперпродукции российского кинематографа – в снятом в рамках празднования Года Гоголя фильме «Тарас Бульба» (2009 год, в постановке

⁷ Более подробно см.: Грааля Х. Забытая Смута? Меандры польской исторической памяти // *Amicus Poloniae*. Памяти Виктора Хорева. М., 2013. С. 122-125; Ср.: *Idem*. Jedna Smuta – dwie tradycje. *Mówią Wieki*. Wydanie specjalne. 2012. № 4. С. 87-92. Большая часть польских критиков высмеяла фильм Хотиненко (см.: *Rzeczpospolita*, 31 10 2007; ср. также: Wojciechowska J. Władimir Chotininienko: Nie jestem Polakożercą. *Dziennik. Polska. Europa. Świat*. 2007. № 240 (13-14.10); Szczerba J. Bij Lachów czyli ruską skazką. *Gazeta Wyborcza*. 11 09 2008.), но опасность, вытекающую из вездущего в нем повествования в связи со взглядами российского общества, увидели, пожалуй, только авторы официального документа Бюро Национальной Безопасности Республики Польша: *Propaganda historyczna Rosji w latach 2004-2009*. Warszawa. 16 09 2009. С. 21-22.

Владимира Бортко). Как кажется, данный проект – финансируемый Министерством Культуры РФ, а также приближенными к Кремлю олигархами – должен был стать своеобразным общественным противоядием от идейных последствий Оранжевой Революции, а его пропагандистские цели вовсе не ограничивались территорией РФ. Премьера фильма, праздновавшаяся одновременно в России и на Украине должна была доказать вечное единство «русского народа» и подчеркнуть столь же вечную опасность, угрожающую этому единству с Запада, воплощением которого становилась Польша⁸.

Приведенный выше пример столь заслуживает внимания, поскольку он прозвучал буквально в то же время, когда все более четко зазвучали идеи «Русского мира», обращающиеся к реальным и надуманным связям, объединяющим все нации происходящие от Киевской Руси. Существенной составляющей этой мозаики становилась позиция Православной Церкви. Не случайно выступление Патриарха Кирилла на торжественном открытии общего собрания названной организации 3 ноября 2009 года (то есть в канун Дня Национального Единства) многие комментаторы восприняли как *sui generis* демонстрацию поддержки со стороны Московской Патриархии для все более шумного продвижения Кремлем программы, четко

⁸ На польской почве абсолютно обособленным проявлением понимания этой тенденции и вытекающих из этого угроз для двусторонних отношений был названный уже документ Бюро Национальной Безопасности Республики Польша: *Propaganda historyczna Rosji w latach 2004-2009...* С. 22.

относящейся к панславизму XIX века⁹. Поэтому не удивляет, что такое толкование было критически воспринято украинскими историками¹⁰.

Следует, однако, отметить, что применение религиозной риторики в российских условиях натолкнулось на существенные барьеры: с одной стороны, сказывались последствия коммунистической идеологии и присутствие достаточно многочисленных религиозных меньшинств (даже лояльные по отношению к государству исламские круги воспротивились чрезмерному поощрению Российской Православной Церкви). С другой же стороны, это – парадоксально – вызвало существенное сопротивление среди значительной части крайне националистических кругов, использующих лозунги моноэтнического государства. Характерным представляется в этой области мнение Эдуарда Попова – эксперта Российского института стратегических исследований:

Русская версия национализма сильно отличается от, скажем, британского или французского. Это национализм большого народа, который, по сути, является реакцией на национализмы более маленьких. Более того, современный русский национализм имеет четко выраженный этнический окрас, хотя еще 10 лет назад он был имперским, антиэтническим. Сегодняшний русский национализм апеллирует не к государственности, а к русской этнической традиции (21.06.2013)¹¹.

⁹ Выступление патриарха см.: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html> (дата обращения: 25.09.2015).

¹⁰ См. Толочко П. «Русский мир» и Украина // Родина: российский исторический журнал. 2012. № 9. С. 83-87.

¹¹ URL:http://ruskline.ru/news_rl/2013/06/21/opasnost_sovremennogo_russkogo_etnicheskogo_nacionalizma_kroetsya_v_nedoocenke_duhovnoj_sostavlyayuwej/ (дата обращения: 25.09.2015).

Симптоматично также и то, что именно в этих кругах отмечается существенная популярность неоязыческих движений, трактующих православие – вопреки традиционной модели царского министра просвещения Сергея Уварова (триада: *православие – самодержавие – народность*) – как инструмент чужой («иудео-христианской» либо «иудео-греческой») политики порабощения русского народа вражескими внешними силами.

Четко прослеживающееся отсутствие этой связи между религиозной политикой государства и ожиданиями радикальных националистов вовсе не влияло на официальную пропаганду православия. Представляется, впрочем, что традиции Русской Церкви стали, в некоторой степени, переходным аргументом. С одной стороны, они дают возможность подчеркивать общие христианские и цивилизационные традиции с Украиной и Беларусью, а даже захватывать определенную часть их традиций. С другой стороны, – аналогично тому, как было в давние времена (XV–XVI вв.) и в имперской доктрине Романовых – ссылаться на мифическое наследие Византийской Империи. Сверхинтересным примером этой тенденции является очень противоречивый просветительский фильм *«Гибель империи. Византийский урок»*, вышедший в 2008 году (премьера на центральном канале ТВ «Россия» 30.01.2008), авторства Тихона (Шевкунова), тогда архимандрита, а ныне уже епископа, личности в кругах кремлевской элиты известной и влиятельной ввиду выполняемой им должности духовника президента Путина. Фильм, являющийся

апологией сильной, по сути дела, автократической, центральной власти, являющейся гарантом сохранения единства многоэтнического государства (в частности, в этой связи появляется поддержка массовых переселений населения!), стремится установить параллели между причинами развала Византийской Империи и распадом Российской Империи, а также СССР (!), сильно подчеркивая при этом некоторые моменты из новейшей истории России (борьба государственной бюрократии с олигархами, так называемая вертикаль власти), а также угрозы, вытекающие со стороны западной цивилизации, воспринимаемой как наследницы латинской культуры (по отношению к представителям которой автор фильма наиболее охотно применяет название «варвары»), признанной реальным могильщиком Восточной Империи¹². Пожалуй, наиболее интересные моменты содержались в рассуждениях об экономических предпосылках западного заговора и в слегка только прикрытом призыве к ограничению контактов российской молодежи с культурой Запада, ибо византийцам это пошло – якобы – во вред... Фильм, который вызвал оживленную дискуссию, находя многих яростных критиков (особенно среди ученых), но и значительно большее число пламенных сторонников из числа известных личностей публичной жизни (в частности, Наталья Нарочницкая и Валентин Распутин), пользовался – и пользуется по сей день – большой популярностью

¹² Фильм доступен на YouTube, см.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0hs3o50kX4>; ср. также официальный сайт фильма: URL: <http://vizantia.info/> (дата обращения: 25.09.2015).

среди зрителей¹³. Накал эмоций первоначально был настолько высоким, что целесообразным посчитал выступить по этому поводу тогдашний Смоленский митрополит, ныне Патриарх, Кирилл, в то время второе лицо в кругах Московского Патриархата. Он заявил, что представленное содержание является личным мнением архимандрита Тихона и его не следует воспринимать как официальную позицию иерархов Русской Православной Церкви¹⁴.

Тем не менее, различные религиозные мотивы, взятые из истории, использовались и продолжают использоваться довольно широко: достаточно напомнить недавнюю установку вблизи Могилы Неизвестного Солдата у стен московского Кремля памятника патриарху Гермогену (ок. 1530–17 (27) февраля 1612). Про патриарха Гермогена – якобы жертву поляков – вспомнили неслучайно только в 2013 году. Пыла патриотов не убавил даже тот факт, что Гермоген, признаваемый фактическим инициатором сопротивления против польского кандидата на царский престол и духовным отцом народного ополчения Минина и Пожарского, по существу, был неканоническим патриархом, действующим при жизни незаконно лишённого патриаршего престола и архиерейского сана Игнатия. Власть Гермогена не признавал, в частности, настоящий создатель

¹³ Подборка важнейших голосов в дискуссии содержится в статье «Гибель империи. Византийский урок» в русскоязычной версии Википедии. Следует также привести сверхкритичное мнение о необоснованности византийских претензий современных российских элит, автором которого является Роман Шляхтин из будапештского Центрально-Европейского университета (ЦЕУ), см.: Шляхтин Р. Византия, которую мы не теряли [Электронный ресурс] URL: <http://www.colta.ru/articles/specials/6771> (дата обращения: 25.09.2015).

¹⁴ URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=22969> (дата обращения: 25.09.2015).

династии Романовых – патриарх Филарет (по сути дела, некоторое время бывший антипатриархом). Эти обстоятельства привели к тому, что, несмотря на свои патриотические заслуги, Гермоген был прославлен в лике святых только триста лет спустя после своей трагической кончины, а первый посвященный ему памятник был воздвигнут еще столетие позже – после прихода к власти в стране последнего, пожалуй, поколения воспитанников СССР.¹⁵

Сакральные элементы играют в нынешней исторической политике РФ существенную роль: достаточно напомнить, что для подписания президентом Путиным декрета о признании Республики Крым (17.03.2014) была избрана неслучайная дата: в литургическом календаре Русской Православной Церкви – это день, посвященный памяти святителя Луки (Воиного-Ясенецкого), архиепископа крымского и симферопольского, сосланного в лагерь, но также являвшегося лауреатом Сталинской Премии I степени (за заслуги в области хирургии), награжденного за участие в Великой Отечественной Войне¹⁶.

Наконец, следует отметить последовательное перенесение в церковную (сакральную) область дискуссии об исторических правах России на Крым. Первоначально Херсонес, а потом весь Крым называли «купелью Руси», затем, немного более конкретно, «купелью России» и в завершении

¹⁵ Об открытии памятника см.: URL: http://fakty.interia.pl/swiat/news-w-moskwie-odslonieto-pomnik-sw-hermogena-inicjatora-walki-z-nld,972914?utm_source=Fakty&utm_medium=RSS&utm_campaign=RSS (дата обращения: 25.09.2015).

¹⁶ URL: http://ruwest.ru/blog/?page=post&blog=Kenigsberg-Kaliningrad-soldiers&post_id=337 (дата обращения: 25.09.2015).

сравнивали – так, как это сделал В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию в декабре 2014 года – с Храмовой Горой в Иерусалиме¹⁷. Следует тут напомнить, что ещё в июле 2013 года президент Путин в ходе своего пребывания в Киеве по случаю празднования 1025-летия Крещения Руси подчеркивал исключительное значение «Днепровской (то есть – Киевской) купели» для цивилизационного выбора народов России и Украины, доказывая на этом основании мнимое равноправие украинцев в Российской Империи, уходящее корнями якобы в XVIII век (добавим, что в ораторском пылу президент РФ говорил тогда о жителях Киева и даже Львова, которые подданными Москвы стали только с 1939 года)¹⁸. Похожую риторику использовал также в своем выступлении от 21 февраля 2014 года патриарх Кирилл, сильно подчеркивая киевское начало русской цивилизации¹⁹, что, впрочем, вполне совпадало с взглядами его предшественника Алексия II, гласившего, что «из множества племен в Киевской купели родился один благочестивый и сильный христианский народ» (выступление во время торжественного открытия памятника апостолу Руси – князю Владимиру Великому в Киеве 27 июля 2008)²⁰.

¹⁷ URL: <https://openrussia.org/post/view/1289/>; ср. текст выступления В. В. Путина в Федеральном собрании от 18 марта 2014 года URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>. Представляется, что у истоков самого понятия «купели Святой Руси» в языке российских политиков находятся слова херсонского архиепископа Иннокентия (1800-1857), который также сравнил Херсонес с Горой Афон, но во времена, когда Украина была в составе Российской Империи. См.: URL: http://ruskline.ru/special_opinion/krym_kupel_svyatoj_rusi_clavim_velikoe_istoricheskoe_sobytie/ (дата обращения: 25.09.2015).

¹⁸ URL: <http://www.kremlin.ru/news/18961> (дата обращения: 25.09.2015).

¹⁹ URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3575247.html> (дата обращения: 25.09.2015).

²⁰ URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=727841> (дата обращения: 25.09.2015).

В конечном итоге, злоупотребление связью Русь-Россия, приправленной религиозной риторикой, должно было привести к результатам иногда даже карикатурным, как, например, в случае выставки «Моя история. Рюриковичи» в московском Манеже (ноябрь 2014 г.)²¹. Эти меры предшествовали самому существенному покушению на традицию средневековой Руси, а именно к попытке отнять у Украины историческое право на статус колыбели средневековой русской государственности. Согласно новому Кремлевскому толкованию истории «Русского Мира», крещение Владимира в 988 году становится событием чисто российским, а киевский князь – праотцем московских царей и «апостолом российским» (уже не «Русским», или – хотя бы «Всея Руси!»), что должен доказывать гигантский памятник авторства Салавата Щербакова в центре российской столицы. Открытие памятника было запланировано на 2015 год в связи с тысячелетием кончины крестителя Руси. Красочности всей ситуации придает тот факт, что среди рассматривавшихся мест воздвижения этого монумента была и зловещая Лубянка. К счастью, разум москвичей победил, и в результате общественного голосования в качестве места для этого 25-метрового гиганта была выбрана Боровицкая площадь²².

²¹ См. рецензию Н. Соколова: URL: <http://vozduh.afisha.ru/art/krymto-tam-otkuda-vzyalsya-istorik-razbiraet-vystavku-ryurikovichi/> (дата обращения: 25.09.2015).

²² Ср.: URL: <http://www.1tv.ru/news/social/291872>; URL: <http://mosday.ru/news/item.php?457710> (дата обращения: 25.09.2015). Про отклики украинской стороны см.: URL: <http://sprotyv.info/ru/news/13846-proekt-krestitel-kak-rossiya-prisvaivaet-sebe-knyazyu-vladimira-velikogo> (дата обращения: 25.09.2015).

Несомненно, под влиянием церковного мышления сформировалась также преобладающая в настоящее время доктрина о суверенном, отличающемся от цивилизации Запада и Востока, характере российской цивилизации. Следует согласиться с проницательной оценкой Януша Онышкевича, что возникновение этой доктрины в кремлевских стенах было вызвано поиском средства, которое обеспечило бы России

позицию одного из мировых „центров силы”, то есть воссоздание в другой ситуации того значения которое было у России во временах, когда существовал Советский Союз. С той только разницей, что для этого нового политического формирования необходимо найти обоснование, естественно, отличающееся от предыдущей идеи, которой была идея коммунистическая²³.

В этом плане не оставляет даже тени сомнения программный документ авторства самого В. В. Путина, датируемый январем 2012 года, озаглавленный «Россия: национальный вопрос». Героем этого документа является «российский народ, российская культура» как «стержень, скрепляющий ткань этой уникальной цивилизации». Как правильно отметил Анджей де Лазари, президент РФ:

ссылаясь на Ильина и Достоевского, утверждает, что русская идентичность располагает «другим культурным кодом», что «великой миссией русских является единение, связывание цивилизации». Русский язык, культура, «всемирная отзывчивость» (формулировка Достоевского) должны объединить «русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар» и т. д. Не используется при этом прилагательное «российских», что предполагало бы

²³ Ср.: Onyszkiewicz J. Rosja Putina – imperium, które chce być cywilizacją. Rzeczpospolita. 01 02 2015.см.: URL: <http://www.rp.pl/arttykul/1176034.html?p=2> (дата обращения: 25.09.2015).

их «гражданство», а «русских» – что определяет этническую принадлежность (россиянин – это гражданин РФ, русский – это этнический русский)».

Так сформулированные взгляды, которые вскоре должны были приобрести значимость государственной догмы, выстраивающие новую ипостась российского политического мессианства, великолепно вписывались в ностальгические настроения существенной части общественности, не говоря уже об открыто националистских силах²⁴.

В борьбе за властвование над душами и взглядами своих граждан власти Российской Федерации проводят, впрочем, почти параллельно, многоэтапное наступление: особая пропагандистская роль предусмотрена тут для празднующихся с огромным размахом очередных годовщин. Так, 2012 год был объявлен Годом Российской Истории, объединяя празднование 1150-летия российской государственности (летописные сведения говорят о прибытии легендарного Рюрика в 867 году), 200-летия победы над Наполеоном I, а также 400-летия освобождения Москвы от поляков. Существенным событием празднования было создание *«Российского исторического общества»*, апеллирующего к прекрасным традициям дореволюционного *«Императорского Русского исторического общества»*. Возглавил «Российское историческое общество» тогдашний спикер Государственной Думы РФ – Сергей Нарышкин. Вскоре оказалось, что одной

²⁴ Lazari A. de. Rosyjska idea po Putinowsku. // URL: <http://liberte.pl/idea-rosyjska-putinowsku/> (дата обращения: 01.04.2014). Полный текст выступления Путина в публикации «Независимой газеты» от 23.01.2012 см.: URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 25.09.2015).

из основных задач названной организации стала разработка единого учебника истории, предназначенного для российских школ. Идею такого учебника первым предложил президент Путин в ходе заседания Совета по международным отношениям 9 февраля 2013 года, повторяя затем тот же мотив – пожалуй, даже еще более настойчиво – в ходе ежегодной, интерактивной встречи с гражданами по государственным каналам ТВ (*Прямая линия с Владимиром Путиным*) 25 марта 2013 года²⁵.

160 Названная идея вызвала сильные эмоции среди ученых и учителей, указывавших на опасность возврата к «единственному правильному толкованию отечественной истории» советских времен. Затрагивались также чисто научные проблемы такого мероприятия, отсутствие соответствующего программного минимума, поручение подготовки нового учебника организации, находящейся вне подчинения просветительским властям²⁶. Многие указывали также на очевидную опасность, вытекающую именно из различий исторического опыта отдельных народов Российской Федерации, в частности, ордынского ига и завоевания Сибири. В первом случае нынешнее, каноническое, описание нашествия хана Батыя и продолжавшегося несколько столетий порабощения Руси татарами должно было столкнуться с абсолютно

²⁵ См.: Карпюк И. Одна на всех [Электронный ресурс] URL:<http://polit.ru/article/2013/04/24/history/> (дата обращения: 25.09.2015); Ср.: URL.: <http://www.rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html> (дата обращения: 25.09.2015).

²⁶ Взвешенную оценку проблем, вытекающих из этого проекта, предложил выдающийся византинист С. П. Карпов, многолетний декан исторического факультета Московского Государственного Университета имени М. Ломоносова, См. Карпов С. Историческая наука и верификация знаний // Свободная мысль. 2014. № 06 (1648). С. 173-177.

противоположной позицией историков и исследователей из Татарстана, которые до сих пор, пожалуй, подчеркивали пагубные для татарской Казани (и Астрахани) последствия последующих московских завоеваний времен царя Ивана IV Грозного. К эпохе же предыдущей относились очень снисходительно, подчеркивая упомянутое уже сотрудничество Александра Невского с Чингизидами. При таком подходе даже являющееся краеугольным камнем современного российского сознания сражение на Куликовом Поле (1380) приобретало очертания выступления московского великого князя Дмитрия Донского против самозванца Мамаю, то есть в определенной степени в интересах законной ханской династии. Следует добавить что приведенные – достаточно курьезные – выводы подкреплялись давними – довольно сомнительными – построениями Льва Гумилева, который увидел в периоде татарского ига, скорее, время русско-татарского сотрудничества, которое должно было, якобы, спасти Святую Русь от угрозы со стороны латинского Запада. Взгляды Гумилева разделяют в настоящее время многие сторонники не только в самой РФ, но и в соседних странах (например, в Казахстане)²⁷.

Проведенные в рамках разработки единого учебника консультации привели в итоге к некоторой корректировке предыдущей позиции: термин «татаро-монгольское иго» был заменен более нейтральным понятием «ордынское иго»²⁸, что, впрочем, не удовлетворило оппонентов из приволжских

²⁷ Ср.: Беляков С. Гумилёв, сын Гумилёва. Москва, 2013. в разных местах .

²⁸ URL: <http://top.rbs.ru/society/30/10/2013/885859.shtml> (дата обращения: 25.09.2015).

центров (в меньшей степени – сибирских). Не менее сложной проблемой оказался вопрос завоевания Сибири: вопреки ожиданиям существенной части местных элит, в программных положениях речь шла, скорее, о покорение Россией Сибири в смысле мирного освоения, при последовательном избегании каких бы то ни было отсылок к колониальной терминологии. Вскоре, впрочем, дискуссия охватила также местные элиты российской провинции: депутат местной Думы в Нижегородской области, учитель истории Игорь Богданов не только подверг резкой критике саму идею единого учебника, но и заявил проект противоположного характера: предложил разработку отдельных учебников для каждого субъекта Российской Федерации, в которых была бы учтена местная специфика²⁹. Таким образом, оказалось, что преградой для официального патриотизма становятся местные сепаратизмы, столь охотно квалифицированные как «малые национализмы».

Окончательный провал названной идеи произошел в результате просмотра подготовленной Российским историческим обществом предварительной документации учебника: эксперты Государственной Думы не оставили от него камня на камне, вплоть до обвинения в неудачном плагиате (июль 2013)³⁰. Очутившись в положении между Сциллой всеобщей критики (высказываемой, в частности, многими представителями собственного интеллектуального тыла)

²⁹ URL: <http://www.nta-nn.ru/news/item/?ID=239731> (дата обращения: 25.09.2015).

³⁰ См.: Известия. 2013. 11 июля. URL: <http://izvestia.ru/news/553446> (дата обращения: 25.09.2015).

и Харибдой невозможности подготовить единый учебник для столь сильно дифференцированного с точки зрения исторической традиции общества, власти отказались от идеи в ее первоначальном виде. Министерство образования и науки РФ заявило 27 августа 2014 года о замене запланированного учебника «единым историко-культурным стандартом», то есть – программным минимумом³¹. Покровительствующее же неудачному проекту Российское историческое общество сочло правильным выразительно подчеркнуть устами своего председателя уважение к суверенитету ученых и желание поддержать их усилия³².

Полученный в ходе дискуссии по поводу учебника урок не прошел даром: в формировании сильно пропитанной национализмом официальной версии истории значительная роль была отведена организации конкурирующей с РИО, а именно Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество», созданной Министром культуры РФ Владимиром Мединским (2012)³³.

В отличие от деятельности РИО, объединяющего многих серьезных историков, архивистов и издателей источников, на которое отчасти накладывала определенные обязательства достойная история дореволюционного предшественника, очередное общество поле для своей деятельности усматривало не в научных проектах, а в по мере возможности –

³¹ URL: <https://news.mail.ru/politics/19330805/> (дата обращения: 25.09.2015).

³² Выступление Сергея Нарышкина от 19.05.2014, см.: URL: <http://www.pnp.ru/news/detail/61211> (дата обращения: 25.09.2015).

³³ О целях и деятельности РВИО см.: histrf.ru/rvio (дата обращения: 25.09.2015).

в широкой общественной активности как в столичных и провинциальных центрах страны, так и за рубежом. Визитной карточкой РВИО, актив которого составляют в значительной части военные историки (либо вообще историки в пагонах), а идеологический тыл – политики, имеющие четкие националистические убеждения (председатель Попечительского совета РВИО – заместитель председателя правительства Российской Федерации Дмитрий Рагозин, а научного совета – тогдашний председатель Центральной избирательной комиссии Владимир Чуров, член ЛДПР), являются всякого рода торжества по поводу годовщин, массовые мероприятия и многочисленные инициативы воздвижения различных памятников. Анализ программных документов, а также выполненной на сегодняшний день – кстати говоря, воистину гигантской – работы, приводит к выводам абсолютно очевидным: путем прославления реальных и мнимых достижений российского оружия Общество популяризирует отечественную историю не только в милитаристском, но и часто также в шовинистическом духе. Среди его важнейших и, одновременно, наиболее впечатляющих мероприятий следует назвать воздвижение целого ряда памятников, посвященных практически полностью забытой в российском обществе I мировой войне (в течение всего периода существования СССР эту войну называли «империалистической» и противопоставляли Октябрьской Революции, в настоящее же время ее называют даже «Великой Отечественной Войной 1914-1917 годов»), поражение в которой толкуют как результат

предательства неблагодарного Запада и происков вражеских агентов. Эта риторика апеллирует также к столь же привлекательному в общественном восприятии, сколь и не имеющему никакого исторического обоснования мифу «украденной победы»³⁴. Коварство Запада должен также демонстрировать памятник участникам победного для российских войск сражения при Гумбиннене (сегодня Гусев, Калининградской области) известного скульптора, некогда диссидента, Михаила Шемякина, открытый 24 августа 2014 года³⁵. Ультра патриотическая риторика умалчивает, однако, об одном существенном обстоятельстве: победное сражение 20 августа 1914 года оказалось всего лишь прелюдией полного поражения российских войск в так называемой Восточно-Прусской операции, завершившейся разгромом на мазурских болотах армий Ренненкампфа и Самсонова.

К числу наиболее экзотических замыслов Общества относится продвижение и воздвижение за пределами страны памятников в честь так называемого заграничного похода российской армии в 1813-1814 гг., воспринимающегося как помощь, оказанная Европе (в том числе также Франции), поработенной Наполеоном I Бонапартом (в частности,

³⁴ Похожее толкование прослеживается также в выступлении президента Путина на торжественном открытии памятника Героям Великой Войны на Поклонной Горе в Москве 1 августа 2014 года: «Россия выполнила свой союзнический долг. Её наступления в Пруссии и в Галиции сорвали планы противника, позволили союзникам удержать фронт и защитить Париж, заставили врага бросить на восток, где отчаянно бились русские полки, значительную часть своих сил. Россия смогла сдержать этот натиск, а затем перейти в наступление. И весь мир услышал о легендарном Брусиловском прорыве. Однако эта победа была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы». См.: URL: <http://jasonbourn.livejournal.com/635105.html> (дата обращения: 25.09.2015).

³⁵ Ср.: URL: <https://gov39.ru/news/101/74769/> (дата обращения: 25.09.2015).

памятники в Реймсе и Фер-Шампенуазе). Немного иначе выглядит конфронтация в области памятников с Польшей: как представляется, польское общественное мнение не обратило должного внимания на своеобразную генеральную репетицию очень на шумевшей в российских СМИ инициативы министра Мединского установить в Кракове на Раковицком Кладбище памятник в честь красноармейцев, скончавшихся в польском плену в 1919–1921 годах. Имеем здесь в виду факт, что 14 декабря 2013 года в местности Гагарин (ранее Гжатск) в смоленской области, на территории которой расположен Катинский мемориал, по инициативе Общества был установлен памятник российским пленным, якобы массово расстрелянным там в декабре 1812 года польскими солдатами отступающей Великой армии³⁶.

Деятельность Общества, очень активного в провинции и среди молодежи (множество летних лагерей, деятельность реконструкторских групп), несомненно, способствует развитию не столько патриотических, сколько шовинистических и националистических позиций, поощрению ксенофобии и теории заговора в истории. Нет сомнений, что в настоящее время общественное воздействие деятельности этой организации, которую активно поддерживают Министр Обороны РФ Сергей Шойгу, а также приближенные к Кремлю олигархи Владимир Якунин и Виктор Вексельберг, достаточно существенно, в отличие от влияния «кабинетного» Российского Исторического Общества.

³⁶ Ср.: URL: <http://histrf.ru/ru/rvio/activities/news/item-304> (дата обращения: 25.09.2015).

Наконец, невозможно не сказать о широкомасштабной деятельности созданного в 2007 году Фонда «Русский Мир». Эта организация, продвигающая развитие русского языка и культуры за пределами РФ, особенно активно функционирует в тех странах, в которых проживает достаточно многочисленная российская диаспора (то есть в основном в странах бывшего Советского Союза), но ее деятельность заметна также и в Польше (в частности, в Ягеллонском Университете в Кракове)³⁷. Уставная цель продвижения русского языка и культуры в данном конкретном случае дополнена кампанией по созданию российской ирреденты либо укреплению русофильских кругов.

Особое место в российской исторической политике последних лет занимает созданная президентом Дмитрием Медведевым «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», работавшая в 2009–2012 гг. Эта Комиссия, состоящая, в основном, из дилетантов и активных политиков, натолкнулась на достаточно широкую критику со стороны разнообразных политических сил, не оправдала возлагавшиеся на нее надежды и была окончательно распущена президентским указом от 14 февраля 2012 года, который одновременно передавал часть ее компетенции Организационному комитету Года российской истории³⁸.

³⁷ Ср.: URL: <http://www.russkiymir.ru/> (дата обращения: 25.09.2015).

³⁸ Указ президента возлагал на названный Комитет, в частности, обязанность «противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым с целью нанесения ущерба интересам России». См.: URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/252927> (дата обращения: 25.09.2015). Ср. также: URL: <http://polit.ru/article/2009/05/19/>

Обращение к популярному видению истории, продвигаемому официальными СМИ и Российским военно-историческим обществом, вовсе не означает, что не предпринимались попытки использовать для нужд образовательной политики многие другие организации. На фоне новейших событий следует упомянуть о поставленной перед средой историков, сосредоточенных вокруг элитного Института российской истории РАН, особой задачи: быстро разработать две коллективные монографии, подтверждающие неотъемлемость и исторический характер российских прав на Крым и Новороссию, что по очевидным причинам вызвало молниеносную критику со стороны украинских историков и публицистов³⁹. Существенным новшеством является также попытка завладеть душами множества молодых академических исследователей, чему четким доказательством была встреча Путина с «молодыми историками» (Москва, 05.11.2014)⁴⁰. Проявившийся в ходе дискуссии по единому учебнику относительный – добавим, достаточно неожиданный для властей! – суверенитет взглядов значительной части старшего и среднего поколений историков

history/ (дата обращения: 25.09.2015). О разногласиях в оценке реальных достижений Комиссии см.: Кантор Ю. Без фальсификаций, «историческая» комиссия при президенте распущена // Московские новости. 2012. 19 марта. [Электронный ресурс] URL: http://www.mn.ru/society_history/20120319/313741427.html (дата обращения: 25.09.2015).

³⁹ См.: URL: <http://rus-istoria.ru/library/text/item/1179-krym-i-novorossiya-akademicheskaya-istoriya>; <http://www.nakanune.ru/news/2014/7/14/22360661> (дата обращения: 25.09.2015). См.: URL: <http://vsiknygy.net.ua/news/37003/> (дата обращения: 25.09.2015). См. также: Rosyjska Akademia Nauk wyda historię Noworosji. „Najpierw wymyślili państwo, teraz jego historię” // Gazeta Wyborcza. 26 08 2014.

⁴⁰ Морозов К. Встреча президента с молодыми историками: взгляд со стороны // Гефтер. 2014. 7 ноября. [Электронный ресурс] URL: <http://gefeter.ru/archive/13454> (дата обращения: 25.09.2015).

как академических, так и публицистов, а также учителей истории привел к тому, что в фокусе заинтересованности правительственных кругов оказалась самая молодая, то есть, по определению, самая слабая часть среды, а также студенты. Проявлением такого типа деятельности и, одновременно, доказательством избранных властями тенденций является, хотя бы, активность продвигаемого Кремлем публициста Николая Старикова, открытого националиста, отличающегося при этом стихийной англофобией (в частности, автора популярного в шовинистических кругах мнения, что «уничтожение Российской империи – это самая удачная операция британской разведки за всю ее историю»), вменяющего англичанам, что это они привели к вспышке Октябрьской Революции и обвиняющего «западные службы» в отравлении Сталина⁴¹. Добавим, что недавняя лекция Старикова в московском Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) закончилась громким скандалом, ввиду стихийных протестов академической общественности⁴².

Бесцеремонные попытки подрисовать историю во имя пропагандистского успеха, а также вызвать сильные националистические настроения проявились очень четко в связи

⁴¹ Стариков Н. Кто добил Россию? Мифы и правда о Гражданской войне. М., 2006. в разных местах. Лженаучные утверждения Старикова неоднократно наталкивались на уничтожительную критику специалистов. См.: Водченко Р. Мещанин во писательстве. URL: <http://saint-juste.narod.ru/Starikov.html> (дата обращения: 25.09.2015).

⁴² Чрезвычайно субъективную позицию самого Старикова (См.: URL: <http://nstarikov.ru/blog/51671>) достаточно просто можно проверить на основании записи фрагментов всего события, доступной на YouTube. См.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Kz2Qs7y-aw> (дата обращения: 25.09.2015).

с украинским кризисом. Упорно обращавшаяся некогда к русскому единству «общинная» риторика превратилась в язык конфронтации, о чем зачастую свидетельствует отказ украинцам в праве на самосознание, обвинения их в болезненной русофобии, которая якобы является главным связующим украинской национальной доктрины⁴³. Очередным шагом была достаточно распространенная тенденция заменять понятия «Украина» и «Украинцы» пришедшими из царских времен понятиями «Малороссия/Малорусия» и «Малорусы» (кстати, апеллирующим к этим понятиям, заимствованным из средневековой византийской терминологии, недостает необходимой исторической рефлексии или даже базовых знаний, ибо греческое *Rhosia Mikra* обозначало исключительно территории Юго-Западной Руси, находящихся под властью галицко-волынской династии Романовичей). Таким образом, соседняя нация была сведена до уровня народности с несформировавшимся самоопределением, язык – до уровня диалекта русского языка, а его государственные стремления представляли в карикатурном варианте. Тем не менее, параллельно были предприняты пропагандистские действия, имеющие значительно более существенное значение и, наверняка, несравнимо далее идущие последствия: были использованы

⁴³ См.: Неменский О. Б. «Чтобы быть Руси без Руси»: Украинство как национальный проект // Вопросы национализма. 2011. № 1 (5); Ср.: Idem. Русофобия, залог украинской государственности // Информационное агентство Новороссия [Электронный ресурс] URL: <http://novorossia.su/ru/node/10469> (дата обращения: 25.09.2015); Его же. Модели южнорусской идентичности на Украине. Вопросы национализма. 2014. № 18. [Электронный ресурс] URL: http://www.academia.edu/10370812/Вопросы_национализма_Номер_18_2014_год (дата обращения: 25.09.2015).

проверенные понятийные клише, представляющие противника как воплощение зла. Существенное значение здесь имеет повсеместно применяющаяся в российских СМИ практика последовательного клеймения всех противников российского насилия по отношению к Украине «фашистами» и «бандеровцами» (следует обратить внимание, что – особенно первое из этих определений – в русскоязычной среде имеет несколько иную – значительно более объемную! – семантику, нежели в других европейских языках)⁴⁴. В погоне за пропагандистским успехом в среде ультра националистских СМИ появилась даже курьезная формулировка: «жидо-бандеровцы». Достаточно простой и безболезненный переход от общинной риторики к концерту национальной ненависти не является результатом случайности: этот процесс был запущен уже раньше как противоядие по отношению к росту украинских национальных стремлений после победы Оранжевой Революции. Ведущим выразителем этих идей, до времени скрывааемых в тени официально провозглашаемой дружбы и сотрудничества, стал Александр Дюков – директор Фонда «*Историческая память*», автор многих выставочных и издательских проектов, направленных на противопоставление героического прошлого России и ее заслуг для победы над гитлеризмом коллаборационистской позиции украинцев и граждан балтийских стран. Существенной частью активности Дюкова

⁴⁴ Обозначенную ситуацию хорошо иллюстрирует пример, приведенный Андреем Илларионовым, вызвавший стихийную дискуссию в Интернете. См.: URL: <http://aillarionov.livejournal.com/688624.html> (дата обращения: 25.09.2015).

в 2008-2011 гг. были также публикации, направленные на минимизацию все острее поднимаемого украинской стороной вопроса Голодомора⁴⁵. Украинские мотивы были, впрочем, использованы также в польском контексте путем попыток противопоставить Волынскую резню Катынскому расстрелу (польскую сторону обвиняли при этом в применении двойных стандартов по отношению к соседям). Державшийся, в некоторой степени, в резерве при президенте Викторе Ющенко и спрятанный на задний план в период правления Виктора Януковича мотив сотрудничества с гитлеровцами Степана Бандеры и преступлений УПА, как правило, представлявшийся в очень сильно упрощенном виде, проявился в полной мере во время российского пропагандистского наступления в 2013-2014 гг. Массированный характер предпринятых тогда в СМИ мер привел моментально к четко заметному в социальных сетях интернета росту антиукраинских настроений в России, направленных также против собственных сограждан украинского происхождения. Косвенным образом этому способствовала подготовка к очередной круглой годовщине завершения Второй мировой войны, которая, впрочем, со временем приобрела облик борьбы за память (вопреки официальным заверениям российских властей победа многонационального СССР становится на практике исключительной собственностью Российской Федерации). Следует, впрочем, согласиться с очень правильным диагнозом Тимоти

⁴⁵ Ср. Касьянов Г., Миллер А. Россия-Украина: как пишется история. Диалоги – лекции – статьи. М., 2011. С. 28-31, 131-137.

Снайдера, что в лице современной российской идеологии рождается явление «мартиронологического империализма», воспринимающего свои агрессивные деяния с позиции мнимой жертвы⁴⁶. Влияние такого типа пропагандистских мер, обращающихся одновременно к разным уровням школьного образования, оказало влияние на рост ксенофобских и националистических настроений. Тем не менее, представляется, что одна из самых существенных слабостей нового «пан-российского» мифа состоит в его великорусском, по сути дела, стержне: несмотря на заверения о равных правах всех наций, население, особенно отдаленных регионов, с более сложной этнической структурой, сохраняет по отношению к продвигаемой идеи «цивилизационного отличия» России и ее исторической миссии значительную отстраненность.

Представляется также, что, несмотря на усилия, предпринимаемые государственными властями и подчиненными им СМИ, нынешняя действительность воспринимается как более сложная, чем это предполагалось. Нарастающее давление государственной идеологии на науку привело к возникновению сопротивления значительной части исторических сред: противоядием от деятельности обоих упомянутых «лицензированных» Исторических Обществ было признано создание под покровительством оппозиционного Комитета гражданских инициатив – организации строго общественной – Вольного исторического общества

⁴⁶ Ср.: Snyder T., Kosiewski P. Rosyjskie manipulacje historią // Tygodnik Powszechny. 08 05 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.tygodnikpowszechny.pl/rosyjskie-manipulacje-historia-28001> (дата обращения: 25.09.2015).

(март, 2014). Одной из основных целей этого общества является борьба с шовинистическими и националистическими позициями⁴⁷. Наиболее существенная слабость этой, в общем, достаточно успешно развивающейся организации состоит в ее крупногородском (столичном!) характере, который в итоге приводит к минимальному влиянию на уровень исторических знаний жителей провинции.

⁴⁷ См.: Официальный сайт Вольного исторического общества. URL: <http://komitetgi.ru/projects/1316/>; Ср.: <http://www.ej.ru/?a=note&id=24577> (дата обращения: 25.09.2015).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Свою статью я хочу начать, оттолкнувшись от важного замечания Алексея Миллера, что в дискуссиях о репрессиях в советское время очень часто сосредотачивались на проблеме жертв, забывая о проблеме палачей. Это правда. Это, действительно, часто происходило, и надо отметить, что власть этому всячески способствовала, прежде всего, потому, что тема палачей сразу же выходила на проблемы ответственности власти за преступления и проблему ответственности власти.

В общем, власть на протяжении многих десятилетий уклонялась и уваливала от ответов на целый комплекс проблем и вопросов, крайне для нее болезненных, и если давала какие-то варианты ответов, как это было на XX съезде КПСС в 1956 году, то это была полуправда. Тем не менее, проблема палачей позже все-таки была представлена в общественном дискурсе и для общества «Мемориал» это вполне востребованная и исследуемая тема. Есть соответствующая программа Никиты Петрова, масса его

статей и два биографических справочника «Кто руководил НКВД?»¹ весьма серьезного научного уровня. Так что эта работа ведется.

Но, на мой взгляд, важнее, что забывается еще одна сторона, еще одна проблема. Если смотреть с точки зрения субъектно-объектных отношений на дихотомию жертвы-палачи, то получается, что государство присваивает себе роль субъекта, а общество и различные его страты выступают в качестве объекта для его террористических упражнений.

Это поддерживает крайне вредный миф о весьма покорном российском обществе, миф о русском народе как извечном рабе и сопротивление власти со стороны самых различных классов, самых различных групп – социальных, профессиональных, самых различных партий и т. д., сторона, которая являлась самостоятельным субъектом сопротивления большевистскому режиму с самого начала, с 25 октября 1917 года, выпадает из поля зрения современного общества.

Это очень неправильно, потому что из общественного пространства, из общественного дискурса теряется граждански и политически активная часть общества, в том числе и политические элиты, как дореволюционные политические элиты, так и новые, формирующиеся из представителей социалистических партий (которые очень сильно были развиты в России – вполне на европейском уровне),

¹ См.: Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941: Справочник. М., 1999; Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954: Справочник. М., 2010.

из представителей советского и профсоюзного движения (но часто вполне антибольшевистски настроенные).

Почему произошла эта потеря в общественном сознании целого кластера различных сил, слоев и институций, сопротивлявшихся большевизму? В немалой степени потому, что в советское время они были заклеены, тема табуирована и даже упоминание их в положительном контексте могло привести для человека к очень серьезным последствиям. Память о них запрещали, память о них подменяли мифами и стереотипами, память о них стирали, и, нужно сказать, добились определенных успехов! И вот теперь память о них нужно восстанавливать, а саму потерю обществом целого субъекта сопротивления большевизму необходимо преодолеть.

Как далеко всё зашло, видно на следующем примере: когда несколько лет назад «РОССПЭН», «Мемориал» и Фонд Б. Н. Ельцина начали проводить серию конференций под общим названием «История сталинизма», на первой конференции были представлены исключительно только жертвы и палачи. Позже удалось убедить в важности темы сопротивления как отдельного субъекта и актора, помимо жертв и палачей, и уже на второй конференции, проходившей осенью 2009 г. в Смоленске², была создана секция «Сопротивление большевистскому режиму», соведущими которой были ваш покорный слуга и Арсений Рогинский.

² См.: История сталинизма: репрессированная провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск. 9-11 октября 2009г. / Под ред. Е. В. Кодина. М., 2011.

Эта же тема сопротивления будет отражена и в проекте мемориализации памяти участников антибольшевистского сопротивления в годы гражданской войны в России, о которой сейчас «Мемориал» и партия «Яблоко» ведут переговоры. В рамках этого проекта планируется поставить памятные доски в местах демонстраций в защиту Учредительного Собрания, которые прошли в Москве, Петрограде и ряде других городов (часть из них была расстреляна красногвардейцами и большевистскими войсками), в память выступлений юнкеров в Петрограде, в память о разогнанном большевиками Учредительном Собрании, в память антибольшевистского эсеровского правительства Самарского Комитета членов Учредительного Собрания, в память о ряде восстаний рабочих в Ижевске и Воткинске, крестьян в Тамбовской губернии и т. д.

Надеюсь, что эта же тема сопротивления будет отражена и в акции «Последний адрес», затеянной «Мемориалом» в сотрудничестве с московским правительством. В ее рамках планируется установка табличек в центре Москвы на домах людей, подвергшихся репрессиям в годы красного террора и сталинских репрессий, на домах, откуда люди ушли в последний раз и не вернулись.

Если говорить о роли истории как науки и историков в процессе самоопределения общества и поиска его самоидентичности, то необходимо отметить, что наше общество сильно атомизировано и сильно сегментировано, что с одной стороны, и есть успешное выполнение одной из задач большевистской «культурной революции». Когда

создавали «единую историческую общность советский народ», то в отрицательной части эту задачу в значительной части выполнили. Были уничтожены все социальные классы, слои, группы, объявленные эксплуататорскими, враждебными и ненужными в новом советском обществе, уничтожены вместе со своими механизмами сохранения и передачи исторической памяти, с их субкультурой, с их поведенческими нормами.

Таким образом, наше общество: и наука, и политика, и вообще все отрасли жизни продолжают переживать глубочайший кризис. Мы болезненно ощущаем, что отрезаны от своих корней, скорее отрублены, причем возникает ощущение, что ноги тоже отрублены. И когда власть сегодня заявляет о своем желании преодолеть эту атомизацию, и консолидировать общество с помощью исторической самоидентичности, то это вроде бы вполне полезная вещь, ибо сколько можно находится обществу в состоянии протрации и раздрая, в ситуации, когда – как шутили когда-то – «У каждого Абрама своя программа!». Конечно, и атомизированность общества велика, и вред от этого немалый, и преодолевать ее, консолидируя общество, вероятно, нужно. Но есть два разных пути решения этой очень непростой задачи.

С одной стороны, тот путь, на который встала сегодня российская власть, ставит историков в полностью зависимое и подчиненное положение, предполагает полную встроенность и зависимость от власти, а роль истории и историков определяет как обслуживание интересов власти

и беспрекословное выполнение тех задач, которые власть перед ними ставит. А задачи эти грандиозные – создание новой ярко выраженной государственнической идеологии. Уже имеющиеся первые опыты поиска самоидентичности и шаги по построению идеологии показывают, что идеология эта будет государственно-державная, а конструкт, который создают, будет сочетать идею преемственности авторитарной царской власти и тоталитарной советской власти через идею сильной государственности и ура-патриотичности.

И совершенно не случайно, что обе эти власти глубоко авторитарны и антидемократичны, хотя советская власть и широко использовала демократические лозунги и симулякры (от Советов как власти трудящихся, до «самой демократичной в мире сталинской конституции»). Конструкция, которую лепят историки по указанию и под надзором властей, получается довольно хитрой³. Центр тяжести в ней в последние годы совершенно очевидно сместился с попыток защиты сталинизма, что видно по выступлениям Путина. Но совершенно очевидно, что хотя Ленина из Мавзолея не выносят, тем не менее, в этом году в Александровском саду снесли стелу Свободы, посвященную социалистическим мыслителям Европы и России, которую в 1918 г. построили,

³ См.: Круглый стол «Историко-культурный стандарт: Отражение освободительного движения и революций, проблемы и парадоксы общественного обсуждения и вопросы к авторам» постоянно действующего семинара «Левые в России: история и современность» (рук. К. Н. Морозов), 4 октября 2013г. в конференц-зале Общества «Мемориал» (Москва) [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7tngw9nO7h0> : <https://www.youtube.com/watch?v=CeFp9xguS10> (дата обращения: 12.08.2016).

используя памятник, поставленный к 300-летию Дома Романовых. На стеле 1918 г. были имена видных мыслителей социализма от Сен-Симона и Фурье до Герцена, Лаврова, Кропоткина и др. Власти, уничтожив стелу 1918 г., заново создали памятник в том виде, в каком он был до революции. Таким образом, на этом примере видно, что процесс сокращения советского (в данном случае, вовсе и не сталинского!) продолжается

Но тут двуединая вещь. С одной стороны, современная авторитарная власть, приватизировавшая все, что было создано полурабским трудом нескольких поколений советских людей, все сильнее и сильнее выводит себя из царской власти и сбрасывает со своего корабля власти совершенно чуждые ей идеи справедливости и равенства и уж тем более социалистические идеи. С другой стороны, так как значительную часть народа (которая уже давным-давно забыла о царях) цари вместе со всей дореволюционной эпохой совершенно не волнуют и «не греют», власть оставляет народу миф о славном, родном советском прошлом, и это время 60-70-х и начала 80-х, действительно, вызывает у миллионов людей ностальгические воспоминания.

Совершенно очевидно, что Единый историко-культурный стандарт создан по воле президента, но все представлено как инициатива историков, которые на встрече с ним высказали пожелание о едином учебнике истории и затем активно работают над его созданием. На деле же мы имеем ситуацию, когда ряд историков работает над созданием нужной власти версии нашей истории. Если судить по

ЕИКС, из нашей истории уже выбросили ряд кусков истории. Сильнее это проявится, когда начнут писать тексты учебников. Насколько я понимаю, верхушка, которая курировала этот процесс, пока не сильно вмешивалась в процесс, потому что этот стандарт – это своего рода краткий перечень того, что должно быть и чего не будет, и судить по нему о качестве учебника крайне трудно. А вот когда пойдет детализация, когда начнут писать тексты учебника, тогда у независимых историков и у общества появится возможность для серьезной критики.

В этой ситуации общественной дезориентации мы должны максимально использовать историю как науку, противостоять навязыванию исторического единообразия и всяческими научными методами критиковать и саму концепцию, и отдельные главы и сюжеты текстов, когда они появятся; должны писать альтернативные главы и разделы учебников и размещать их в Интернете на тех порталах, где они будут доступны и школьникам, и школьным учителям, и вузовским преподавателям⁴. Несколько лет назад ведь это удалось. Удалось торпедировать учебник Филиппова и Данилова. Удалось, конечно, относительно: он был уничтожен в общественном мнении, но он был напечатан и, как

⁴ См.: Морозов К. Н. Введение исторического единомыслия: что это такое и как с этим бороться? // Полит.ру [Электронный ресурс] URL: <http://www.polit.ru/article/2013/09/30/history/> (дата обращения: 12.08.2016); см. также: Морозов К. Н. Историческая реальность или миф: почему власти и общество не хотят знать правду о прошлом // Конференция «Историческое знание как фактор развития», РОПД Яблоко, при участии Сахаровского центра и Общества «Мемориал» [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=RNaimwx_RKk (дата обращения: 12.08.2016).

совершенно справедливо говорили, он «пошел в массы» – пошел в школы.

Но, на мой взгляд, задача честных историков – отмежеваться от того, во что нас втягивают, от дискредитации нас этой фальсифицированной историей. Мы ведь только-только изжили обвинения, что все историки – это историки КПСС, которые вовсе не ученые. И эта опасность снова становится реальной, так же, как становится реальной и дискредитация идеи поиска национальной и исторической самоидентичности.

Мне кажется, что все же при определенных условиях нужен этот поиск, нужна широкая общественная дискуссия такого типа, как были в Германии и в Польше, в которой принимали участие и историки, и политики, и деятели культуры, и в которой была прочувствована и пережита история⁵. А задача как осмысления своей истории, так и противостояния попыткам создать идеологически мотивированную и фальсифицированную версию российской истории – перед нами стоит всерьез. И роль экспертных сообществ историков в решении этих задач будет велика, это касается не только таких уже традиционных, как Общество «Мемориал» и АИРО-XXI⁶, но и тех, которые только создаются.

Я уверен, что мы – независимые историки, планирующие в феврале 2014 г. провести учредительный съезд Вольного исторического общества внесем свой посильный вклад

⁵ См.: Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М, 2012.

⁶ См.: Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России [Электронный ресурс] URL: <http://gefter.ru/archive/11115> (дата обращения: 12.08.2016).

и в решение грандиозной задачи осмысления нашего прошлого, и в не менее важную задачу противостояния введению властью «исторического единомыслия в России», а также будем сопротивляться всякого рода политизированным искажениям и фальсификациям истории, от кого бы они не исходили.

Есть хорошее выражение, что все мы вышли из гоголевской «Шинели», а про постсталинскую Россию можно сказать, что она вышла из сталинской шинели. И мне кажется, что уже давно пора поменять эту военную сталинскую шинель на партикулярное европейское платье.

ПОЛЬША-РОССИЯ: ПОИСКИ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

1.

Вопрос о «поисках новой идентичности» является одним из самых сложных, которые можно задать гуманитарии. Да и не известно, найдет ли он хороший ответ, поскольку коллективная идентичность – национальная, классовая, гендерная, региональная и т. п., – исторически сформирована, и это знание облегчает и одновременно усложняет ответ. Если национальная идентичность процессуально создается людьми в наслаивающихся исторических ситуациях, то она изменчива и динамична, следовательно, подлежит переменам и наверняка ее можно обновлять. Наслаивание этих ситуаций происходит, однако, в течение длительного времени, иногда охватывая всю летописную историю, а может и предысторию, поэтому вес этих культурных и общественных пластов может сковывать. Великий польский ученый, социолог, экономист, этнолог и историк общества Людвик Кшивицкий (1859-1941) весь этот вес исторических пластов называл «историческим грунтом» и считал, что мы живем, «окруженные прошлыми веками

и скованные», а тени «умерших» и оставленные ими иллюзии называл «действительными тиранами». Когда я слышу некоторые современные политические высказывания, или слышу отзвуки популярных исторических реконструкций, во мне растет убеждение, что Кшивицкий был прав – эта тирания продолжается.

Поскольку наша основная проблема касается таких больших сообществ, как нации, следует принять также, что их идентичность не едина, а всегда дифференцирована, по крайней мере, двойственна. Даже в индивидуальной психологии сегодня мы не воспринимаем человеческую личность, как окаменевший «характер» или «темперамент», поэтому мы тем более не можем так поступать в отношении больших групп общества. Кроме того, следует подчеркнуть, что вопрос идентичности касается не всех проявлений коллективной жизни, а тем более индивидуальной, но самого их стержня, ствола или костяка. В разных современных концептуализациях такой стержень определяется как эталон культуры, или ее тип, габитус, пайдея (*habitus, paideia*). Я лично называю его «культурной позицией», что помогает мне понять современную коллективную идентичность как сплетение таких позиций, с их спорами и соперничеством, с борьбой за доминацию. Конечно, бывает так, как мы помним из недавнего прошлого, что идеологизация, оснащенная политическими инструментами, старается принудить к единой идентичности. Но реальные результаты такого принуждения приводят к обратному, и вследствие этого мы получаем идентичность не столько дифференцированную,

сколько разбитую и разрозненную. В какой-то мере мы имеем с этим дело и в Польше, и в России, но определения меры этой разрозненности выходит за рамки моего знания реалий.

2.

Какова она, современная польская идентичность, то есть, с какой польской идентичностью мы сталкиваемся? Среди многих современных факторов разнообразия, а иногда разрозненности, таких как гендерные или миноритарные, выделяются две устойчивые культурные позиции, сформированные в далеком прошлом и составляющие тот «исторический грунт», о котором говорил Людвик Кшивицкий. Обращаясь к доминирующим позициям, мне придется обойти молчанием важные, но второстепенные факторы национальной идентичности – усиливающиеся сейчас региональные факторы (например, в Силезии), связанные с массовыми послевоенными переселениями, или же сохранившиеся после разделов Польши, и все еще ощутимые. Основное и, по моему мнению, первостепенное раздвоение, я для облегчения и упрощения обозначаю упрочившимися терминами истории политических идей: «пястовская идея» и «ягеллонская идея». Обе эти идеи, хотя в своих династических названиях относятся ко всей истории Польши, по сути, возникли в XIX веке, а именно во второй его половине, которая в нашей части Европы была временем созидания современных народов, вместе с их идеологиями.

Эти идеи популяризировались в двадцатом столетии массовыми политическими партиями, а их воздействие, хотя скорее косвенное и разрозненное, ощущается по сей день. Поскольку они связаны с именами двух великих политических лидеров эпохи обретения независимости, Романа Дмовского и Юзефа Пилсудского (оба скончались до начала II мировой войны), иногда раздается призыв к полякам выйти, наконец, из тени этих великих могил. Те, кто так пишет, как правило, не знают, что это говорил Ежи Гедройц, а Юлиуш Мерошевский писал о «реформе ордена польскости». К ним мы еще вернемся, потому что именно они нас из этой тени выводят. Пока еще, и слишком долго, мы держимся в этой тени, хотя вся наша геополитическая ситуация основательно и положительно изменилась.

3.

Конечно, «пястовская Польша» и «ягеллонская Польша» как понятийные кристаллизации являются не эмпирически реальными сущностями, а понятийными идеальными типами, санкционированными в современных политических идеологиях. «Пястовская идея» имела мало общего с исторической действительностью Польши Пястов, так же, как «ягеллонская идея» с действительностью Польши Ягеллонов. При учете необходимых ограничений эти идеальные типы облегчают нам определение сторон, векторов или признаков коллективной идентичности. И, что важно для моего понимания проблематики, помогают нам осознать,

что проблематика коллективной идентичности уходит корнями вглубь времен, по меньшей мере, до источников летописной истории. Хотя активируются в ней и дописьменные времена, как это происходит с оживляемыми в определенных ситуациях племенными мифами или этногенетическими легендами. Годы моей учебы пришились как раз на короткий период польского сталинизма, я хорошо запомнил навязчиво повторяемую легенду о трех славянских братьях: Лехе, Чехе и Русе. Если оставим легенду за скобками, то и так убедимся, что об исторически, а не мифологически понимаемой национальной идентичности в Польше и в России невозможно осмысленно говорить, не начиная с христианизации обоих сообществ, которая произошла в одно и то же время в Средневековье. Христианизация означает не только принятие новой религии, но и влечет за собой также модели государства, власти, письменности, межчеловеческих уз. Невзирая на принципиально христианскую общность, это две разные модели, и различия по ходу истории будут возрастать. Дворянский (шляхетский) принцип единогласия можно признать польским аналогом русской *соборности*. На его почве вырастает, однако, анархическое, индивидуалистическое *liberum veto*, а на базе *соборности* царское патримониальное государство.

4.

«Пястовская Польша» в политической идеологизации девятнадцатого века – это Польша территориально компактная,

«гнездовая», однородная этнически, то есть «чистая», религиозно единая, культурно гомогенная, политически объединенная. Исторически реальная Польша Пястов никогда такой не была, ибо, хоть она выросла из Великой Польши, но присоединила поморские, лужицкие и галицкие земли, объединяла разные племена. В ней жили христиане римского и греческого обряда, евреи и язычники. Культурные различия были близки к племенным, а политическое единство было достигнуто только при последнем из Пястов – Казимире Великом. Но мы здесь не говорим о древней правде истории, а ее современной идеологизации, порожденной под давлением стран, участвовавших в разделах Речи Посполитой, особенно Пруссии и России, которые национальные преследования сочетали с религиозными. Известная и слышимая сегодня особая культурная форма «поляка-католика» была порождена во второй половине девятнадцатого века именно под таким давлением. К ней принадлежат не те поляки, которые являются католиками, а только те, для кого польскость отождествляется с религиозностью. Хотя разделы Польши давно закончились, их эхо по-прежнему звучит.

Идеологизация «пястовской Польши» имеет свои источники не в Польше Пястов, а в последней, «приближающейся к своему закату», фазе шляхетской Речи Посполитой. Господствующий в ней политический шляхетский народ отгородился от остальных жителей, главным образом, крестьян, не только кастовыми сословными барьерами, но также жестокой эксплуатацией, путем второго издания

крепостничества и увеличенной барщины. Символической санкцией этой привилегированной ситуации был сарматский миф, стержнем которого была проторасистская теория «благородной крови». А именно, шляхта должна была происходить из другого, древнего и рыцарского, а значит, и лучшего, племени, нежели все остальные социальные группы. С этой мифологией была связана сословная мегаломания шляхты, ее мессианские склонности, социальный эксклюзивизм и ксенофобия. Эта мифология путем запутанных преобразований, происходивших в девятнадцатом веке, которые я здесь не могу долго обсуждать, трансформировалась в начале двадцатого века в современную этно-националистическую идеологию национал-демократов, лидером которых был Роман Дмовский. Этой кристаллизации польского радикального национализма способствовали усиливающийся национализм соседей, народные стремления к эмансипации, а также господство натуралистическо-эволюционистского «научного мировоззрения», которое «борьбу за существование» делало повсеместным общественным законом. На той пяди земли, которая считалась польской, не было друзей – только враги, поэтому надо было им непрестанно сопротивляться. Сила этого сопротивления помогла выстоять во время войны и оккупации, но в мирные времена усиливала тиранию прошлого.

Этот образец польскости связан также с определенным территориальным представлением, которое является одним из компонентов идентичности. Польша становится в нем «оплотом» то христианства, как это бывало во время

сражений с исламскими татарами и турками, которые считались язычниками; то национальной свободы, как это было в XIX веке по отношению к странам-участницам раздела Польши и их Священному союзу; то независимости, как это было до войны по отношению к нарастающим силам большевизму и гитлеризму; то «Европы» против российской «Евразии», как это может быть сегодня. Видение себя в качестве «оплота», *antemurale christianitatis* не было исключительным свойством поляков, оно было свойственно также испанцам, венграм, хорватам. Но только в Польше оно продержалось столетия конфронтации с исламом и переродилось в своего рода «вращающийся оплот», который враги окружают не только извне, но и изнутри. Это могут быть не только враждебные державы, как Германия или Россия, но и национальные меньшинства, например, евреи, украинцы, литовцы. «Мысли современного поляка» (1902) Романа Дмовского, программный текст этно-национализма, указывают именно на такой «вращающийся оплот». Необходимым атрибутом Польши должна быть ее историческая мощь, а ее может обеспечить только политическая, идейная и религиозная унификация, гарантируемая авторитарной властью. Никому не известен ни день, ни час, в которых скрытые до сих пор угрозы окажутся явными и действенными, например, во время авиакатастрофы.

В какой мере эта давняя модель польскости соответствует новому проекту российской идентичности, который Валерий Тишков назвал «русским», в отличие от конкурирующего с ним «российского», я не могу уточнить, хотя

аналогии здесь видны. «Русский» проект является этноконфессиональным и предусматривает всестороннее, не только политическое, господство над всей многонациональной мозаикой Российской Федерации. «Российский» проект является политическим, положительно оценивает государственное гражданство, а не этническое происхождение, а государственную федерацию идеализирует как «симфонию этносов», что неожиданно приближает нас к «ягеллонской идее» как к понятийной конденсации второй, исторически упроченной модели польской идентичности.

5.

«Ягеллонская Польша» обширна по территории, лучше всего «от моря до моря», полиэтническая, многоконфессиональная, многокультурная, политически демократическая, то есть республиканская («Речь Посполитая»). Так же, как и ранее, мы имеем здесь дело не с действительной исторической сущностью (Польша эпохи Ягеллонов), а с ее идеологизацией. Ягеллонское государство, хоть и стало Речью Посполитой обоих народов, то есть польской и литовской шляхты, но так и не сумело объединить в один политический организм свою огромную территорию, на которой выросла Пруссия и укрепилась Россия. Полиэтнический шляхетский политический народ был полонизирован, поликонфессионализм закончился вместе с изгнанием ариан, политическая демократия была ограничена сословно, если не кастово, а Кресы, бывшие источником постоянной

сентиментализации, подвергались колониальной эксплуатации. Но в современной политической идеологии речь идет о ценностях, а не о реалиях. Если эти ценности добываются из исторической действительности, то исключительно для того, чтобы идеализировать самое лучшее. Так как прославленную религиозную терпимость, которая в насчитывающей сотни лет Речи Посполитой длилась несколько десятков лет.

Польша в «ягеллонской идее» воспринимается как своеобразный исторический «мост» между Европой и Азией или между западным цивилизационным центром и восточными перифериями. Если в «пястовской идее» национальная историческая миссия заключалась в том, чтобы продержаться, то в «ягеллонской идее» самое главное – это эманирование, несение ценностей свободы, республиканских, демократических. В ее современной версии она приобретала форму «прометеизма», т. е. политического проекта, целью которого было освобождение народов, подчиненных Российской империи, и который был связан с именем Юзефа Пилсудского. Двойственность этого прометеизма сегодня известна: с одной стороны, он помогал в усилении тенденций независимости в Литве или Украине, с другой же – пробуждал опасения перед возобновлением польского доминирования. Оценка всего этого проекта и исторической роли Пилсудского выходит за рамки моих намерений, здесь достаточно сказать, что политическая концепция государства сдерживала негативные последствия национального радикализма, а антисемитизм, несмотря на возрастающее давление национал-демократии, не стал

в межвоенной Польше государственной идеологией. В то же время следует признать, что сторонники «ягеллонской идеи» редко понимают чувства тех, к кому обращаются, поскольку воспринимают их как объекты своей миссии. Понимание того, что литовцы ягеллонские времена считают эпохой утраты своего национального облика, как правило, выходит за рамки их способности к эмпатии.

6.

Главным негативным адресатом польской «пястовской» идентичности является Германия – «Десять веков борьбы» – таким было заглавие программной исторической книги, написанной во время II мировой войны. Аналогичным образом главным противником в «ягеллонской» идентичности является Россия, а «москаль» или «большевик» – что, собственно, одно и то же – становится в ней извечным врагом. Так же, как в лозунге «тысяча лет борьбы» замалчиваются сотни лет мира и позитивного взаимодействия, так и в максимизированной конфронтации с Россией пропускается то, что у нас не было непосредственной границы, а соперничали мы за господство над Литвой, Белоруссией и Украиной. И борьба с немцами, и колониальное соперничество с Россией канули в прошлое, поэтому оба эти образца польской идентичности уже должны быть преобразованы. Но сила их воздействия была усугублена совсем недавними событиями, а в долгой исторической перспективе, почти современными.

Как известно, после 1945 года, в результате решений, принятых сверхдержавами в Ялте и Потсдаме, Польша действительно очутилась в границах, близких к государству Пястов, а «пястовская идея» своеобразно возродилась в ней. Опыт войны и оккупации был разрушительным, послевоенная Польша оказалась государством почти однородным этнически, ненадежные западные границы оживляли призраки генетически враждебной Германии. Зависимость от Советского Союза, который гарантировал эти границы, санкционировалась не только «интернационалистическим» советским марксизмом, но и «контрабандой» своеобразного панславизма. Исторический парадокс заключался в том, что правящие коммунисты были вынуждены в этой геополитической ситуации перенимать идейное наследие националистов, чтобы быть приемлемыми для народа. Можно сказать, что это наследие оказалось их хитом Деяниры, хотя Гераклами они не были. После 1989 года никто так не бросался лозунгом декоммунизации, как националисты.

В свою очередь, конфронтационное по отношению к России звучание «ягеллонской идеи» неизбежно связано с тем, что она «заслоняет» территории, расположенные между этнической Россией и этнической Польшей, и не считает проживающие там народы историческими субъектами. В радикальных версиях, как с российской, так и с польской стороны, эти общности не признаются действительно отдельными народами. Голоса сторонников «Малороссии», как братской Украины, временно оторванной от родины-матери, начали звучать в современной

России; в довоенной Польше украинцев называли русинами, чтобы свести их к этническому меньшинству. В языковом плане такой навывк «приуменьшения», если не аннигиляции, упрочили также историки. Польские ученые в течение долгих лет использовали для этих земель термин «отнятые земли», так, как будто их единственной исторической чертой была принадлежность к Речи Посполитой перед ее разделами. Российские ученые, в свою очередь, традиционно и правомерно называли царские завоевания «западными губерниями», как будто они были только провинциями империи. Если в Польше реальное признание политической субъектности Литвы, Белоруссии и Украины упрочено на государственном и общественном уровне, то в России остается скорее формальным. Взаимное культурное признание является более сложным и длительным, так что нам предстоит огромный труд.

В оба этих псевдоисторических термина вписан конфликт, то есть взаимоисключающая эмоционально-идейная база, которая постоянно чувствуется в наших взаимоотношениях. Конечно, современная история с ее великими драмами (две мировые войны и польско-большевистская война, оккупационные репрессии, последствия сталинского террора) внесла свой собственный вклад в эти отношения, с которым нам долго еще придется сталкиваться. Но я уверен, что если бы не тот «извечный» грунт, отношение даже к преступным узлам этой истории было бы более трезвым и предметным, а путь к примирению – более легким. В действительности, мы живем в совершенно ином мире, но

идеологически или символически кажется, что мы продолжаем вести бой с Россией об иллюзорных «отнятых землях». Современный вращающийся оплот может, конечно, поворачиваться в любую сторону, его поборники сегодня обращаются, главным образом, против России, которая побуждает их не только манипулированием смоленской катастрофой, но и сказочными торжествами по поводу давно минувшей годовщины изгнания поляков из Кремля. Наши «оплотчики» о Германии также не забывают, о чем свидетельствует концепт «российско-германского кондоминиума», как повторяет один из политических лидеров правого толка – Гжегож Браун.

7.

«В нас и вокруг нас изменяется почти все – экономический строй, политическая система, структура общества и коммуникация. Изменились отношения со всеми нашими соседями, поскольку и сами соседи изменились – обрели независимость (как Литва, Украина, Белоруссия), объединились (как Германия), разделились (как Чехия и Словакия) или стали федерацией (как Россия)». Я написал это более десяти лет назад и сегодня повторяю в более совершенном виде¹. Особенность этой перемены, довольно экстраординарной не только в нашей, но и во всеобщей истории,

¹ См. Mencwel A. „Pomost” i „przedmurze”. Dylemat polskiej tożsamości historycznej // Idem. Wyobrażenia antropologiczne. Próby i studia. Warszawa, 2006. С. 213-235. Первая версия этого текста датируется 2001 г. Здесь я развиваю и дополняю содержащиеся там размышления.

заключается в том, что мы сменили всех соседей, не изменяя своего территориального положения. Вдобавок это была очень благоприятная замена – ни одно из государств не оспаривает нашей независимости и границ, все соседи изъявляют желание дружеских отношений, и большинство из них их реализует. Если взглянуть на эту ситуацию с соответствующей исторической дистанции, надо беспристрастно признать, что никогда еще в нашей истории дела не обстояли так благополучно. Помня о довоенной Польше, на которую напали обе соседние державы, которая была рассорена с другими соседями, надо подчеркнуть, что до «осени народов» 1989 года «дружба» с Советским Союзом и Чехословакией была навязана, а до 1991 года не было уверенности в стабильности западной границы, так как она не была подтверждена Германией.

Если кого-то окружают новые соседи, он сам тоже должен обновиться. Дело только в том, чтобы это обновление не было вынужденным, а он сам не стал его предметом под давлением. Надо сказать открыто и с некоторой гордостью, что к этой великой исторической перемене мы были интеллектуально и морально подготовлены, и поэтому – как народ и государство – оказались ее субъектом. Свидетельствует об этом не только Круглый Стол, как символ мирного решения массового общественного конфликта, но и символическая и одновременно реалистическая программа примирения со всеми соседями. Польша восстановила и упрочила свою независимость путем не восстания, а переговоров, не предъявляла никаких территориальных

притязаний, признавала право Германии на объединение, а Литвы, Белоруссии и Украины – на государственную независимость. Оглядываясь вспять на идейное наследие польской исторической идентичности, я хочу сказать, что к такой исторической зрелости нас не могла подготовить ни «пястовская идея», ни «ягеллонская идея». Сторонники первой из них любое укрепление Германии сочтут опасным, сторонники же второй предпочитают видеть наших восточных соседей, если не подчиненными Польше, то хотя бы вошедшими в состав федерации. Короче говоря – к этой великой исторической перемене нас подготовило настоящее, а не прошлое.

200

Именно в наше время, то есть в середине XX века, была сформулирована и разработана, не только политически, но и культурно, новая идея польской исторической идентичности, которая получила название «идея УЛБ». Она была создана в эмигрантских интеллектуальных кругах парижской «Культуры», политическим лидером которых был Ежи Гедройц, ведущим политическим публицистом Юлиуш Мерошевски, а литературными выразителями Чеслав Милош, Витольд Гомбрович, Ежи Стемповски, Юзеф Чапски, Станислав Винценц, Константин Еленски и другие писатели, историки, публицисты, объединившиеся вокруг Литературного института². Эти три инициала, вписанные в название идеи, означают Литву, Белоруссию и Украину. Они символизируют признание права на неза-

² Более обширно я пишу об этом в книге: *Mencwel A. Rodzinna Europa po raz pierwszy. Kraków, 2009. Особенно в заглавном вступительном эссе, С. 7-26.*

висимость этих трех наших соседей, объявленное в апогее холодной войны и сталинизма, а также исторической субъектности этих народов. Это была декларация, обращенная не только против империльной доминации тогдашнего Советского Союза, но также против легитимизма польских эмигрантских властей, которые не признавали послевоенных территориальных изменений. Свободное, не вынужденное, признание новых границ было не только проявлением огромной политической смелости, но оказалось также преддверием почти полувековой работы над реальной ментальной и культурной переменой традиционного польского отношения к этим государствам и народам. Демократическая оппозиция в Польше также участвовала в этой перемене, а «Солидарность» сделала ее основой своей программы. В годы исторического перелома это принесло плоды в виде дружественной позиции по отношению ко всем нашим соседям, равно как Германии и России. Конечно, стоит вернуться к уже процитированной вначале идее Людвика Кшивицкого: духи умерших польских идей все еще появляются, и иногда мы снова оказываемся в тени двух великих могил. Но в действительности наше настоящее и будущее основывается на новых идейных позициях, составляющих кузницу новой идентичности. Не мне судить, происходит ли аналогичная перемена в России, но могу заверить, что «идея УЛБ» укреплялась и укрепляется сейчас стремлением к настоящему примирению и дружбе с великим российским соседом.

Часть III

**РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ,
ЭТНОЦЕНТРИЗМ,
НАЦИОНАЛИЗМ**

«ПОЛЕЗНЫЕ ПРЕДКИ»: ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЭТНОЦЕНТРИЗМ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Интеллигенция – это слабо консолидированная социально-профессиональная группа, далекая от часто приписываемого ей единства. Она сильно сегментирована и в ней ярче, чем во многих других социальных группах, проявляется тенденция к индивидуализму. Именно поэтому вариативность социально-политических установок в ней много выше, чем в других социальных группах. Но при этом интеллигенция нередко берет на себя право говорить от имени народа, полагая, что хорошо знает его мысли и чаяния. На самом же деле речь при этом идет о том образе народа, который она для себя конструирует и который не всегда соответствует действительности. Такое «народничество», исходящее из романтизации народа, далеко не всегда достигает цели. Это – во-первых. Во-вторых, различные группы интеллигенции придерживаются очень разных взглядов, в том числе, политических, но каждая считает, что именно она адекватно представляет глас народа. Например, в России во время президентской кампании 2012 г. видных

представителей интеллигенции можно было встретить как на оппозиционных митингах на Болотной площади, так и среди сторонников Владимира Путина на Поклонной горе. А в середине ноября 2013 г. разделились и писатели – одни пошли на встречу с Путиным, другие – нет.

В-третьих, взгляды интеллигенции не отличаются постоянством. Бывшие демократы могут со временем стать державниками (от М. Каткова до А. Панарина), а бывшие защитники империи – сторонниками идеи сепаратизма. Так, бывшие державники А. Широпаев и И. Лазаренко сегодня возглавляют, так называемый, «славянский сепаратизм», стоящий за разделение России на отдельные русские республики¹.

206

Происходят и эпохальные изменения. Если в 1913 г. многие видные представители русской интеллигенции вступились за М. Бейлиса и сыграли важную роль в вынесении ему оправдательного приговора, то сто лет спустя такое трудно себе представить. Если 9 ноября 2013 г. немцы с чувством вины отметили скорбную годовщину Хрустальной ночи, то никаких массовых мероприятий в Москве в связи с годовщиной процесса Бейлиса не было. Если в Греции совершенные неонацистами убийства мигранта в январе 2013 г. и антифашиста в сентябре 2013 г. привели к массовым демонстрациям протеста против праворадикального экстремизма, то в России начала XXI века ежегодные убийства десятков мигрантов и антифашистов скинхедами никаких массовых протестов не вызывали. Зато редкие убийства

¹ Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М., 2012. С. 148-149, 166.

русских парней мигрантами на бытовой почве приводили к народным волнениям и погромам. Это подпитывается ведущейся государством многолетней кампанией против «этнической преступности», в которой активно участвует интеллигенция, включая некоторых ученых (конфликтологов, юристов)².

Наконец, в-четвертых, участвуя в политической деятельности, некоторые представители интеллигенции преследуют чисто корпоративные интересы. Так, во время последней президентской кампании ряд известных театральных деятелей согласились стать доверенными лицами Путина, надеясь, тем самым, помочь своим театрам, а известный врач согласился на это, рассчитывая улучшить ситуацию в медицине. Насколько мне известно, представителей научного сообщества там почти не было (из известных людей был ректор МГУ Садовничий). Но ученые пытаются отстаивать интересы «народа» иным способом.

Если мы говорим об ответственности ученых, то надо иметь в виду не только «государство» и «народ», но и науку, перед которой ученые также несут ответственность. Речь идет о следовании научной методологии и опоре на научно выверенные факты, что, как это нередко бывает, идет вразрез с запросами политической идеологии. Это иной раз ставит ученого в очень сложное положение. Приходится делать

² Шнирельман В. А. СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия // Язык вражды против общества / Под ред. А. М. Верховского. М., 2007. С. 107-149; Его же. «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма: в 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 109-142; Его же. Россия: СМИ, «этническая преступность» и культурный расизм // Проблемы канадоведения в российских исследованиях. Вып. 7. М.-Казань, 2013. С. 121-131.

выбор между преданностью науке, лояльностью «народу» или сервиллизмом. Такой выбор стоит перед учеными, в особенности, в условиях авторитарного режима. Однако он сохраняет свое значение и при демократии в обстановке напряженных политических споров, когда во имя кажущейся ему привлекательной политической идеи ученый может заниматься подтасовкой фактов и манипуляцией смыслами замысловатой политизированной фразеологии.

При этом от интеллигенции многое зависит. Достаточно сказать, что в 1920-х гг. немецкие интеллектуалы сыграли немалую роль в подготовке прихода нацистов к власти в Германии. Напротив, американские интеллектуалы своими решительными и сплоченными действиями в 1950-1960-х гг. помогли переломить ситуацию в США и повернуть страну в сторону антирасизма.

В России ученым издавна приходилось делать нелегкий выбор между либерализмом и лояльностью власти. Еще во второй половине XIX века сообщество историков раскололось на державников (Погодин, Иловайский, Ламанский) и демократов (Грановский, Костомаров, Ключевский). В советское время людей, желавших сделать карьеру на историческом поприще, привлекали такие направления советской гуманитарной науки как История КПСС, История советского периода, Обществоведение и Исторический материализм. Именно такие специалисты обслуживали официальную идеологию и часто пополняли ряды советской бюрократии. Однако распад СССР и падение КПСС нанесли им сильный удар и привели в некоторое замешательство.

Чтобы хоть как-то сохранить свои позиции, им надо было быстро переориентироваться. И выход был найден с учреждением таких новых образовательных дисциплин как политология, геополитика и культурология. Именно туда направилась огромная масса таких специалистов, многие из которых по-прежнему стремились привычно служить государству, как они это делали в советское время. Но, так как во многих постсоветских государствах на смену бывшему марксизму-ленинизму пришел национализм, то многие из таких деятелей, привычно считая себя бойцами идеологического фронта, стали служить именно этой идеологической доктрине. А одной из важных опор национализма служит образ прошлого.

ОБРАЗ ПРОШЛОГО И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Образ прошлого всегда выражает ту или иную идеологию, способную или призванную оказать значительное воздействие на поведение людей независимо от того, насколько этот образ соответствует историческим реалиям. Следовательно, любой специалист, занимающийся проблемами истории, должен отчетливо сознавать, как и в каких социально-политических условиях выстраивается тот или иной образ прошлого, что он несет его современникам, чего ждет от ученого широкая общественность, кто именно доносит до нее знания о прошлом, как она потребляет и интерпретирует предоставляемую ей информацию.

Мало того, ученые являются такой же частью общества, как и все остальные граждане. Поэтому на них так же влияют популярные стереотипы, и они вовсе не избавлены от давления со стороны окружающей социальной среды, в том числе, идеологических установок, не имеющих отношения к науке³. Я понимаю это давление и эти установки достаточно широко. Речь идет не только о заказе, идущем от власти, но и об идейном климате, складывающемся в «народе», в профессиональном сообществе, даже в семье, среди родственников и друзей.

Все это воздействует на представления историка о том, как именно он должен реконструировать историю «народа», как расставлять акценты, какие события считать главными, а какие – второстепенными, кого из исторических деятелей считать героями, а кого – изменниками, как объяснять мотивы их поступков и т. д. Если же речь идет о достаточно давних периодах, то возникают также вопросы о праве на исторические наследие, и мы нередко имеем дело с ситуацией, когда два или более «народов» ведут изнурительную борьбу за то или иное историческое наследие, тех или иных предков. Здесь можно назвать борьбу за болгарское наследие между татарами и чувашами, за аланское наследие между народами Северного Кавказа, за Кавказскую Албанию между азербайджанцами и армянами, за Абхазское царство между абхазами и грузинами, за кыргызское наследие

³ Tonkin E. Narrating our pasts. The social construction of oral history. Cambridge, 1992. С. 118-121; Bond G. C., Gilliam A. Introduction // Social construction of the past: representation as power. London, 1994. С. 2-8.

между киргизами и хакасами, за арийских предков между таджиками и узбеками, за Киевскую Русь и князей-Рюриковичей между русскими и украинцами и т. д.⁴ Иногда спор ведется за принадлежность конкретного древнего памятникам. Когда-то немецкие и польские ученые оспаривали право своих предков на Бискупин, а сегодня похожие споры ведутся между русскими, башкирами и казаками по поводу древнего Аркаима⁵. В свою очередь между осетинами, карачаевцами, ингушами и чеченцами ведутся ожесточенные споры о местоположении Магаса, столицы средневековой Алании⁶.

В советское время ситуация была достаточно простой – в обществе официально господствовала одна единственная партийно-государственная идеология, и именно с ней имел дело ученый-гуманитарий. Он мог верой и правдой ей служить или же в той или иной мере фрондировать; последнее, разумеется, было не просто и требовало определенного гражданского мужества. В любом случае официальная идеология была той референтной силой, по отношению к которой позиционировал себя ученый. С распадом СССР и уходом государственной идеологии в прошлое ситуация

⁴ О примерах такой борьбы см.: Shnirelman V. A. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington, D. C., Baltimore, 1996; Idem. Aryans or proto-Turks? Contested ancestors in contemporary Central Asia // Nationalities Papers, 2009. Vol. 37. No. 5. С. 557-587; Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003; Его же. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006; Его же. Арийцы или тюрки? Борьба за предков в Центральной Азии // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 192-212.

⁵ Шнирельман В. А. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт / Под ред. М. Б. Олкотт и др. М., 2001. С. 58-85.

⁶ Shnirelman V. A. The Politics of a Name: between consolidation and separation in the Northern Caucasus // Acta Slavica Iaponica. 2006. T. 23. С. 37-73.

кардинально изменилась. Романтические надежды на «деидеологизацию» общества не оправдались, и сегодня плюрализм мнений воплощается во множестве микроидеологий, среди которых не последнее место занимают идеологии этнонационализма, влияющие на умонастроение и поведение наших современников.

Этнонационализм в России является продуктом советской «национальной политики», направленной на создание и развитие этнофедерализма. Хотя целью этой политики было сохранение и развитие языков и культур коренных народов, на деле это привело к возникновению этнополитической иерархии, высшие позиции в которой занимали титульные народы, точнее – их элиты. На получение автономии имели право лишь относительно крупные коренные народы, сумевшие доказать свою самобытность, что непременно включало и образ протяженного прошлого, привязанного к данной территории. Поэтому, начиная со второй половины 1930-х гг., обязанностью местных ученых (историков, археологов, этнографов, фольклористов, филологов) стало изучение истории и культуры своих народов. Это обусловило дрейф местной науки к провинциализму и этноцентризму. Так и возникло резкое различие между имперской по духу наукой в федеральном центре (Москва, Ленинград) и этнонационалистической наукой в республиках. Иными словами, на глубокий провинциализм местную науку обрекали не столько научные интересы местных ученых, сколько политика федерального центра, искусственно создававшего для них интеллектуальное гетто. Разумеется,

в этом были заинтересованы и местные чиновники, ибо идеологемы самобытности и уникальности легитимировали их власть. Наконец, такие идеологемы составляли «политический капитал» местных ученых⁷ и поэтому были в той или иной мере присущи местным историческим нарративам («национальным историям»), в центре которых стояли титульные народы. Ведь писанные истории отдельных автономий, по сути, представляли прошлое их титульных народов, а не всего живущего там населения.

Но если в советское время эти нарративы находились под контролем центра, и малейшие отклонения от заданного канона карались как проявление «национализма», то в постсоветское время с падением былой цензуры они вышли из-под контроля не только центра, но и профессиональной науки. И в течение последней четверти века они создавались не только историками, но и получившими образование интеллектуалами, далекими от исторической науки, но зато уверенными в том, что нарратив о славе далеких предков способен оказать значительную психологическую помощь современным народам по выходу из тяжелого постсоветского безвременья, обремененного экономическими тяготами и этническими конфликтами (функция «врачевания», по М. Ферро⁸). В этом такие интеллектуалы конкурировали с местными историками, которым тоже были не чужды этно-национальные эмоции и которые, избавившись

⁷ Noyes D., Abrahams R. D. From calendar custom to national memory: European commonplace // Cultural memory and the construction of identity / Ed. by Dan Ben-Amos and Lilianne Weissberg. Detroit, 1999. С. 90-92.

⁸ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 12-13.

от пресса советской цензуры, иной раз жертвовали научной скрупулезностью ради создания привлекательных образов далеких предков.

ИСТОРИЯ И АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ

214 Все это создало основу для бурного всплеска, так называемой, альтернативной истории, получившей популярность, в особенности, у журналистов и писателей, а также специалистов пришедших из области естественных наук (физиков, химиков, геологов, математиков, экономистов, инженеров и др.) или даже бывших военных, неудовлетворенных построениями профессионалов-историков. Иной раз среди них можно встретить и историков-маргиналов, отвергнутых профессиональной средой. При этом было бы ошибочно воспринимать альтернативную историю как плод невежества или дилетантизма. Она имеет свои функции и, в частности, нередко служит эзоповым языком, позволяющим выразить авторское отношение к окружающей действительности в образах, якобы относящихся к далекому прошлому⁹. В любом случае сегодня в обществе поголовного образования именно альтернативная история стала главным источником, так называемой, «народной памяти».

В наше время научная информация доходит до широкой общественности в преобразованном виде – исходным

⁹ Шнирельман В. А. Наука и псевдонаука // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 119-128.

сырьем часто служат интерпретации, создаваемые учеными, но затем они подвергаются дополнительной обработке со стороны писателей, журналистов и просто любителей, увлеченных не поиском исторической истины, а пригодностью исходных материалов для создания тех или иных идеологий. В последние годы после того, как в Интернете стали выкладываться тексты первичных исторических источников (например, Начальная русская летопись), некоторые любители уже не нуждаются в научных разработках, а смело берутся сами за создание своих собственных версий прошлого. Для оценки эффективности этой деятельности полезно сравнить тиражи научной литературы, составляющие обычно несколько сотен экземпляров, с популярными версиями истории (скажем, выходящими в сериях «Тайны земли русской» или «Подлинная история русского народа»), расходящимися тиражами в несколько тысяч экземпляров, да еще с последующими переизданиями, как это, например, происходит с книгами Л. Н. Гумилева¹⁰.

Поэтому источником современной исторической памяти, свойственной обстановке всеобщего образования, являются вовсе не какие-то архетипы или якобы «генетически» передаваемые знания, а данные, полученные из средств массовой информации, художественной и научно-популярной литературы, кинофильмов и, в особенности, школьных

¹⁰ О критике построений Гумилева см.: Шнирельман В. А., Панарин С. А. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вестник Евразии. 2000. № 3 (10). С. 5-37; Шнирельман В. А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 8-21; Его же. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М., 2012. С. 57-75.

учебников. Кроме того, с возвращением религии еще одним источником социальной памяти служат нарративы, основанные на религиозных учениях и проповедях. Сегодня огромную роль во всем этом играет Интернет.

Все это происходит в условиях резкого сокращения научной полемики. Правда, в последние годы ученые в некоторых постсоветских государствах начали заниматься критическим анализом мифологизированных версий прошлого. Однако, как правило, при этом они пишут о своих соседях, но не о своих местных коллегах. Это Р. Карагезов в Азербайджане, А. Галиев в Казахстане, Э. Ртвеладзе и А. Сагдуллаев в Узбекистане и прочие. А своих критикуют крайне редко (Н. Масанов, Ж. Абылхожин, И. Ерофеева), так как это небезопасно. Так, А. Ильхамову, посмевавшему покритиковать узбекских историков, серьезно досталось от его коллег. В результате даже анализ или критика мифологизированных версий истории превращается в войны между национальными школами историков, что иной раз создает или усиливает межнациональную напряженность. Сегодня новым игроком на этом поле становится Церковь.

В России различные версии истории и исторические концепции нередко сосуществуют при полном отсутствии какого-либо диалога. Совершенно очевидно, что каждая из них обращена к своей собственной аудитории, испытывающей потребность именно в такой версии прошлого и не желающей знать ничего иного. Это говорит, во-первых, о резкой сегментации российского общества, далекого от того единства, о котором сегодня печется власть, что

подтверждается и соцопросами. А во-вторых, это показывает огромную роль образов прошлого как основы идентичности. Сегодня общество и, в особенности, политиков интересуют позитивные образы прошлого, а вовсе не поиск исторической истины. Кроме того, в условиях беспрецедентного уровня ксенофобии, охватившей российское общество, немалый спрос имеют образ врага и конспирологические построения, к которым также обращаются создатели популярных версий прошлого. В таких версиях нет полутонов, и прошлое рисуется в черно-белых тонах.

ФОЛК-ХИСТОРИ И ЕЕ АУДИТОРИЯ

Для чего и в каком социальном контексте создаются популярные версии истории? Эпохе глобализации неизбежно сопутствует культурный кризис, кризис идентичности. В России этот процесс усугубляется последствиями распада Советского Союза и политизацией этничности. В этих условиях политические дивиденды, связанные с такими институционализированными понятиями как «коренной народ», «этническое меньшинство», «титульная нация», «государствообразующий народ», делают этничность едва ли не важнейшим символом идентичности. В то же время происходящее у нас на глазах размывание таких ключевых основ идентичности как язык и культура способствует переносу центра тяжести на образ этнической истории, и это делает этничность еще более очевидным конструктом, чем это было еще совсем недавно.

Мало того, интерес к своему происхождению и этнической истории оказывается гораздо более характерным и ярко выраженным у малочисленных народов, у этнических меньшинств, нежели у доминирующего большинства¹¹. Это и понятно – ведь именно первые испытывают фактически или ощущают психологически ту или иную форму дискриминации и пытаются бороться с ней или преодолевать дискомфорт, апеллируя к далекому прошлому, к золотому веку. Напротив, доминирующее большинство, как правило, отождествляет себя с местной государственностью, верит в ее прочность и незыблемость и не стремится вникать в проблемы, которыми озабочены этнические меньшинства. Ведь доминирующее население, как правило, связывает себя с универсальными или общенациональными (государственными), а не со специфически этническими ценностями, и поэтому его этническое самосознание ослаблено. Как заметил один аналитик, «в том и прелесть положения правителя, что не нужно беспокоиться о том, кто он такой ... В то время как другие культуры различаются, твоя собственная является нормой ...»¹². Кроме того, доминирующее большинство, как правило, обладает инклюзивной идентичностью, позволяющей интегрировать и ассимилировать меньшинства. Такая идентичность самой своей функцией обречена на отсутствие резко выраженных этнических границ, которые поэтому отличаются определенной

¹¹ Tonkin E. Narrating our pasts. The social construction of oral history. Cambridge, 1992. С. 130.

¹² Иглтон Т. Идея культуры. М., 2012. С. 73.

размытостью. Вот почему доминирующее большинство менее склонно постоянно подчеркивать свою этническую идентичность, как это делают этнические меньшинства.

Напротив, для последних этничность служит в наше время важным ресурсом в борьбе за социальные и политические права или за доступ к каким-либо особым привилегиям (особенно, в условиях аффирмативной политики). Но, чтобы чувствовать себя вправе вести такую борьбу, этническая группа должна доказать свою аутентичность, т. е. продемонстрировать свои реальные особенности – культурные и языковые. Именно в этом контексте язык и культура (реальные или воображаемые) становятся ценными политическими ресурсами, причем в общественном мнении их ценность лишь увеличивается, если удастся продемонстрировать их древние истоки. Например, в учебнике по истории и культуре татар для 5 класса, изданном в Татарстане, приводятся слова: «Народ, не имеющий глубоких корней, – бедный народ, сколь ни высоки его здания из алюминия и стекла»¹³.

Поэтому проявляется особая забота о поддержании или даже усилении своего своеобразия, например, о сохранении чистоты родного языка или богатой фольклорной традиции (отсюда модный нынче лозунг «экологии культуры»). В России, унаследовавшей этнофедеральную политическую структуру от СССР, это лучше всего удастся, так называемым, титульным народам, имеющим свою автономию и испытывающим постоянную тревогу перед угрозой ее

¹³ История и культура татарского народа. Уч. пособие для 5 кл. осн. общеобразоват. школы с русским яз. обучения. Казань, 2011. С. 15.

утраты, так как некоторые известные политики время от времени поднимают вопрос об упразднении этнических автономий и о губернизации.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

В этих условиях язык и культура нередко важны даже не столько как живые реалии, сколько как символы самобытности. Не меньшее символическое значение имеют образы этнической истории и, особенно, истории формирования этнической общности и ее предков. В России с советских времен этому служит целое научное направление, занимающееся изучением этногенеза. Но если научные данные говорят о сложении современных народов на основе очень разных культурно-языковых и биологических компонентов, то этно-националистическая идеология требует постоянного выбора одного из этих компонентов в качестве либо единственного, либо, по крайней мере, ведущего.

Именно этот выбор является яркой отличительной особенностью современных этногенетических мифов в постсоветских обществах. Известно, что каждая этническая группа возникает в какой-то особой исторической обстановке. Общий исторический опыт, объединяющий группу и претворяющийся в коллективное переживание («коллективную память»), отличает ее от других подобных групп и составляет важную часть ее мифа о происхождении. Используемый здесь термин «миф» не означает, что описываемые события составляют исключительно плод фантазии.

Речь идет лишь о том, что социальная память охватывает не все события прошлого, а только те, которые имеют огромное ценностное значение для данного общества – они служат символической основой групповой идентичности и позволяют членам группы четко отличать себя от других. Иными словами, речь идет о ключевых, знаковых исторических событиях¹⁴. Как правило, это – события, подчеркивающие либо славу и величие предков, либо глубокую историческую травму.

С точки зрения группы, не все исторические события равнозначны и равноценны. Поэтому, производя определенный отбор, миф о происхождении делает акцент на тех событиях или ситуациях, которые подчеркивают этническую границу, отличают «нас» от «них». Обычно это – конфликты, войны, переселения, межкультурные контакты, политическая и культурная иерархия. Такой цели служит и образ коллективной травмы (голод, эпидемия, поражение в войне, подчинение чужой власти, геноцид и пр.), заставляющий группу особенно остро ощущать свою уникальность и способствующий укреплению ее солидарности. Все это призвано породить у членов группы чувство своей особости и нередко морального превосходства над другими группами, что опирается на образ либо культуртрегера и победителя, либо страдальца.

Но это еще не все. Ведь какое прошлое представляет особую ценность? Прежде всего – то, которым можно

¹⁴ Connerton P. How societies remember. Cambridge, 1989; Tonkin E. Narrating our pasts. The social construction of oral history. Cambridge, 1992.

гордиться без всяких оговорок, т. е. то, когда народ был свободен, независим, устраивал славные военные походы против врагов, имел значительные самостоятельные культурные достижения (изобретение металлургии, письменности, создание богатой фольклорной традиции, возведение величественных архитектурных сооружений и т. д.) и, в оптимальном варианте, свою достаточно древнюю государственность. Напротив, образ прошлого, обремененный воспоминаниями о военных неудачах, порабощении чужаками или просто лишенный выдающихся политических или культурных достижений, приводит к фрустрации, пассивности и вызывает желание отделаться от немощных и ущербных предков. То же самое происходит в том случае, если доминирующая историографическая традиция наделяет предков данного народа негативными чертами¹⁵.

Все это приводит нас к понятию золотого века, играющему большую роль в этнополитической мобилизации. Этногенетический миф не только задает социальные и культурные границы, но и создает определенную групповую соподчиненность, опираясь на такие оппозиции как раньше / позже, коренной житель / пришелец, отсталый / цивилизованный, покоренный / завоеватель, варвар-разрушитель / культуртрегер и пр. С помощью этих понятий миф вносит порядок в первозданный хаос. Миф имеет и компенсаторную функцию: оперируя таким

¹⁵ Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малашенко, М. Б. Олкотт. М., 2000. С.12-33.

архаическим понятием как циклическое время, он позволяет преодолевать «ужас истории», объясняя, что нынешние невзгоды не вечны – им предшествовало время расцвета, золотой век, а, значит, кризис будет преодолен, и ему на смену непременно придет новый золотой век. Но для этого люди нуждаются в памяти – они должны не только помнить о славе предков, но и следовать морально-этическим нормам, доставшимся от предков. Все это и содержится в мифе. Миф позволяет идентифицировать себя с предками, и поэтому он нагружен символами причастности, идентичности. В силу принципа «вечного возвращения», тесно связанного с понятием циклического времени, наиболее почитаемыми оказываются самые древние, исконные предки. Они представляются носителями «первокультуры», т. е. «чистой» исконной культурной традиции, не испорченной внешними влияниями; эти предки и сами выглядят моральным эталоном, так как не успели еще совершить ни одного неблагоприятного поступка. Вот почему миф о происхождении играет интегрирующую роль в создании и поддержании групповой этнической идентичности; он не просто описывает происхождение группы и ее исторический опыт, но отбирает нужные ему факты и интерпретирует их в интересах группы.

Мало того, он отбирает не только факты, но и предков, и это является одной из интереснейших сторон этногенетического мифотворчества. Как упоминалось, практически любая этническая группа формируется из нескольких разных компонентов, имевших свои своеобразные

предшествующие линии развития, связанные с теми или иными достижениями или потерями, славными победами или сокрушительными поражениями. Поэтому-то и возможен поиск предков, наиболее отвечающих запросам сложившейся этнополитической ситуации. И именно такому выбору предков с увлечением отдаются этнические антрепренеры и духовные лидеры этно-националистических движений в поисках национальной идеи. В этом им нередко помогают местные историки.

224 Как отмечалось, с особой страстью созданием этногенетических мифов занимаются представители этнических меньшинств или представители интеллектуальных элит в новых независимых государствах. Так и возникает определенная закономерность, по которой поиски золотого века на региональном уровне возглавляются некоторыми местными учеными, тогда как на общероссийском уровне это – удел, главным образом, людей, далеких от исторической науки, но озабоченных национальной идеей (журналистов, писателей или ученых-естественников). Результатом этой деятельности и является то, что принято называть альтернативной историей.

Сказанное не означает, что наука, развивающаяся в федеральном центре, вовсе сторонится политики и полностью лишена мифотворчества. Но в отличие от этноцентристских версий прошлого, создаваемых в регионах, в центре культивируется имперская идеология, которая сегодня рядится в тогу цивилизационного подхода. Иными словами, здесь образ России связан не столько с этничностью,

сколько с особой цивилизационной сущностью, что включает такие же изоляционистские тенденции, как и этноцентризм в республиках. Правда, никакого единства в понимании цивилизационной сущности России в научном сообществе не наблюдается¹⁶. Однако сегодня Церковь понимает эту цивилизационную сущность как господствующее положение православия и особую роль «государствообразующего» (русского) народа. Похоже, что такой подход с сочувствием воспринимается во властных структурах. В частности, он нашел свое отражение в предвыборных статьях Путина в начале 2012 г. и затем в его президентских посланиях 2012-2013 гг. А ведущие официозные газеты Петербурга в последние три года начали активно культивировать образ «российской цивилизации», чего прежде не наблюдалось¹⁷.

С этой точки зрения, показательна выставка, посвященная 400-летию дома Романовых и проходившая в Москве в Центральном выставочном зале 4-24 ноября 2013 г. Ее главными организаторами выступали Московский Патриархат и Министерство культуры РФ. Большую роль в выработке концепции выставки сыграли ее куратор архимандрит Тихон Шевкунов, а также филолог и писатель А. Мясников.

¹⁶ О критике цивилизационного подхода см.: Шнирельман В. А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 82-105; Его же. Слово о «голом (или не вполне голом) короле» // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 55-74.

¹⁷ Толкачева А. Определяя себя: дискурсы о мигрантах и идея нации в России. Доклад на Международной конференции «Проблемы 'супер' многообразия: иммигранты в России и Европейском Союзе», организованной Казанским университетом, Казань, 28-29 ноября 2013 г.

Показательно само название выставки «Православная Русь. Моя история. Романовы», призывавшее посетителей идентифицировать себя с православием и царской династией Романовых. Это дополнительно усиливалось организованным у входа на выставку церковным ритуалом поклонения Федоровской иконе Богородицы. Примечательно также, что длинный ряд исторических героев, представленных, прежде всего, русскими царями и царицами, заканчивался образами президента Путина и патриарха Кирилла, подчеркивая преемственность между императорской Россией и современной Российской Федерацией. При этом Россия сознательно противопоставлялась Западу, якобы постоянно посягающему на ее политическое устройство и территориальную целостность. Примечательно также, что поликультурность и поликонфессиональность России были вынесены организаторами выставки за скобки. Иными словами, в центре выставки были «государствообразующий народ», монархия как оптимальная система правления, монархи как главная движущая сила русской истории, а также доминирующая религия, представленная православием. С этими символами населению России и предлагалось себя идентифицировать. Пожалуй, в истории постсоветской России еще не было более яркой демонстрации согласованного стремления Церкви и власти навязать населению вполне определенную идеологию и связанную с ней идентичность.

**ВЫВОДЫ: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ
«ПОЛЕЗНОГО ПРОШЛОГО»**

Итак, вопреки былым надеждам просветителей, миф вовсе не спешит уступать дорогу научному мировоззрению, и многие мыслители XX в. с удивлением фиксировали готовность современного человечества отдаваться в объятия все новым и новым мифам. Этноцентристские мифы играют, хотя и функционально важную, но весьма неоднозначную роль в современном мире. С одной стороны, они укрепляют этническое самосознание и повышают самоуважение, а также облегчают социальную мобилизацию для решительных политических действий. Но, с другой, они нередко заставляют соседние народы вести бессмысленную борьбу за одних и тех же предков или же раскалывают этническую элиту на враждующие группы, придерживающиеся разных представлений о предках. Так, у татар распространена версия об их происхождении от болгар, и сегодня на доказательство этого направлена вся мощь татарской науки. Но на болгар претендуют и соседние чуваша, несклонные делиться с татарами этим ценным историческим наследием. В то же время в 1990-х гг. татарские интеллектуалы разделились на «булгаристов» и «татаристов», весьма по-разному представлявших своих предков. Это даже привело к разделению прежде единого научного Института на две враждующие партии: в 1996 г. часть его стала отдельным Институтом истории АН РТ, а другая часть – Институтом языка, литературы и искусства

АН РТ¹⁸. Аналогичным образом, в Азербайджане научная элита в последние советские десятилетия разделилась на «албанистов» и «пантюкистов», причем, если вначале первые представляли научный истеблишмент, то в постсоветском Азербайджане они уступили свои позиции пантюкистам и стали маргиналами. В Мордовии выстраивание этноцентристского мифа едва не привело в 1990-е гг. к расколу мордовского народа на две части, представленные субэтническими группами мокша и эрзя¹⁹.

А на Северном Кавказе на предков-алан, кроме осетин, претендуют, с одной стороны, балкарцы и карачаевцы, а с другой, чеченцы и ингуши. К примеру, ингуши недвусмысленно заявили об этом, дав своей новой столице название Магас, напоминающее о славной столице средневековой Алании. Грузины и абхазы никак не могут поделить между собой право на раннесредневековое Абхазское царство. Сегодня отдельные народности Алтая вступили между собой в борьбу за древнее историческое наследие. Некоторые активисты русских движений в новых независимых государствах претендуют на «арийских предков», позволяющих им легитимировать присутствие русского населения на всей территории Евразии, которая в этой парадигме представляется прародиной. Такие примеры инструментального подхода к этногенезу можно приводить до бесконечности.

¹⁸ Шнирельман В. А. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 128-147.

¹⁹ Shnirelman V. *Purgas und Pureš: Urahnen der Mordwinen und Paradoxa der mordwinischen Identität* // *Marî und Mordwinen im heutigen Russland: Sprache, Kultur, Identität*. Wiesbaden, 2005. С. 529-563.

Итогом являются нескончаемые «культурные войны» между научными элитами соседних народов, не желающими делиться с соседями предками, а иной раз и обвиняющими друг друга в присвоении чужого прошлого. Это находит отражение и в сфере образования вплоть до того, что некоторые школьные учебники содержат одновременно две соперничающие друг с другом версии происхождения соседних народов. Например, в 1995 г. в Кабардино-Балкарии был выпущен школьный учебник, где в одной главе майкопская культура раннего бронзового века была приписана предкам адыгов, а в другой – предкам тюрков (т. е. балкарцев). А через три года то же самое повторилось в учебнике, изданном в Карачаево-Черкесии²⁰. Такие «культурные войны» иной раз выковывают идеологию межэтнического конфликта, побуждающую людей братья за оружие, как это происходило на Южном Кавказе.

Таким образом, если, как мы видели, на региональном уровне этногенетические построения нередко грешат этноцентризмом, то на общероссийском уровне отмечается конкуренция трех проектов – «русского», «российского» и «цивилизационного». При этом последние нередко сочетаются, создавая различные конфигурации вплоть до инклюзивного понятия «российской (русской) цивилизации». Примечательно, что даже президент В. Путин временами использует цивилизационную терминологию в своих выступлениях.

²⁰ Шнирельман В. А. Очарование седой древности: мифы о происхождении в современных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 37. С. 79-87.

В любом случае речь идет о «полезных» версиях прошлого, связанных, прежде всего, с идентичностью. В России все это сопровождается активное нациестроительство, причем в республиках это вызвано, во-первых, стремлением сохранить свой автономный политический статус, а во-вторых, обеспечить привилегии элите титульного народа. В свою очередь на федеральном уровне в этом проявляется стремление создать идеологические основы («духовные скрепы») для общенационального единства, а также для желанного Евразийского Союза. Все это требует тщательно выстроенных версий прошлого, отвечающих политическим задачам, поставленным властными структурами. И в этих условиях интеллигенции снова приходится делать нелегкий выбор, тем более что решение внутривнутриполитических и внешнеполитических задач требует своих особых исторических мифов, которые нередко неспособны примириться друг с другом.

ИСТОРИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС: ИДЕИ НАСЛЕДИЯ И НАСЛЕДИЕ ИДЕЙ

Проблема инструментального отношения к истории и фабрикации генеалогических мифов может быть рассмотрена в несколько ином аспекте. Нередко в истории ищут не этнолингвистическое родство с «полезными предками», а некий эталон духовного и/или политического величия, которое может быть унаследовано и предъявлено в качестве оправдания собственных притязаний. Для средневековой христианской цивилизации предпочтительность идеи наследия, т.е. родства «по духу, а не по плоти», представлялась некоей очевидностью, поскольку она ясно выражена в новозаветной концепции «Истинного Израиля» (*Verus Israel*). В апостольских посланиях неоднократно подчеркивается, что «не плотские дети суть дети Божии, но дети обетования признаются за семя» (Рим. 9, 6-8), и именно христиане являются подлинными наследниками богоизбранного Израиля, «род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел» (1 Пет. 2, 9). Эта идея находила благожелательный отклик во всем Христианском

мире от Византии до Ирландии, но особенно она вдохновляла неопитов, ибо отнесение к себе слов «некогда не народ, а ныне народ Божий» (1 Пет. 2, 10) уже на старте исторического бытия сулило славное будущее. Тем паче, если в некоторых обстоятельствах собственной политической злобы дня угадывалось сходство с теми или иными мотивами Священного Писания, являвшегося «семантическим арсеналом образов и сюжетов, лексики и фразеологии едва ли не всей средневековой литературы»¹.

Именно такая ситуация сложилась в Киевской Руси: синхронность процессов политогенеза и христианизации, протекавшей на фоне обострения церковных противоречий между Римом и Константинополем, способствовала взаимному наложению этнополитических и конфессиональных границ: православие очень рано стало, по выражению У. Мейдлина, «национальным критерием» Киевской Руси². Вероисповедное обособление от ближайших соседей – как язычников на севере и востоке, так и от «латинян» на западе – в сочетании с весьма устойчивыми антигреческими настроениями («суть бо греци льстиви и до сего дни», как сказано в «Повести временных лет»³) способствовало формированию комплекса религиозной исключительности. Среди русских неопитов достаточно рано стало

¹ Данилевский И. Н. Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания // *Ab Imperio*. 2001. № 3. С. 165.

² Medlin W. K. *Moscow and East Rome: A Political Study of the Relations of Church and State in Muscovite Russia*. Genève, 1952. С. 45.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962. Стб. 70.

складываться убеждение, что их роль в христианском мире ничуть не меньше, чем у греков и сопоставима с историческим предназначением богоизбранного Народа Израилева. Этот взгляд обнаруживается уже в «Слове о Законе и Благодати» Илариона Киевского, а в «Борисоглебском цикле» все события борьбы за власть между сыновьями спроецированы на библейский сюжет братоубийства Каином Авеля. «Круг замыкается, происходит циклическое повторение событий: на Руси совершается то же, с чего когда-то началась мировая история»⁴.

Вскоре под идею библейского наследия подводится «историческое» обоснование в виде летописной легенды о посещении апостолом Андреем берегов Днепра. Наконец, ничем иным, как параллелью с образом Палестины – «Святой земли» – объясняется появление в былинном цикле таких устойчивых словосочетаний как «Святая Русь» и «святорусский». А в средневековых духовных стихах Русь уже не уподобляется Израилю, но напрямую *отождествляется* с ним. От лица царя Давида, на русский манер именуемого Давыдом Евсеевичем и беседующего с князем Владимиром, утверждается, что «Святая Русь земля всем землям мати»⁵.

Средневековая Русь – отнюдь не единственный пример долговечности идеи библейского наследия и ее глубокого проникновения в народное сознание. Английским пуританам XVII столетия, отождествившим себя с богоизбранным

⁴ Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 47.

⁵ Голубина книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX ввек. М., 1991. С. 37

народом, а Британскую монархию – с Египетским рабством, Новый Свет виделся обетованной землей, Новым Ханааном. Именно так в «Хронике колонии Новый Плимут» У. Бредфорда названо это первое поселение пуритан в Новой Англии, основанное в 1620 г. А еще через десять лет первый губернатор Массачусетса Дж. Уинтроп провозгласит основанную им колонию «Градом на Холме», т. е. Иерусалимом. Позже этот образ будет взят на вооружение Дж. Эдвардсом, вдохновившим американцев на «Великое пробуждение». Это грандиозное и, поначалу, сугубо спиритуальное движение позже дало импульс к «превращению пуритан в янки»⁶, а в итоге стало прологом Американской революции. Да и сама революция разворачивалась под сходными лозунгами: «Американским Израилем Божиим» именует Соединенные Штаты один из проповедников того времени Э. Стайлз, Сионом – другой вития, А. Кетелтас⁷.

Данная мифологема не была забыта и в XX в. Образ «Града на Холме» использовал Дж. Кеннеди в своем обращении к Законодательному собранию Массачусетса от 9 января 1961 г.⁸ Источник своего политического вдохновения видел в проповеди Дж. Уинтропа Р. Рейган⁹. Наконец,

⁶ Bushman R. L. From Puritan to Yankee: Character and the Social Order in Connecticut, 1690–1765. Cambridge (Mass.), 1967.

⁷ Stiles E. The United States Elevates to Glory and Honor. New Haven, 1783. P. 7; Smolinski R. The Kingdom, the Power and Glory: The Millennial Impulse in Early American Literature. Dubuque, 1998. С. 447.

⁸ Address of President-Elect John F. Kennedy Delivered to a Joint Convention of the General Court of the Commonwealth of Massachusetts // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. Historical Resources. URL: <http://www.jfklibrary.org/Historical+Resources/Archives/Reference+Desk/Speeches/JFK/> (дата обращения: 10.07.2016).

⁹ Kiewe A, Houck D.W. A Shining City on a Hill. Ronald Reagan's Economic Rhetoric, 1951–1989. N.Y., 1991; McKenna G. The Puritan Origins of American Patriotism. С. XII.

именно так – «Сияющий Град на Холме» – была озаглавлена редакционная статья в «Вашингтон Бизнес Журнел», опубликованная ровно через месяц после атаки 11 сентября¹⁰.

Разумеется, идентичность или близость словесного обрамления идеи не означает неизменности ее смысла. Как остроумно заметил М. Блок, «к великому отчаянию историков, у людей не заведено всякий раз, как они меняют обычаи, менять словарь»¹¹. Еще в больше мере это относится к мифу, чье словесное выражение по своей природе метафорично. «Язык, – писал Р. Барт, – предоставляет мифу как бы пористый смысл, легко способный набухнуть просочившимся в него мифом»¹². И именно эта «пористость» позволяет в разные эпохи, в разных обстоятельствах и при разных побудительных мотивах использовать одни и те же мифологемы, наполняя их смыслом, соответствующим переживаемому моменту. Но любая свобода интерпретации имеет, тем не менее, свои пределы. И если обстоятельства изменятся настолько, что идея наследия, вдохновлявшая многие поколения, утратит свою привлекательность, либо ситуация побудит востребовать иное, более заманчивое наследие, умами людей овладеют новые образы и мотивы.

Именно это случилось в России во второй половине XV в. Падение Константинополя в 1453 г., потрясшее весь христианский мир, заставило задуматься о судьбе его наследия, и в Москве – столице единственного на тот момент

¹⁰ A Shining City on a Hill // Washington Business Journal. 2001. October 12.

¹¹ Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986. С. 22.

¹² Барт Р. Мифологии. М., 2000. С. 261.

независимого православного государства – имели основания думать, что именно она является естественным преемником «Светоца православия». Поэтому идея библейского наследия, хоть и не была забыта, на какое-то время отошла на второй план.

В русской книжности XV-XVII вв. идея византийского наследия представлена чрезвычайно многообразно, при этом за внешне сходными словесными формами кроются весьма различные смыслы. Для русского свидетеля падения Царьграда Нестора Искандера и для Максима Грека, а также для венецианских политиков, надеявшихся женитьбой Ивана III вовлечь его в антиосманский альянс, это наследие означало право и долг отвоевания Константинополя. Но ни сам Иван III, ни его сын и внук не проявили ни малейшей заинтересованности в подобных проектах, видя в павшей империи лишь источник вдохновения для формирования собственной символики державного величия. И лишь царь Алексей Михайлович стал сочувственно внимать призывам греческих иерархов об их вызволении из рабства неверных. В то же время деятели церкви, не видя оснований для освобождения Царьграда (такие мечтания появятся только у патриарха Никона), трактовали византийское наследие как сугубо духовную миссию: Москва воспринимает мистическое значение Царьграда как земного отражения царствия небесного, вселенского оплота истинного православного благочестия и последней преграды на пути Антихриста. Создатель теории «Москва – Третий Рим» старец Филофей, шел еще дальше, обосновывая посредством

эсхатологических аргументов идею ответственности власти перед Богом и право церкви выражать ей свою (а опосредованно – общества) моральную оценку. Естественно, ни Василию III, ни, тем более, его сыну, стремившемуся к абсолютно бесконтрольной власти, такие взгляды не могли прийтись по нраву. Но после смерти Ивана Грозного идеи Филофея, по сути, стали платформой для взаимного примирения общества, власти и церкви. Это выразилось во включении пространной цитаты из его послания в грамоту об учреждении патриаршества в 1589 г., что фактически превратило теорию «Москва – Третий Рим» в официальную религиозно-политическую доктрину. И она сохраняла такое значение вплоть до Никоновской реформы, имевшей целью исправление богослужебного канона в соответствии с греческими образцами. В глазах значительной части общества отказ от идеи незамутненной чистоты русского благочестия означал крушение Третьего Рима и предвестие Конца Света. Масштаб старообрядческого движения – двадцать тысяч жертв самосожжений, несчетное число погибших от рук карателей и бежавших в Литву, на Север, за Урал, на Дон и Кубань (а позже – в Турцию) – говорит о глубине проницания в народное самосознание идеи Третьего Рима.

Разумеется, для той части русского общества, которая приняла реформу Никона, концепт Третьего Рима неизбежно должен был потерять свое прежнее значение, однако иные варианты идеи византийского наследия продолжали оказывать свое влияние на общественное сознание. Так, в одной из «исторических песен» в уста Ивану Грозному

вкладываются слова «Я повынес царенье из Царя-града»¹³, а в русской народной сказке о Борме-ярыжке нашли отражение мотивы «Сказания о князьях Владимирских» и «Повести о Вавилоне»¹⁴.

Идея отвоевания Константинополя вновь оживает в XVII в. на страницах «Повести об Азовском осадном сидении». Об этом же мечтали и царь Алексей Михайлович, и Екатерина II, а в XIX и XX вв. – писали публицисты и политики в пору каждого обострения отношений с Турцией. Эту идею превозносили Ф. И. Тютчев и Ф. М. Достоевский, а К. Леонтьев писал, что «византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, еще старым и грубым вначале, славянским материалом»¹⁵.

Разумеется, на все эти свидетельства может лечь тень сомнения: не находились ли эти авторы в плену политической или поэтической химеры, и было ли этой химерой пленено все общество? Но мы имеем почти неоспоримое подтверждение глубокой укорененности идеи «византийского наследия» в российском самосознании XIX века. Это – «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, в которой жестоко высмеиваются «византийские мечтания». Надежность данного свидетельства гарантирована тем, что сатира имеет дело только с явлениями общеизвестными.

¹³ Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1907. Т. II. С. 38.

¹⁴ Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка. Л., 1979. Сюжет 485.

¹⁵ Леонтьев Н. К. Византизм и славянство // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 303.

Достоинно осмеяния лишь то, что всем хорошо знакомо и может быть легко узнано.

Есть и другие, не менее очевидные примеры параллелей между государственной идеологией и народным самосознанием. Так, например, известно, что согласно амбициозному «греческому проекту» Екатерины II трон воссозданной Византийской империи должен был достаться ее внуку Константину. Неслучайно на портрете, написанном по заказу Екатерины II Ричардом Бромптоном в 1781 г., он изображен с «лабарумом» – воинским знаком, воспроизводящим знамение, явленное Константину Великому накануне битвы с Максенцием. Неожиданный отзвук этой имперской мифологемы мы обнаруживаем в слухах, циркулировавших в народе в 1826 г. и дошедших благодаря записям Ф. Федорова, дворового человека калужского помещика Ф. И. Зембулатова: «На Черном море показывается престол со следующею на оном надписью: отпущен в море Константином царем и будет взят Константином царем, а более никто взять меня не может»¹⁶.

Обостренное внимание общества к теме византийского преемства не могло не сказаться на формировании подходов к ее историческому изучению. С одной стороны, этот живой интерес способствовал привлечению внимания ученых к данной проблеме, с другой – историки испытывали на себе прямое или косвенное влияние умонастроений общества и политической конъюнктуры. Наиболее явно это

¹⁶ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. С. 202.

проявилось в многочисленных публицистических сочинениях, посвященных так называемому «восточному вопросу», в которых идея «византийского наследия» рассматривалась в качестве исторического оправдания антиосманской политики. Но даже в трудах профессиональных историков обнаруживается сознательное или подсознательное признание некой предопределенности России к «византийскому преемству». «Стоит заглянуть в любое из появившихся в самые последние годы сочинений по истории Византии – писал в 1917 г. К. Н. Успенский – чтобы убедиться, что этот ученый интерес к ней определяется верой в то, что Россия является наследницей и преемницей православной восточной империи»¹⁷. Но коль скоро некоторая идея становится предметом веры, ни о какой ее научной проверке не может быть и речи. Историк, разделяющему эту веру, остается довольствоваться ролью иллюстратора, но не исследователя. Здесь проявляется свойство мифа, которое Р. Барт назвал «императивностью оклика»¹⁸: маркируя собою то или иное явление, миф как бы принуждает реципиента признать это очевидностью, «создавая чувство блаженной ясности»¹⁹ и тем самым освобождая от необходимости осмысления и объяснения данного феномена.

Априорное признание «византизма» духовной и политической доминантой русской истории делало вопрос о причинах зарождения идеи византийского наследия и факторах,

¹⁷ Успенский К. Очерки истории Византии. М., 1917. Т. 1. С. 1.

¹⁸ Барт Р. Мифологии. М., 2000. С. 257.

¹⁹ Там же. С. 270.

обусловивших ее эволюцию, просто излишним. Таким образом, задача исследователя сводилась к выяснению литературной истории памятников, в которых данная идея нашла свое отражение. Хотя в этом отношении русские историки, безусловно, достигли серьезных успехов. В конце XIX – начале XX века в научный оборот было введено значительное число произведений древнерусской книжности, отражающих идею «византийского наследия». Тем не менее, в интерпретации «византизма» господствовала умозрительная схема, согласно которой стремление к восприятию наследия Царьграда (как духовного, так и геополитического) составляло «мэйнстрим» русской истории и было всецело разделяемо русским народом – от августейших особ до сермяжных крестьян. Сама же Византия предстает в этих описаниях не в своем первоначальном историческом облике, а в том виде, в каком повествование о ней оправдывает имперские притязания России.

В этом плане примечателен доклад Н. Попова «О значении германского и византийского влияний на русскую историческую жизнь в первые два века ее развития», прочитанный (что должно было подчеркивать его официальный характер) на годовом торжественном собрании Императорского Московского университета. В вопиющем противоречии с историческими фактами автор утверждал, что в Византии император «назывался главой церкви» (так было в России со времен Петра, но на это не отважился ни один василевс, даже из числа иконоборцев); что «ни в теории, ни на практике не было в Византии противоречий

между верховной властью и подданными (хотя любому студенту известно, сколь часты были в Византии восстания и мятежи); что «права верховной власти и ее наследственность в продолжение всей византийской истории считались непреложными»²⁰ (хотя не перечесть всех византийских авторов, открыто оспаривавших право императора на вмешательство в дела церкви, а правил престолонаследия в Византии просто не существовало).

Таким образом, автор в своем опусе описывал не реальную Византию, а русский имперский миф о ней, идеальный образ Византии, какой ее хотела бы видеть политическая элита, исходя из собственных представлений о России как правопреемнице Римейской державы.

И надо признать, что усилия по пропаганде имперского мифа возымели свое действие: в том, что византизм является фундаментом русского национального самосознания, были уверены не только верноподданные историки и публицисты, но и самые решительные их оппоненты. Так, например, в историософской концепции П. Чаадаева «византийский миф» не подвергнут анализу и не опровергнут, а воспроизведен с обратным знаком, вывернут наизнанку. Если для апологетов империи ее византийское первородство – знак величия и залог грядущего вселенского триумфа, то в трактовке Чаадаева «растленная Византия»²¹

²⁰ Попов Н. О значении германского и византийского влияний на русскую историческую жизнь в первые два века ее развития // Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1871 г. М., 1871. С. 48.

²¹ Чаадаев П. Я. Философические письма // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 50.

– подлинная причина отсталости России и ее изоляции от цивилизованного мира. Тот же чаадаевский *контр-миф* воспроизводит и концепция византизма, выдвинутая В.С. Соловьевым²².

Аналогичной была реакция на имперскую пропаганду и вне России. Так, Ф. Энгельс, которого трудно заподозрить в русофильстве, писал, что эта империя, «обладая двумя столицами – Петербургом и Москвой, – все еще не может обрести своего центра тяжести, пока «город царя» (Константинополь, по-русски Царьград, царский город), который всякий русский крестьянин считает истинным центром своей религии и своей нации, не станет фактической резиденцией русского императора»²³. Трудно в этом пассаже не увидеть вольный пересказ знаменитых тютчевских строк: «Москва и Град Петров, и Константинов Град – вот Царства Русского заветные столицы!»²⁴. Легкость, с какой Запад «прочел» российский имперский миф, объясняется тем, что его инвертированная трактовка была воспринята как семантическое тождество комбинаций двух европейских (западных) мифов о *Другом*. С одной стороны, это – веками, начиная с Карла Великого вызревавшее представление о Византии как воплощении политической, мировоззренческой и моральной перверсии, а с другой – распространенные во многих европейских странах антирусские сантименты, в некоторых из них трансформировавшиеся

²² Соловьев С. В. Византизм и Россия // Собрание сочинений. Т. V. СПб., 1873-1900.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3 т. М., 1979. Т. 1. С. 359.

²⁴ Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1965. Т. 1. С. 118.

в устойчивый элемент общественного сознания и эффективный инструмент политической пропаганды²⁵.

Еще нагляднее проявляется влияние идеологических клише в исторических, философских и публицистических произведениях, увидевших свет после 1917 г. Кажущаяся очевидность мифа о России как о новом воплощении Византии соблазняла простотой уяснения подоплеку большевистского переворота. Особенно «постарались» здесь русские эмигранты, причем не только монархисты, но и социалисты²⁶. Своего рода итог этого процесса был подведен Н. Бердяевым, высказавшим мысль о внутреннем родстве большевизма и русского мессианизма, «Третьего Рима» и «Третьего Интернационала»²⁷.

Западные историки, отталкиваясь от трактовки «византизма» как официальной идеологии самодержавия, стали рассматривать этот комплекс идей в качестве «антизападного кредо России» (А. Дж. Тойнби)²⁸ и «диалектики агрессии» (К. Туманов)²⁹. В то же время советские авторы указывали, что на реальную политику «византизм» не оказывал практически никакого влияния, а значит нельзя говорить ни об официальном характере этих идей, ни о серьезном их влиянии на общественное сознание. При этом далеко

²⁵ Подробнее см.: Gleason J. H. *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion*. Cambridge, 1950; Филюшкин А. И. Как Россия стала для Европы Азией // *Ab Imperio*. 2004. №1. С. 191-228; Neumann I. B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London, 1996.

²⁶ Ульянов Н. Комплекс Филофея // *Вопросы истории*. 1994. № 4. С. 152-162.

²⁷ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 117-118.

²⁸ Toynbee A. J. *Civilization on Trial*. New York, 1948. С. 164-183.

²⁹ Toumanoff C. *Third Rome. Genesis and Significance of a Politico-religious Idea* // *The Catholic Historical Review*. 1955. Vol. XL. January. С. 442-447.

не всегда подобные суждения были результатом серьезных исследований. Как и ранее, в подходах к осмыслению феномена «византизма» идеологическая мотивация преобладала над исследовательской, а слабость аргументации восполнялась пафосом борьбы с «буржуазными фальсификаторами». Особенно показательна в этом отношении полемика вокруг теории «Москва – Третий Рим». Так, западные историки, убежденные в извечном стремлении России овладеть Царьградом, склонны были в словах старца Филофея о вселенском характере власти московского государства видеть внешнеполитическую программу, аналогичную той, что выдвигали Нестор Искандер и Максим Грек. Советские историки, напротив, указывали, что ни в XV, ни в XVI веке Россия не помышляла о Балканах и на этом основании делали вывод, что теория «Третьего Рима» не нашла благожелательного отклика в официальных сферах. Но при этом упускалось из виду, что наследие наследию – рознь, и некоторое созвучие словесных лозунгов еще не означает их семантической тождественности. Далеко не все советские историки разделяли тезис об «агрессивности» теории Третьего Рима, но куда чаще можно было встретить иной вердикт: концепция Филофея объявлялась «клерикальной», а потому – реакционной.

С окончанием Холодной войны идеологическая мотивация, казалось бы, перестала оказывать определяющее воздействие на изучение проблемы «византизма». Но наряду с этим вновь обнаружилась «логика от противного», основанная на ложном отождествлении мифа и вымысла. А коль

скоро сам факт мифологизации а priori принимается за фальсификацию факта, то вместо деконструкции мифа конструируются новые или реконструируются прежние мифологемы. При таком подходе историографический процесс оказывается сходным с траекторией маятника: тезис сменяется антитезисом, за которым – вопреки Гегелю – отнюдь не следует синтез. Эти симптомы наблюдаются как в отечественной, так и в зарубежной историографии начала XXI века. Например, в монографии Г. В. Скотниковой «Византийская традиция в русском самосознании» предпринимается попытка реабилитации экспансионистских по своей сути взглядов Ф. Тютчева³⁰. А в антологии «Три Рима» (составитель и автор предисловия – Н. Лисовой) к числу творцов вселенской православной империи причисляется – вслед за римскими цезарями, византийскими василевсами и российскими самодержцами – сам генералиссимус Сталин³¹.

Столь же откровенно проявилось инструментальное отношение к византийскому наследию в известном фильме архимандрита Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Византийский урок»³², показанном на телеканале «Россия» 30 января 2008 г. То, что перед нами – классический пример мифологизации истории, не сказал об этом фильме только

³⁰ Скотникова Н. Г. Византийская традиция в русском самосознании. СПб., 2002. С. 135-141.

³¹ Лисовой Н. Три Рима: таинство Империи // Три Рима. М., 2001. С. 14-16.

³² Архимандрит Тихон (Шевкунов). Дикторский текст литературного сценария фильма «Гибель империи. Византийский урок» с научными комментариями [Электронный ресурс] URL: <http://vizantia.info/docs/1.htm> (дата обращения: 12.05.2017).

ленивый. Но зачастую критика данного опуса сводилась к поиску подтасовок и искажений фактов, тогда как суть мифологизации заключается не в фальсификации на фактологическом уровне, а в «протаскивании неких понятийных интенций»³³. Если мы будем внимательны к словесной ткани дикторского текста в «Византийском уроке», то обнаружим, что, говоря о Ромейской державе, автор употребляет совершенно не свойственные Византии понятия: «вертикаль власти», «стабилизационный фонд», «олигархи» и т. д. В этом смысле фильм Шевкунова по технологии производства очень похож на цитированную ранее речь Н. Попова: в обоих случаях *как бы* говорят о Византии, но ее ли они имеют в виду?

В западной историографии и общественной мысли рубежа веков наблюдается тенденция, прямо противоположная той, что преобладала в предшествующий период. Если во времена Холодной войны теория «Третьего Рима» трактовалась как квинтэссенция русского самосознания, то теперь на пьедестал возводится идея «Нового Иерусалима» (Дж. Раба, Д. Роуланд)³⁴. Сам по себе интерес к этой концепции, действительно чрезвычайно значимой для русского самосознания и незаслуженно обойденной вниманием исследователей, может только приветствоваться. Но настораживает многозначительный союз «или» в заглавиях указанных работ, как бы отмечающий саму возможность

³³ Барт Р. Указ соч. С. 255.

³⁴ Raba J. Moscow – the Third Rome or the New Jerusalem // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1995. Bd. 50. С. 297-308. Rowland D. B. Moscow – the Third Rome or the New Israel // Russian Review. 1996. Vol. 55. С. 591-614.

существования этих идей и их одновременного воздействия на развитие русской идентичности. При этом достойна удивления прямодушная откровенность в объяснении необходимости «смены вех»: это обосновывается не логикой научного познания, а сугубо политическими мотивами – тем, что «недавние события в бывшем Советском Союзе побудили к переосмыслению многих прежних аксиом о прошлом и настоящем России»³⁵.

Итак, налицо парадоксальное явление: современные российские авторы, отвергая советскую мифологию, ренимируют дореволюционную, а западные – для опровержения мифов Холодной войны обращаются к авторитету советских историков и даже превосходят их в резкости оценок. Так, М. По начисто отрицает закономерность появления теории Третьего Рима³⁶, а П. Бушкович называет ее «апокалиптическим бредом маргинального провинциального монаха»³⁷. Но маятник не стоит на месте. Достигнув крайней точки, он начинает попятное движение, и по мере осложнения международной обстановки, уже в «нулевых» годах XXI века вновь начинают звучать прежние обвинения в «мессианизме»³⁸ и «византизме»³⁹.

³⁵ Rowland D. B. Moscow – the Third Rome or the New Israel. С. 591.

³⁶ По М. Изобретение концепции «Москва – Третий Рим» // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 61-86.

³⁷ Бушкович П. Православная церковь и русское самосознание XVI-XVII вв. // *Ad Imperio*. 2003. № 3. С. 115.

³⁸ Duncan P. J. C. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. N.Y., 2000.

³⁹ Khrushcheva N. L. Lost in Byzantium (Putin and Russia Want to Return to Imperial Glory) // *LA Times*. 2008. June 1.

ИСТОРИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС...

Таким образом, борьба с мифами, становясь самоцелью, превращается в продуцирование контр-мифов, и тем самым лишь увеличивает вероятность политически утилитарного использования исторического знания.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ – НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ – ЭТНОЦЕНТРИЗМ

Национальная идентичность конституируется вокруг национальной культуры. Стержнем национальной культуры является ее канон. Несколько упрощая, можно сказать, что каков канон, какова национальная культура – такова и национальная идентичность. В течение последней четверти века функционирование канона национальной культуры, а вследствие этого конституирование национальной идентичности претерпели довольно значительные изменения. Для того чтобы избежать недоразумений, начну с разъяснений, каким образом я понимаю два ключевых понятия: национальная идентичность и канон национальной культуры.

Я исхожу здесь из того, что индивидуальная идентичность – это способ восприятия личностью самой себя. Индивидуальная идентичность является неоднородной структурой: в нее входят частичные идентификации, из которых личность пытается построить когерентное целое. Одной из составляющих полной индивидуальной идентичности является национальная идентичность – тот контент

ощущения своего Я, который был почерпнут из репертуара национальной культуры и ее канона¹.

В свою очередь канон это свод названий событий, людей и разнообразных продуктов культуры, о которых член национального сообщества что-то должен знать. Человека, который не знает польских рождественских блюд, которому ничего не говорят фамилии Мицкевича и Коперника, который не распознает развесистую иву или Гевонт как элементы польского пейзажа, мы будем считать странным поляком, даже если он родился в Польше и говорил по-польски. Вслед за Станиславом Оссовским следовало бы признать его не осознающим себя частью польского народа².

252

Каноны выполняют функции, легитимизирующие определенные порядки – идеологические, политические, культурные, а также (благодаря символам коллективной идентификации и связанным с ними ценностям норм эталонов поведения, идей) интегрирующие функции. Эта вторая функция особенно интересна в контексте наших рассуждений: от того, как функционирует канон в обществе, в значительной мере зависит то, в какой степени данная национальная культура насыщена этноцентризмом. Я попытаюсь описать этот механизм.

Каноны культуры (а также национальные культуры, являющиеся их базой) являются творением культурных

¹ Ср.: Kazimierska K. Biografia i pamięć. Kraków, 2008; Kłosowska A. Kultury narodowe u korzeni. Warszawa, 1996. Индивидуальная идентичность является также динамичной структурой, подверженной изменениям. Для упрощения мы, однако, опустим данный аспект идентичности.

² Ср.: Ossowski S. Więź społeczna i dziedzictwo krwi // Dzieła. T. 2. Warszawa, 1967.

элит, которые, действуя как своеобразные арбитры, из всей совокупности культуры осуществляют своего рода отбор, включая (номинируя) некоторые ее элементы в национальную культуру и канон, а некоторые из неё исключая.

Я разделяю точку зрения Флориана Знанецкого³ касательно того, что со сформировавшимися национальными культурами мы имеем дело, начиная с Ренессанса, хотя некоторые исследователи (например, Бенедикт Зентара⁴) начало этого процесса сдвигают на два – три века назад. Культурные элиты выполняют функции, подобные тем, какие осуществляют члены жюри – проводят отбор и включение (номинацию) отдельных элементов культуры в ресурсы национальной культуры и ее канон. Вместе с развитием образования этот канон распространяется во все более широких кругах общества. В общественном мнении также осуществляется окончательная верификация выбора/номинации элиты.

В кругу европейской культуры в состав канонов национальной культуры входят не только элементы родной культуры, но и элементы, почерпнутые из других культур. В случае «заимствованных» элементов канона национальной культуры мы имеем дело с двумя классами событий: политическими и художественными. Первые, как правило, связанные с событиями, в которые были вовлечены соседние народы, функционируют как антагонизирующая память.

³ Cp.: Znaniecki F. *Modern Nationalities*. Illinois, 1952.

⁴ Cp.: Zientara B. *Świt narodów europejskich. Powstawanie świadomości narodowej na obszarze Europy pokarolińskiej*. Warszawa, 1997.

254 Таким событием в польско-российских отношениях будет Катынь, в польско-украинских – Богдан Хмельницкий, в польско-чешских – Заользье и т. д. Совершенно иначе в коллективной памяти функционируют события, персонажи, артефакты, принадлежащие к художественному наследию, т. е. такие, канонический статус которых основывается на эстетических ценностях, (а следовательно, на свидетельствах, содержащих эстетическую оценку образа мира). В польской культуре примерами такого «чужого» наследия будет, в частности, Гете, Достоевский, Стринберг, Рембрандт, Луи Армстронг, Булат Окуджава. Как можно легко заметить, элементы художественного наследия других культур, функционирующие в каноне данной национальной культуры, не сводятся только к культуре соседей, как это обычно имеет место в случае политического наследия, во-вторых, они выполняют совершенно противоположные функции – не антагонизируют, а сближают. «Красота это то, что легче всего нас объединяет, причем наиболее загадочным образом, – писал Люк Ферри. – Если речь идет о великих произведениях искусства (...) существует согласие столь сильное и повсеместное, как ни в одной другой сфере»⁵.

Художественная культура является той сферой, в которой преобладает положительное отношение к *другим*. Здесь я имею в виду не то, что в художественных высказываниях другие народы, этнические, религиозные, расовые группы

⁵ Ferry L. Homo aestheticus // Sztuka i Filozofia 1994. № 9. С. 29.

и их члены представлены позитивно, а то, что *другие*, воспринимаемые сквозь призму *их* художественной культуры, становятся *другими-близкими*, в отличие от позиций по отношению к *другим*, сформировавшимся сквозь призму исторического опыта (в обыденном значении этого слова) или политики. Увлечение джазом на несколько десятков лет опередило правовые урегулирования, ликвидирующие дискриминацию чернокожего населения в Соединенных Штатах. Отношение поляков к русским изменяется диаметрально в зависимости от того, воспринимаются ли они сквозь призму опыта, полученного в результате контактов с их художественным или же политическим наследием. Россияне, воспринимаемые в перспективе достижений российской культуры – Достоевского или Толстого – будут представляться близкими, несмотря на негативное отношение обоих этих писателей к полякам.

Именно в таком значении можно говорить, что художественная культура является сферой положительного отношения к другим и выполняет функции *консультации*. «Убеждение в возможности преодоления конфликтов, возникших на экономической и политической почве, путем сближения культур, – писала Кłosковская – носит утопической характер (...) Символическая культура может [однако – А. Ш.] противодействовать тотализации конфликтов, предотвращая их распространение на все сферы жизни»⁶.

⁶ Kłoskowska A. Sąsiedztwo narodowe i uniwersalizacja kultury // Kultura i Społeczeństwo. 1991. № 4. С. 26.

Национальная культура и ее канон, о котором я только что писал, это уже прошлое. В течение последних тридцати лет вследствие культурных и социальных перемен он подвергся далеко идущим изменениям, а вместе с тем изменилась суть (ценности, идеи, эталоны поведения) национальной идентичности.

Утверждение, что в современных развитых обществах мы имеем дело с серьезной культурной дифференциацией отдельных групп и слоев – это трюизм. Однако, как правило, бывает так, что их горизонты культуры не являются совершенно разделенными. Чем выше слой, к которому принадлежит данный человек, чем выше уровень полученного образования, тем более обширным (хоть и не полностью отличным от членов других, более низких слоев) является диапазон его универсума культуры. Формулируя это иначе, как правило, бывает так, что в культурных универсумах всех слоев данного общества мы найдем определенный общий стержень, однородный канон культуры. Еще недавно все поляки знали Шопена и Мицкевича, кое-что знали о крещении Польши, хотя приписывали им разное значение (иначе их толковали). Интеллигенция и ее культура были эталоном для других слоев общества, продвижение по социальной лестнице было равнозначно с принятием образа жизни и ценностей интеллигенции. Такое положение вещей за последние тридцать лет изменилось.

Одним из последствий демократизации общественной жизни в девяностых годах XX века было отмирание однородной, иерархически упорядоченной системы институтов,

ответственных за социализацию и культурализацию. Наряду со школой, университетом, семьей появился в качестве чуть ли не равноправного партнера Интернет со своими блогами, форумами и целым созвездием образующихся вокруг них номадических сетевых сообществ. Это привело к распаду однородного культурного универсума и многомерной диверсификации канонов национальной культуры. В современном польском обществе мы имеем дело, по крайней мере, с тройкой дифференциацией канона национальной культуры.

Во-первых, это идеологические различия. Разные общественные группы обращаются к разным традициям: для одних самыми ценными в культуре будут освободительные традиции, для других – сильное государство или социальная справедливость. Такие различия в демократическом обществе совершенно нормальны.

Второй тип различий касается уровней культуры. В традиционном каноне (девятнадцатого и двадцатого веков) преобладала высокая культура (как бы ее ни понимать). Современные каноны, кроме канонов узкой элиты, если они вообще воспринимаются, созданы из элементов популярной культуры (звезды спорта, знаменитости).

В-третьих, сейчас мы имеем дело со структурной дифференциацией. Историческая культура двадцатого века была интеллектуальной культурой. Она содержалась в сообщениях, которые надо было интерпретировать, подвергать критическому анализу. Современная культура является культурой образов и зрелищ. Доминанция невербальных

сообщений – образов, хэппенингов, перформансов – ведет к тому, что эта форма общения с прошлым, которую я обозначаю термином «интеллектуальная культура», отмирает. В визуальной культуре не интеллект, а чувства играют первостепенную роль в опыте прошлого. Стоит отметить, что прошлое, переживаемое таким образом, в отличие от прошлого, переживаемого интеллектуально, невозможно так однозначно преобразовать в эталоны поведения или нормы, действующие в современном мире. Переживаемое таким образом прошлое приносит, прежде всего, эстетические впечатления, а в случае хэппенингов или перформансов также ощущение участия в группе, но в большей мере в группе соучастников зрелища, чем в сообществе прошлых и современных поколений.

По крайней мере, два последние из перечисленных здесь различий связаны с присутствием этноцентрических мотивов в национальной культуре. Преобладание элементов популярной культуры (прежде всего, звезд спорта) над элементами высокой культуры в каноне национальной культуры ведет к тому, что из канона национальной культуры исчезают элементы, связанные с художественным наследием других народов, а вместе с тем исчезают функции консилиации этого наследия, которые смягчали бы неблагоприятное отношение к другим. Более того, соперничество, которое является сутью спортивных состязаний, благоприятствует пробуждению мегаломании и агрессивному отношению к другим, прекрасной иллюстрацией чего являются способы представления спортивных

событий на Интернет-порталах (в Польше o2, wp, onet, interia). Структурная дифференциация, правда, не стимулирует этноцентрические позиции, но обременена «грехом бездействия». Чувственное, эмоциональное, но не интеллектуальное общение с каноном лишено таких механизмов консилиации, которые можно было бы привести в действие в случае появления национальных конфликтов.

Подводя итоги, могу сказать, что в вопросах этноцентризма я скорее пессимист, и не потому, что над нами висит призрак прошлых поколений, наоборот, угрозы, о которых я пишу связаны с новыми явлениями культуры и цивилизации. Надеюсь на то, что они будут не более опасны, чем то, что мы испытали до сих пор.

Часть IV

**НАЦИООБРАЗУЮЩИЕ
ПРОЦЕССЫ –
РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ,
ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЛИТИКОВ**

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ: СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПИСАТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В России, Украине, Польше писатель был (а в России и Украине остается до сих пор) наделен особым статусом; он не просто сочинитель, он учитель жизни, наставник общества, советчик или обличитель царей, своего рода светский старец. Строками писателей клянутся, обличают, зовут на бой. Последний яркий пример – бесконечное цитирование Тараса Шевченко на революционном Майдане 2013-2014 гг.; телевизионные трансляции позволили в прямом эфире наблюдать за тем, как лозунги евроинтеграции, универсализма и постиндустриального, модернизирующегося общества подкреплялись яркими, прекрасными, волнующими, но принципиально архаическими по духу, стилю и позиции строками национал-романтика XIX века.

Впрочем, насчет Украины должен идти отдельный разговор. Применительно к российской ситуации нужно указать на запоздалый выход из религиозно-теократического мироустройства в светское – как на ближайшую причину сакрализации фигуры русского писателя; начиная как минимум

с XVII века шла борьба за право влиять на умы – между церковью и литературой. Не случайно первые писатели, которые осознавали себя именно альтернативными учителями жизни и провозвестниками новой правды, были выходцами из церковной среды. Достаточно упомянуть Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева – первого из казненных русских литераторов; вспомнить протопопа Аввакума и его пустозерский кружок. До какой черты длится писательский труд по переделке несовершенного мира? «До самыя, Марковна, смерти».

В следующем, XVIII столетии, писатели освоили и другие ролевые позиции, близкие к этой, изначальной. Сначала была опробована роль духовного строителя империи, отца-основателя национальной науки, «помощника царям» (Ломоносов). Затем функция альтернативного центра моральной, а иногда и политической власти (московские мартинисты, от Новикова до Радищева). Наконец, Державин успешно примерил маску восточного мудрого «визиря», который не действует от имени государства, не интригует вместе с оппозицией, но имеет право «истину царям с улыбкой говорить».

Особый вклад в процесс сакрализации фигуры русского писателя внес Николай Карамзин. Его «Записка о Древней и Новой России», поданная императору перед самым началом войны 1812 года, свидетельствовала не только об изрядном личном мужестве автора «Писем русского путешественника» и «Бедной Лизы», но и о претензии на неформальное руководство царем. Русский

литератор объяснял русскому монарху, внешне почтительно, внутренне – дерзко, что такое настоящая политика, какие цели должен ставить перед собой государь, даже то, чем серебряные деньги по существу отличаются от ассигнаций. Консервативная программа была предложена Карамзиным не в качестве очередного проекта, предлагаемого помощником – властителю, а фактически в качестве предписания. На каком основании? По какому праву? По праву русского писателя, который причастен Истории, а поэтому может учить Современности.

Этот двусмысленный диалог был продолжен после окончания великой войны, когда Карамзин твердо решил для себя, что его «История государства Российского» (которая в той же мере была грандиозным академическим трудом, в каком и программным идеологическим документом, «формулой русского покоя») должна печататься от имени державы, в государственной типографии. И добивался аудиенции, чтобы получить соответствующую санкцию Александра Первого. В ответ царь навязывал Карамзину другую модель поведения, отказывался принимать историкографа, прежде чем тот нанесет унизительный для себя визит к всеильному временщику Аракчееву; тем самым Александр Павлович возвращал Карамзина к державинской модели поведения писателя перед лицом властителя. Не светский аббат, не моральный духовник, а визирь. И лишь после того, как гордый литератор склонил голову перед силой обстоятельств, обратился за посредничеством к Аракчееву, доступ к царю был открыт. Это удивительный

сюжет, свидетельствующий о том, что оба участника драмы, император и писатель, понимали символический смысл происходящего¹.

Пушкин, который во всех процессах русской культуры (в том числе и в вопросе о месте и статусе русского писателя) играл роль кристаллизатора, сумел синтезировать модели писательского поведения, предложенные предшественниками, от масонского и ломоносовского до карамзинского и державинского. Он и моральный конкурент царя, и визирь, и духовный наставник, и ходатай «от имени и по поручению» большого времени истории. А его литературные враги – носители позорной идеологии сервизизма; писатель, согласившийся стать обслугой (а не советчиком, не критиком, не помощником власти), разменявший высокое право вести за собой общество – на низменные интересы, становится фигурой вдвойне позорной, как Фаддей Булгарин или Николай Кукольник.

Здесь не место и не время разбирать в деталях отношений Пушкина с Александром I и Николаем I, обсуждать проблему «личной цензуры» государя и претензии на роль придворного историографа; достаточно сказать, что так или иначе после Пушкина почти каждый крупный литератор был обречен выбирать одну из кристаллизованных им возможностей; либо становиться конкурентом власти, либо визирем, либо духовным наставником, либо ходатаем. А когда писатель уровня Тургенева уклонялся от исполнения

¹ Подробнее я писал об этом в книге: Архангельский А. Н. Александр I / Серия: Жизнь замечательных людей. Изд. 3-е. М., 2012.

гражданского писательского долга, он подвергался обструкции как со стороны революционно настроенного круга разночинцев, так и со стороны Достоевского (который, в свою очередь, опробовал и роль конкурента власти, и роль наставника общества).

Между прочим, драма пронзительного публициста Герцена заключалась в том, что самым счастливым моментом в его жизни стал короткий период, когда его позиция совпала с позицией Александра II и появилась возможность влиять на власть через неподцензурную печать. (Как известно, государь в шутку просил передать Герцену, что отзовет подписку на Полярную звезду, если издатель не будет выражаться о нем помягче.) А проблема Толстого была в том, что протестуя против безраздельной власти государя и тотальной природы государства, он сам стал «альтернативным царем» и одновременно – «альтернативным Патриархом», который от имени и по поручению Русского Слова учит и Россию и мир, как дОлжно жить.

На эти поведенческие матрицы накладывалась параллельно происходившая канонизация русской классики пушкинского периода; происходил частью управляемый, частью стихийный отбор русского литературного канона. И школьное преподавание литературы, школьные хрестоматии сыграли в этом огромную роль². Канон приобрел настолько универсальные и незыблемые черты, что его не удалось ни отменить, ни разрушить после революции; очень быстро

² См. подробнее: Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / Сб. статей. Под ред. Р. Лейбова и А. Вдовина. Тарту, 2014.

лозунг «сбросим с парохода современности» уступает место практике преподавания литературы в школе на основе дореволюционного канона, лишь подвергнутого цензурным ограничениям и политически мотивированным дополнениям. Но и введение писателей «революционно-демократического лагеря», и вульгарный социологизм трактовок, и классовый подход оказались в одинаковой степени бессильны разрушить фундаментальную идеологию литературного канона как основы национальной культуры на все времена.

Таким образом, после краха прежней российской цивилизации сохранились два ключевых культурных института – общественно одобряемые модели писательского поведения и транслируемая массовой школой идея литературоцентричности. Так или иначе, к описанной выше матрице восходят все многочисленные и многократно разобранные примеры «писательского поведения» в XX столетии, от бесчисленных горьковских перепадов (революционный конкурент власти; контрреволюционный конкурент большевизма; главный советский писатель, назначенный властью) до трагических метаний Маяковского, внутренних монологов Булгакова, пастернаковского телефонного разговора со Сталиным и т. д. Впоследствии, иногда в героической, иногда в пародийной форме эти сюжеты повторяются в жизненстроительных практиках писателей 1960-1980-х годов, от Солженицына до Галича и от Бродского до Евтушенко. Причем русская модель литературоцентризма, прежде всего через школьную программу и через воспроизводимые практики общественного поведения, распространилась и на

многие национальные культуры в СССР, которые сами по себе не были так жестко запрограммированы на нее.

Это стало особенно очевидно в связи с приближающимся распадом СССР, крахом всех прежних институтов и отсутствием новых. Вакуум могли заполнить только те, за кем не тянулся шлейф партийного опыта; те, кто обладал личной легитимностью и с ее помощью склеивал разорванное государственное тело. Именно тогда филологи-академики Д. С. Лихачев, С. Аверинцев, Вяч. Вс. Иванов, публицист Ю. Карякин и многие другие стали временно исполняющими обязанности лидеров.

Такое происходило тогда повсеместно; именно с писательских съездов в Эстонии, на Украине и в Молдавии началась необратимая дезинтеграция СССР; переводчиками были первые президенты Эстонии и Грузии Леннарт Мери и Звиад Гамсахурдиа, этнографом и переводчиком первый президент сепаратистской Абхазии Владислав Ардзинба; трудно преувеличить роль, какую сыграли в истории распада империи профессор вильнюсской консерватории Витаутас Ландсбергис, национальные писатели Иван Драч, Чабуа Амирэджиби и другие представители гуманитарной интеллигенции, заместившей собою политическую элиту. Даже один из участников террористических операций чеченских боевиков (и впоследствии руководитель полунезависимой Ичкерии) Яндарбиев был поэтом и при советской власти успел выпустить книжку в издательстве «Молодая гвардия» под названием «Сажайте, люди, деревца!». И всюду они либо разминали почву для жестких и амбициозных поли-

тиков, которые за их спинами проходили во власть и брали ее, оттесняя гуманитариев, либо сами становились этой жесткой властью и забывали о гуманитарных ценностях. Едва ли не единственное исключение – Чехия с писателем Вацлавом Гавелом во главе, но даже Гавел не удержался от термина «гуманитарная бомбардировка».

Парадоксальным образом именно в эти годы общим местом литературной публицистики стали рассуждения о завышенном статусе русской литературы («Поэт в России больше, чем поэт») как о явлении исчерпанном и завершенном; именно потому, что у нас не было свободного парламента, независимой Церкви, открытой университетской кафедры, самостоятельной философии – словесность вынуждена была исполнять несвойственные ей функции и быть чем угодно, проповедью, исповедью, национальной формой философии, политическим клубом. Это было ошибкой; я в конце 1980-х написал статью под названием «Кто был всем, не станет ничем», пытаясь объяснить, что причина литературоцентризма и сакрализации фигуры писателя лежит глубже, что не только (хотя и они тоже) политические обстоятельства привели к тому, что литература в России стала одновременно и университетской кафедрой, и церковным амвоном, и суррогатным парламентом, а писатель – учителем жизни и прямым конкурентом власти. И что формальный институт так просто не уступит свои позиции.

Сегодня мы наблюдаем, что за прошедшие четверть века в России не сложился свободный парламент, нет независимой от государства церковной институции, не сформировалась

вольная философия и не появились альтернативные центры влияния, будь то мощная оппозиция или модернизирующаяся власть. Хотя внешне поменялось все – исторические обстоятельства, структура общества, экономика, идеология. Стоит политическому положению обостриться, стоит начаться кризису или слову эпох, как на арену вызывается писатель.

Если посмотреть на то, какие сюжеты были ключевыми для участников протестов, какие лидеры возглавили его, в глаза бросится одно обстоятельство. А именно: все эти сюжеты и все эти лидеры связаны с идеей «правды», с принципом морального авторитета, но не с принципом борьбы за власть. Кто формулировал цели шествий, кто вел переговоры с московскими властями о маршрутах? Журналист Сергей Пархоменко. Кого из ораторов на митингах встречали теплее других? Писательницу Людмилу Улицкую и писателя Дмитрия Быкова. Беллетрист (то есть, автор развлекательных романов) Б. Акунин становится голосом гражданского протеста³; он ведет за собой «рассерженных горожан» на прогулку – придумав и обосновав этот социально-поведенческий жанр. И от какой символической точки к какой символической точке ведет он своих последователей? От памятника Пушкину на Страстном бульваре к памятнику Грибоедову на Чистых прудах. А лозунги, которые несут участники прогулки, обличают несвободный парламент, зависимую Церковь, недофинансированный Университет.

³ Забавно и характерно, что Б. Акунин сразу после завершения активной фазы протестов принял на себя роль «нового Карамзина», облегченного для современной ситуации, и принялся в одиночку создавать многотомную альтернативную историю России.

Кто, в свою очередь, выступает главным медиумом власти, проповедником консервативной политики и «особого пути» России? Прозаик Александр Проханов. Что сегодня самым активным образом обсуждается в интеллигентском сегменте российского ФБ? Письмо русского писателя Михаила Шишкина, живущего в Швейцарии, с отказом от участия в российских программах мировых книжных ярмарок. Многосерийный фильм-монолог Евгения Евтушенко, показанный по главному федеральному каналу, и то, чья поведенческая правда выше – соглашательская и одновременно критичная позиция визиря, которую занимал Евтушенко, или презрительно-надмирная и напоминающая власти о ее ничтожном месте, которой придерживался Бродский. «Портит» ли Достоевского режиссер Константин Богомолов, авангардно поставивший «Карамазовых». И можно ли писателю ходить на встречи с Путиным, даже если писатель говорит ему о Ходорковском или политических заключенных по делу о 6 мая 2012 г.

О чем это говорит – в связи с заявленной темой? О том, во-первых, что за четверть века в России не утвердились новые общественные институты, а старые – одним из которых является литература и писатель как выразитель общественных чаяний – никуда не делись и самовоспроизводятся. О том, во-вторых, что культурно-социальное по-прежнему сильнее, чем политическое. И о том, в-третьих, что в данной ситуации протестная активность *не могла* привести к слому существующей государственной машины и возникновению новой.

НАРРАЦИИ ПРОШЛОГО И НАЦИООБРАЗУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Великие нарративы (master stories) народов и национальных государств Центральной и Восточной Европы (Россия, Украина, Белоруссия, Литва, Польша) остаются в сложной зависимости, а зачастую в конфликте. Эти повествования являются производением нациообразующих процессов XIX века и часто почерпнуты из гораздо более старых слоев культурной традиции.

Эти конфликты, хотя кажутся очевидными, как правило, до сих пор не описаны с достаточным объективизмом и дистанцией. Часто вместо такого аналитического описания мы имеем дело со спорами историков, принадлежащим к отдельным историографиям (поддерживающим нациообразующие процессы) – спорами, мнимо касающимися только того, «как было». Часто это споры неразрешимые, так как касаются они не только исторических фактов, но и их обширного толкования, которое, как известно, может быть разным. Часто не проводится достаточного различия

между историческими знаниями и общественной памятью прошлого, глашатаем которой в какой-то мере историк может являться. Надо отдавать себе отчет, что богатство детального исторического материала о данной эпохе может осложнить выяснение, насколько глубоко данный историк – хотя добросовестность его исследования не подлежит сомнению – погружен в какое-либо течение памяти и насколько он связан с более широкими общественными представлениями о прошлом.

Историография памяти, занимающаяся общественными представлениями о прошлом, позволяет установить дистанцию по отношению к повествованиям, сформировавшимся в XIX веке, а также дать себе отчет, каким образом можно разместить отдельные сегодняшние интерпретации на карте общественной памяти¹.

НАЦИООБРАЗУЮЩИЕ ДВИЖЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАМЯТИ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРОШЛОГО

Устремлением нациообразующих движений XIX века было обладание собственной историей, причем историей, уходящей своими корнями в как можно более отдаленное прошлое – историей, которая в теории современной историографии часто именуется примордиальной.

¹ Дискуссия о понятии «историография памяти» См.: Wóycicki K. Zagadnienie historiografii pamięci // Orbis Linguarum. 2009.

Так Украина видит свое начало в Киевской Руси, подобно тому, как Россия, Литва – в Великом княжестве Литовском, а Белоруссия, в некоторой степени, и в Киевской Руси, и в Великом княжестве². Польша находит свое начало в государстве Пястов, но в XIX веке Польшей будет называться вся территория прежней Речи Посполитой. Эти представления часто кажутся очевидностью – настолько глубоко они вросли в отдельные культуры. Но это не означает, что они остаются совершенно бесспорными в более широком контексте.

Автор украинского национального нарратива Михаил Грушевский (а вслед за ним главное течение в современной украинской историографии) отрицает, возможность рассмотрения Киевской Руси, как начала России. Украинской интеллектуал Богдан Осадчук пишет об «украденной истории», имея в виду «присвоение» истории Киевской Руси царской Россией.

В свою очередь, для российской историографии обособленность истории Украины стоит, по меньшей мере, под вопросом. Для российской историографии, но также для повсеместных представлений и коллективной памяти прошлого, Украина и Белоруссия являются русскими землями, то есть территорией, важнейшую и центральную часть которой составляет Россия.

² Белорусский нарратив некоторым образом отделяет историю Полоцкого и Туровского княжеств от общей истории Киевской Руси, делая оба эти средневековые политические образования началом белорусской государственности. Другим нарративным приемом является представление общности Кривичей как начала белорусской нации. Именно такой прием использует Вацлав Ластовский, которого часто называют отцом белорусской историографии. См.: Вацлаў Ластоўскі. Выбраныя творы. Минск, 1997.

Для литовцев Великое Литовское Княжество, конечно, является литовским, тогда как для белорусов (Ластовский) оно таковое только по названию, по сути же это было государство в преобладающей мере белорусское. Об этом должен был свидетельствовать язык господарской канцелярии и официального делопроизводства, которым должен быть «древнебелорусский»³.

Прежняя Речь Посполитая является в глазах литовцев инструментом полонизации, в глазах белорусов – упразднения православия, а для украинцев – господства над «русским» элементом (или же «ранне-украинским»).

С конца XVIII века на большинство этой территории вторгается Россия, в которой – как и в других местах – в XIX веке конструируется современная версия исторической идентичности. Теория западнорусизма и малорусизма, собирания земель русских формирует российские представления о прошлом. В российском случае важен имперский компонент этих представлений с концепцией «третьего Рима» и восприятием России как отдельной цивилизации, а не только нации.

Ситуацию дополнительно осложняет наследие эпохи коммунизма. Прежние «дореволюционные» толкования и представления были предметом критики, но со временем становились сырьем для формирования новой картины

³ По сути, генезис современного белорусского языка кажется гораздо более сложным, и название тогдашнего канцелярского языка ВКЛ «дневнебелорусским» кажется одновременно и упрощением, и методом конструирования соответствующей наррации. См.: Языкознание и Белоруссия. С Эльжбетой Смужковой беседует Анна Энгелькинг // *Pogranicza języków. Pogranicza kultur. Studia ofiarowane Elżbiecie Smułkowej*. Warszawa, 2003.

прошлого, отвечающей политическим и пропагандистским потребностям. Советская история при этом переживает бурную эволюцию от акцентирования «классовой» интерпретации общественных процессов до все более неоимпериальной интерпретации позднего сталинизма⁴.

Распад советского блока в 1989 году, а затем распад Советского Союза два года спустя открывает потребность и необходимость реконструкции идентичности, в том числе исторической, отдельных государств – государств, имеющих национальный характер. Возвращаются старые проблемы и конфликты, появляются также новые. Некоторые из более или менее открытых и постоянно проявляющихся споров великих нарративов, такие как польско-литовский или польско-украинский, оказываются по политическим соображениям несколько скрытыми. Некоторые, например, литовско-белорусский, остаются недостаточно вербализованными. Некоторые же, подобно российско-украинскому, проявляются, в полной мере. Не принимая во внимание украинцев и белорусов, существует глубокий конфликт великих нарративов – российского и польского⁵.

Перечисленные здесь конфликты и различия являются не только результатом различных интерпретаций профессиональных историографий, но и часто результатом

⁴ Yekelchik C. *Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination*. Toronto 2004. Есть также украинский перевод этого необыкновенно интересного труда, посвященного советской исторической политике на Украине.

⁵ Прекрасный пример этого стремления к российско-польскому диалогу над головами украинцев и белорусов приводится в: Неменский О. Поляки и русские: народы разных времен и разных пространств // Вопросы Национализма. 2010. № 3. С. 24-37.

совершенно разных культур памяти и коллективного представления о своем прошлом, картины прошлого соседей и картины прошлого более широкой сферы, к которой они принадлежат. Следует говорить о глубоком антагонизме, хотя зачастую невидимом и неописанном, разных культур памяти. Здесь есть различия и своеобразия, которые часто ведут к политической напряженности, или, во всяком случае, служат их эмоционализации.

ОБЩНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

278

Даже наиболее поверхностный взгляд на исторический атлас позволяет сделать вроде бы банальное, но очень важное заключение, по сути своей пропускаемое во многих описываемых спорах: Великое княжество Литовское заняло значительную часть территории Киевской Руси. Затем почти на этом же пространстве появилась Речь Посполитая, а еще позднее – Россия. Очередные исторические карты представляют один и тот же европейский еврорегион, у которого, однако, нет никакой совместной наррации своего прошлого. Часы историков⁶ отдельных народов (или же субрегионов этого макрорегиона), кажется, никоим образом не синхронизированы, как будто на этой территории в каждой культуре памяти время протекало по-разному.

⁶ Такое необыкновенно интересное определение использовал Марчин Куля. См: Kula M. Zegarek historyka. Warszawa, 2001.

В XIX веке каждый из формирующихся современных народов ссылался на удобную для себя интерпретацию прошлого. Эта интерпретация должна была дать картину исторической непрерывности примордиального (извечного) народа от его начал до нынешнего времени. Эта древность (извечность) и непрерывность должна была также легитимизировать собственное государство в исторически (часто более чем этнически) определенных границах. Таким образом, конфликт нарративов часто становился также территориальным спором.

Следует констатировать, что Центральная и Восточная Европа здесь не является каким-то исключением и не отличается от Западной Европы. Спор об историческом наследии империи Карла Великого разделял французов и немцев в течение всего XIX и большей части XX века. Вопрос, был ли Карл Великий французом или немцем, который сегодня кажется нам столь наивным, был некогда предметом жарких споров, прежде чем стало возможным примириться, утверждая, что был европейцем (или же констатируя, что не было о чем спорить).

Дискуссию о великих нарративах на территории центрально-восточной Европы можно направить в подобное русло. Киевская Русь это колыбель многих позднейших государств и народов, так же, как Великое Литовское Княжество, давняя Речь Посполитая или царская Россия (здесь я имею в виду ее европейскую часть). Спор «примордиализмов» неразрешим, и хотя его истоки мы можем искать в еще более древнем прошлом, в нынешней форме

он является, прежде всего, продуктом XIX века и продуктом нациообразующих движений XIX века, стремящихся к выделению и автономизации собственных исторических представлений. О прошлом в XIX веке хотелось рассказывать, прежде всего, «своим», тем, кто должен был стать членом формирующейся современной нации. Исторические представления должны были быть инструментом формирования национальной идентичности. В Европе, главной задачей которой является интеграция, существует естественная потребность диалога между отдельными культурами памяти.

НАСЛЕДИЕ И ДИАЛОГ НАРРАЦИЙ

Культурное наследие является чем-то устойчивым. Трудно себе представить, чтобы в польской культуре наступил отказ от представления о давней Речи Посполитой, от чтения трилогии Сенкевича только в силу текущих политических потребностей, какими является примирение с россиянами, украинцами или немцами. Трудно также представить себе, чтобы в российской культуре исчезло представление о Киевской Руси, чтобы ничего не было известно о теории «третьего Рима». Это было бы не изменением великих нарративов, а атрофией коллективной памяти, отбрасыванием наследия культуры. Это могло бы быть результатом наивного убеждения, что, попытавшись о чем-то забыть, мы ликвидируем все конфликты, возникшие в прошлом.

Это наследие может трактоваться по-разному. Не отказываясь от собственного наследия, но стараясь глубже его понять, можно искать единения с другими.

Карл Великий сегодня не является предметом француско-немецких споров, как это было в течение всего XIX века. Так же и прошлое пространства Центральной и Восточной Европы, которое в прошлом было территорией многокультурных и многоэтнических исторических государств, не обязательно должно быть предметом спора историографий «с национальным уклоном». Можно пере-сказывать друг другу свои истории, помня, что речь идет о разных культурах памяти, а не обязательно о монополии на историческую правду.

ПОПЫТКА РЕЗЮМЕ

Подход, который предлагает историография памяти, может помочь понять многие противоречия между польской, украинской, белорусской и литовской сторонами в отношении подхода к прошлому. Эти противоречия часто являются не результатом расхождений во взглядах на ход прошлых событий, а их оценки и значения, а также места в коллективном историческом сознании.

Путем преодоления этих противоречий может быть не только изучение самого прошлого, но также исследования коллективной памяти прошлого и различий между отдельными культурами этой памяти. Прогресс в этой области потребовал бы анализа школьных и вузовских учебников

истории, изменений в литературном каноне и т. д. Условием успеха такого анализа должно быть тщательное разграничение между историографией прошлого (исследований – как это было) и историографией памяти (каким образом запоминается прошлое).

Как кажется, без должного знания о нарративах участников диалога трудно прийти к соглашению. Даже если в ходе детальных исследований будет достигнут совместный прогресс и будут преодолены споры, касающиеся фактов и описания отдельных событий, не будут ликвидированы разногласия, касающиеся разных интерпретаций, определяющих глубокие различия в культурах памяти.

Отсюда возникает необходимость – с польской стороны – очень тщательного подхода к нарративу давней Речи Посполитой, которая была колыбелью многих национальных культур, имеющих разный подход/нарративы ее прошлого. Слишком поспешная констатация, что прошлое Речи Посполитой объединяет все народы, которые возникли на ее территории, часто может осложнять, а не облегчать взаимопонимание.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИКОВ ЗА РАЗЖИГАНИЕ КСЕНОФОБИИ И РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

В конце ноября 2013 накануне саммита «Восточного партнерства» в Вильнюсе, на котором Украина так и не подписала соглашение с ЕС, несколько крупнейших европейских газет (Le Monde, The Guardian, Financial) и другие провели мозговой штурм, оценивая политику России. Все эксперты отметили несомненные внешнеполитические успехи России (в вопросах о Сирии, Ирану и особенно в связи с отказом властей Украины от соглашения с ЕС). Это ожидаемые оценки. Меня же заинтересовало сравнительно неожиданное предположение, высказанное некоторыми экспертами, о том, что внешнеполитическую активность России последних месяцев, во многом, имеет целью скрыть нарастающий внутренний кризис. У гипотезы о развитии российского политического кризиса, на мой взгляд, есть реальные основания, хотя Центр стратегических разработок (ЦСР), авторитетная в России аналитическая организация, в июле 2013 г. представил доклад, в котором

отмечал, что «за год после политических протестов, если взять последней его датой события на Болотной площади 6 мая 2012 года, президент Владимир Путин, “Единая Россия” и в целом власть смогли “успокоить” население». Вместе с тем авторы доклада, констатировавшего снижение уровня политических протестов, обратили внимание на совершенно неожиданный для них взлет протестов в форме этнических бунтов. На первой же странице доклада они признавались: «...в отличие от предыдущих докладов, мы даже не пытаемся дать обоснованное объяснение причин происходящего». Мне же происходящие перемены не кажутся непонятными и непредсказуемыми.

ВЗРЫВ КСЕНОФОБИИ ЖИТЕЛЕЙ ОСАЖДЕННОЙ КРЕПОСТИ

Мониторинговые исследования ведущего социологического института России («Левада-Центра») показывают, что сложившийся к концу 2013 г показатели ксенофобии беспрецедентно высоки, самые высоки почти за четверть века наблюдений.

ТАБЛ. 1. ПОКАЗАТЕЛИ ПРОЯВЛЕНИЙ КСЕНОФОБИИ В РОССИИ
(По материалам Левада-Центра, в % к числу опрошенных)

Годы	1999	2009	2011	2012	2013
Есть ли у России враги?	65	69	70	63	78
«Россия для русских» (поддержка лозунга)	55	54	55	56	66
Раздражение, неприязнь и страх по отношению к выходцам из Средней Азии и Кавказа	48	33	39	47	59

Особенно заметно возросли подозрения россиян относительно внешних врагов России. Если еще в прошлом году, основной «внешний враг» прочно ассоциировался в сознании с США, то в нынешнем году особенно осенью, когда началась информационная кампания по предотвращению сближения Украины с ЕС, резко ухудшилось восприятие россиянам европейских стран. Они тоже стали восприниматься как вражеские. Возросла неприязнь и к мигрантам из южных республик бывшего СССР.

Вот она современная идентичность большей части россиян! Это идентичность жителей осажденной крепости, окруженной врагами извне и переполненных фобиями по отношению врагов внутренних. Впрочем, высокий уровень ксенофобии сегодня характерен и для многих других стран. Растет он и в Польше. Чего нет в современной Европе, так это такого уровня перехода от ксенофобии в сознании к ксенофобии в действии по отношению к этническим меньшинствам, т. е. готовности людей к проявлениям насилия к этническим погромам.

Если в 2006 г. в России за пределами Северного Кавказа было лишь одно крупное межэтническое столкновение, в Кандопоге (Карелия), то в 2013г, уже к ноябрю, вспыхнуло сразу пять крупных многодневных столкновений так или иначе связанных с насилием. В г. Пугачево (Саратовская область) в г. Среднеуральск (Свердловская обл.), г. Нурлат, (Татарстан), в Бирюлёво (на юге Москвы) и в Петербурге. По данным генпрокуратуры России на март 2013 г., количество преступлений, направленных на «разжигание

национальной розни» выросло в пять раз по сравнению с 2004 г. Причем феноменальный их рост зафиксирован в самых неожиданных регионах, например, в недавно еще относительно благополучном Сибирском федеральном округе – на целых 84 процента.

Рост националистической агрессивности привел к тому, что угасавшие (в 2007–2009 гг.) страхи относительно возможности возникновения кровавых конфликтов снова стали оживать в 2011, а к 2013 г поднялись на беспрецедентно высокий уровень, охватив 2/3 населения России.

ТАБЛ. 2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ВОЗМОЖНЫ ЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КРОВОПРОЛИТНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ» (МАТЕРИАЛЫ «ЛЕВАДА-ЦЕНТРА»)

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
В % к числу опрошенных	50	49	39	23	39	43	57

Как объяснить эти перемены? Думаю, что копившееся массовое недовольство, еще год назад проявлявшееся у части граждан в политических протестах, дало крен в этническую сторону. И этого следовало ожидать: ведь до политических выступлений конца 2011 – начала 2012 года все протестные движения, даже те, которые начинались с критики властей и тотальной коррупции, быстро обретали форму этнического или религиозного противостояния. Когда политические митинги угасли, протесты вновь вернулись в привычное этническое русло. Оно

заманчиво не только тем, что предполагает простые объяснения — во всех бедах виноваты «чужаки». Главное, что и решения проблем кажутся понятными и легко выполнимыми — «изгнать чужаков, не пускать новых». По сравнению с ними политические требования оппозиции, например, «честные выборы» кажутся оторванными от жизни и нереализуемыми. Простота нынешних этнических лозунгов в чем-то привлекательна и для властей: «гнать и не пущать» — привычные термины российского чиновничьего лексикона, куда более понятные и приятные их слуху, чем слова «модернизировать» или «реформировать». Понятно, что власть заинтересована в том, чтобы направить массовые агрессивные эмоции, вызванные, в наибольшей мере неудовлетворенностью действиями властей на каких-то внешних по отношению к ней врагов. Важно и то, что ксенофобия, охватывающее больше половины населения, становится ценным политическим ресурсом особенно в таких странах как Россия, в которой преобладает догражданская, подданническая культура; не сложились устойчивые политические течения и преобладают популистские лидеры. Они не являются в строгом смысле элитой, поскольку не выступают образцами для подражания. Они не занимаются просвещением масс, а напротив сами опускаются до массовых предрассудков и эксплуатируют самые низменные стереотипы толпы.

СПРОС НА СТРАХИ

На основе анализа массовых Интернет-сообществ и элитарных групп в блогосфере, руководимая мной исследовательская группа пыталась определить идеологический портрет современной России. Методология этого исследования достаточно подробно изложена в нашей коллективной статье¹. Вырисовались четыре узнаваемых «лица»: либеральное, левое, националистическое и провластное. Это те идеологические течения, которые проявились в России еще в начале XX века и сохранились в исторической памяти, несмотря на более чем семидесятилетнюю монополию в СССР одной партии – коммунистов. Восстановившееся идеологическое разделение российского общества весьма аморфно, что понятно: люди самоопределяются на основе тех признаков, которые сохранила наша историческая память, а кроме левых – правых, либералов – державников мы вряд ли что-то помним. В массовом Интернете («ВКонтакте») идеологическая направленность групп узнаваема уже по названию, вроде «Я русский», «Наша Родина – Советский Союз», «Коммуна» и т. п. Их изучение позволило нам сосредоточиться на тех социальных феноменах, которые обычные опросы общественного мнения оставляют незамеченными. Анализ контента Рунета позволяет анализировать не только сиюминутные оценки и настроения респондентов, но и устойчивые

¹ Паин Э., Мохов С., Поляков Е., Федюнин С. Этнополитические процессы в зеркале Рунета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 133-160.

идеологические объединения, обладающие специфическим самосознанием и особым языком. Именно с составления словаря такого сообщества начиналось наше исследование. Мы выделили наиболее популярные и устойчивые тематики обсуждений в различных Интернет-сообществах, а также ключевые, специфические только для данного сообщества, слова и семантико-смысловые конструкции их дискурсов.

Наибольшую группу в Рунете формально составляют сторонники действующей власти. Однако после детального изучения мы дали ей другое название – «материковая масса советских людей». Это те люди, которые всегда в большинстве и всегда составляют опору власти, даже если политический режим радикально изменяется. Сегодня они поддерживают партию «Единая Россия» и близкие ей партии типа партии В. Жириновского (ЛДПР), а также религиозно-православные группировки, но многие из этих людей в 1990-е поддерживали партию «Наш дом – Россия», созданную Б. Ельциным, а в свое время – и либералов Е. Гайдара и А. Чубайса. Конформизм – вот свойство, которое прежде всего отличает данное сообщество, использующее для самоописания, в качестве главного признака, словесную конструкцию «мы большинство» или «мы как все». Другой его характеристикой этой инертной массы имперского, советского общества является спрос не только на «хлеб и зрелища», но и на страх. Топ 5 самых популярных (часто обсуждаемых среди пользователей Рунета) политических публикаций и телевизионных передач за 2012 год

составили так называемые «страшилки» – пропагандистские материалы о заговоре Запада против России:

1. А. Фурсов: «Сирия дальний рубеж России» (с 4.06.2012 по 11.06.2012). Он же. «Бьют по Сирии, а целятся в Россию!» (с 6.08.2012 по 13.08.2012)
2. В. Якименко о возможности повторения в России «Ливийского варианта» (с 22.08.2011 по 29.08.2011)
3. А. Дугин: «Армия сатаны атакует» о происках Запада в России (с 3.09.2012 по 10.09.2012)
4. А. Мамонтов: Фильм «Шпионский камень» (с 16.01.2012 по 23.01.2012), о сотрудничестве российских правозащитников с английской разведкой.
5. Серия статей, посвященная критике вступления России в ВТО (в течение всего года)

Власти инициируют и поддерживают распространение в масс-медиа материалов о коварстве и враждебных по отношению к России происках Запада, подражая информационной политике Белоруссии и Ирана, Кубы и Венесуэлы. Нужно признать, что такая пропаганда дает результаты: образ западных стран сильно дискредитирован в массовом сознании.

Точно таким же образом конструируются страхи и неприязнь по отношению к врагу внутреннему, прежде всего, к мигрантам. Выразительным примером технологии нагнетания ксенофобии стали сентябрьские региональные выборы в России.

КАК КОНСТРУИРУЕТСЯ КСЕНОФОБИЯ

Скоротечные московские выборы 2013 года сильно разогрели мигрантофобию, а вслед за ней испортили межэтнические отношения. О проблеме мигрантов говорило большинство участников избирательной кампании. Но самым активным на этой ниве был тогдашний и. о. мэра, а нынешний мэр – Сергей Собянин. Фактически он начал свою избирательную кампанию еще в мае, так что ко дню начала кампании (13 июня) он уже порядком поднадоел со своей главной идеей о том, что избыток мигрантов является «главной проблемой города». К 20 июня от его частого употребления антимигрантской риторики затошнило даже националистов. Дмитрий Демушкин, представитель националистического объединения «Русские», в сердцах воскликнул: «Эмигранты и Собянин – последний месяц я только это и слышал. Более того, они умудрились своровать даже у нас несколько пунктов из программы, выступить с ними...».

Власть не только опускается до стереотипов массового сознания, она их еще и формирует. Опросы Левада-Центра показали, что в июле 2013-го, впервые за все годы наблюдений, проблема мигрантов была названа главной для москвичей. Между тем еще в феврале в списке главных проблем лидировали «уличные пробки» (54 %), «высокие цены на товары первой необходимости» (48 %) и «рост коммунальных платежей» (44 %). Эта первая тройка проблем сохранялась с 2009 года. Так что же произошло в Москве

с февраля по июль? Тарифы, цены и пробки на дорогах только возросли, а массового притока мигрантов в столицу не наблюдалось. Почему же вдруг так обострилась именно миграционная проблема? Единственное летнее событие, которое могло взвинтить общественное мнение, настроив его против мигрантов и всех «чужих» была сам столичная избирательная кампания. При этом в раздувании мигрантофобии и этнофобии участвовали и представители оппозиции, в том числе и той, которая позиционировала себя как либеральная.

Руководимая мной исследовательская группа проанализировала выступления в «Живом журнале» двух молодых политиков этого направления: А. Навального и В. Милова за 2010-2013 гг. Выяснилось, что у обоих политиков националистический контент составляет малую долю от общеполитического, антикоррупционного, антивластного, реформаторского контента. Но любопытна динамика националистической риторики.

Навальный начинал с националистических идей, пик его интереса к ним пришелся на декабрь 2010 г., когда произошла сама массовая демонстрация националистов. А вот после избрания А. Навального в Координационный Совет оппозиции (октябрь 2012) заметен спад его интереса к этой тематике. Этот политик, зная о неприятии членами Совета оппозиционных сил и большинством либералов, в целом, националистической тематики, стал сокращать ее объем в своих выступлениях в пользу тем общегражданского содержания.

Совершенно иная динамика политических взглядов проявилась у Милова. Если в 2010 г. его политический контент в огромных масштабах превосходил националистический, то в 2012 и особенно в 2013 гг. политический и националистический контенты почти сравнялись по объему, но еще важнее то, что они сблизились по содержанию. Вся политическая риторика Милова окрасилось в националистические тона. Навальный владеет своим националистическим дискурсом и использует его в прагматических целях, тогда как в случае со вторым из рассматриваемых персонажей мы видим, как националистический дискурс все в большей мере овладевает Миловым. Это заметно в содержании его текстов. Так, Милов часто упоминает В. Суркова (бывшего главного идеолога Кремля в первую каденцию Путина), но не за содержание его деятельности, а лишь потому, что Сурков наполовину чеченец и именно над этим все чаще насмехается Милов. Для меня образ Милова важен потому, что он демонстрирует не прагматическое использование национализма, а процесс заражения им, как болезнью, весьма опасной для молодых политиков. К тому же в России к либералам относят людей, которые таковыми реально не являются, поскольку не признают фундаментальность и первичность прав и свобод человека. Это люди правого толка, признающие только один вид свобод – свободу частной экономической инициативы, фритредерства – в этом смысле они такие же либералы, как куклуцкляновцы.

КТО ПОЛУЧАЕТ НАИБОЛЬШУЮ ВЫГОДУ, РАЗЫГРЫВАЯ КАРТУ КСЕНОФОБИИ?

Это может многих удивить, но при гигантском росте ксенофобии у русского населения и при росте поддержки лозунга «Россия для русских», организованный русский национализм не только не растет, но даже слабеет. «Движение против нелегальной эмиграции», некогда самое популярное националистическое движение, оказалось разгромленным, и никто его место как координатора националистических сил не занял. Ежегодные демонстрации националистов «Русский марш» (проводятся 4 ноября) собирают все меньшее число участников. Почему? Во-первых, потому, что с конца 2012 г. слабеют все формы самоорганизации, в том числе и националистические организации. Во-вторых, потому, что лозунги националистов активно перехватываются властями, прежде всего – региональными. Еще в прошлом году только националисты, например, «Движение против нелегальной эмиграции», требовали ввести визы со странами Средней Азии и Кавказа, а ныне это требование выдвигает и московский мэр Сергей Собянин, видный член нынешнего российского политбюро. Но ведь такой перехват у националистов их лозунгов происходит не только в Москве. В Ставропольском крае местное отделение русской националистической партии «Новая сила» требовало закрыть «лишние» избыточные мечети в городах края, а на последних сентябрьских выборах с такой инициативой выступила Администрация

г. Пятигорска – фактической столицы Северокавказского федерального округа.

Впрочем, и власти ограничены в раздувании ксенофобии и русского национализма, поскольку тем самым прикасается к святыне – нерушимому единству России. Основным объектом ненависти русского национализма выступают граждане России, из республик Северного Кавказа, но такая ксенофобия встречает сопротивление со стороны властей этих республик. Даже Президент Чечни Рамзан Кадыров, который постоянно клянется в верности Путину, и тот уже не раз выражал «серьезное беспокойство» по поводу участвовавших случаев оскорблений и избиений чеченцев, а уж уполномоченный по правам человека в Чечне Нурди Нухажиев отправил соответствующие обращения в адрес генерального прокурора России, прокуратуры Краснодарского края и Южного федерального округа.

Подъем ксенофобии и русского национализма оказывает не только прямое воздействие на рост ответного недовольства этнических и религиозных меньшинств. Еще опаснее его косвенное влияние на подъем терроризма, прикрывающегося якобы исламскими идеями. В июле 2013 г. лидер северокавказских боевиков Доку Умаров призвал к срыву Олимпиады-2014 в Сочи и отменил мораторий на проведение терактов на территории России. Напомню, что 2 февраля 2012 года Умаров дал приказ своим подчиненным «избегать атак на мирные цели», объяснив это тем, что в России стал заметен рост гражданских протестов против курса властей. Ныне же, когда гражданский протест угас,

Умаров отдал приказ об «отмене моратория на террористические акты против гражданского населения» и возвращении к прежней стратегии «Имарат Кавказ», согласно которой все население России признается врагом будущего эмирата. Вскоре после приказа Умарова, последовал кровопролитный теракт в Волгограде (22 октября 2013 г.), а в отместку за него, уже 23 и 24 октября бутылки с горючей смеси полетели в волгоградские мечети. Так русский национализм усиливает исламский терроризм, который, в свою очередь, подталкивает новые вспышки русского национализма.

ИТОГИ

1. России действует своеобразный закон сохранения энергии: протестные настроения не исчезают, они лишь постоянно меняют форму, то проявляясь в виде политических движений, то превращаясь в этнические бунты, погромы и религиозно окрашенный терроризм.
2. Сегодня преобладают именно этнические и религиозные формы протеста, который выражается, в том числе, и в росте идеологии русского этнического национализма: появлении требований закрепить за этническим большинством особый политический статус государствообразующего народа или, по крайней мере, обеспечить русским политический протекционизм со стороны государства.

3. Фактически эту идеологию используют не столько самоорганизующиеся группы русских националистов, они даже слабеют, сколько местные и региональные власти как механизм мобилизации своего электората.
4. Общий кризис политической системы в России будет углубляться, сопровождаясь ростом недовольства населения. Оно уже проявляется и будет проявляться не только во взрывах фобий, т. е. болезненных иллюзорных страхах и ненависти к этнически, религиозно «чужим», но и в форме вполне рациональных претензий к сложившимся социально-политическим условиям. Вот уже несколько лет устойчиво растет доля россиян, выражающих недоверие «партии жуликов и воров». Последние два года этот лозунг поддерживает более половины населения.
5. Пока неизвестно в какую сторону сдвинется общественный протест в России: в политическую или этническую? Однако вполне определенно можно говорить, на примере недавнего российского опыта, что политические акции, в отличие от этнических беспорядков, продемонстрировали удивительные консолидирующие способности. В политических демонстрациях 2011–2012 гг. на Болотной площади и на проспекте Сахарова принимали участия представители разных идеологических течений, политических взглядов, этнических общностей и религиозных воззрений. Таковую же солидарность разных этнических групп мы наблюдаем ныне в Киеве, среди демонстрантов, выступающих за

Эмиль Паин

европейский выбор Украины. Солидарность граждан в решении общих для всех вопросов всегда снимала болезненность восприятия культурных, этнических и религиозных, различий, сохраняющихся веками. Я надеюсь, что такая же гражданская солидарность в обозримой перспективе проявится и в России.

ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПОЛЬШИ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДВУМЯ НАРОДАМИ

Идентичность общества постсоветской России продолжает оставаться серьезной проблемой. Это проблема многогранная, включающая этнические, религиозные и общественно-исторические вопросы (историческая память, географические, политические, культурные условия).

Первоначальная, славянская природа Руси, содержащая также демократические элементы, присутствующие в Киевской Руси или в Великом Новгороде, была сломлена азиатскими обычаями, привнесенными татаро-монгольскими захватчиками, а затем принятием в XV столетии византийской политической и общественно-философской традиции. Эта амальгама создала специфический тип политической культуры, определяемой также выдающимися российскими знатоками проблематики цивилизации (Г. Федотов, Г. Померанц) как Московия. Ей были свойственны такие черты, как необыкновенно однородный, ригористический и ритуализированный тип обычаев,

выраженный в «Домострое», абсолютная подчиненность индивида коллективу и государственной власти, ее сакрализация, отрицающая любой индивидуализм и личную свободу. На другом полюсе этой антиномии возникали в результате склонность к анархическому пониманию свободы, правовой нигилизм, презрение к сформированной системе общественного порядка. Это создавало психологические основы для политики непрерывных интриг в верхах власти, предательств, братоубийственных войн, подозрительности, жестокости.

С XVI века Россия систематически увеличивала свою территорию, создавая со временем империю, которая поглощала все новые этнические группы с разными традициями, вероисповеданиями, системами ценностей. Постоянное экстенсивное развитие, давая возможность эксплуатации огромных территорий и человеческих масс, в то же время тормозило внутренний прогресс, консервируя архаические общественно-экономические и политические структуры. В начале XVIII в. Петр Великий совершил перелом в этой традиции, селективно перенося на российскую почву некоторые элементы европейского Просвещения. Без его реформ Россия безвозвратно потеряла бы контакт с европейской цивилизацией. Но их другим обликом, однако, являлся абсолютизм, крайне авторитарные методы власти, разрывающие упроченные общественные узы. Результатом этих реформ стала цивилизационная пропасть, разделяющая российское общество на элиту, аристократию, в значительной мере космополитическую, и на «допетровский» народ,

несущий коллективную ответственность в деревенских общинах, лишенный прав, полный противоречий в своей темноте, но и великодушии. Отношение к реформам Петра разделил российских интеллектуалов в XIX веке на их сторонников – западников (П. Чаадаев и его последователи – А. Герцен, В. Белинский) и славянофилов, романтизирующих «мир», древнее российское прошлое, и с ненавистью относящихся к цивилизации Запада (И. Киреевский, А. Хомяков, И. Аксаков). Эти разделы определили форму идейно-политического диспута в дореволюционной России и в значительной мере продолжают влиять на самоидентификацию ее политических элит и в настоящее время. Бенефициар российской революции – большевики – использовали оба течения российской политической мысли и ее практических указаний. Они осуществляли западную, по сути, модернизацию общественно-экономических структур, исходя из западной социалистической критики либерального капитализма, и в то же время, используя потенциал российской отсталости и содержащейся в ней революционной энергии масс, придали советской России характер уникального «восточного» эксперимента, вытекающего из отличия России от истории Запада. При этом они использовали миф российского мессианства, предназначением которого было спасение мира от зла мещанского Запада.

Уже этот поверхностный взгляд на исторические судьбы России доказывает, что она подвергалась многочисленным внешним влияниям, как европейским, так и азиатским, которые осложняют однозначное определение

ее идентичности. Россия с точки зрения культуры не до конца сформирована, что, однако, не является ее слабостью, а наоборот, многие народы она пленяет своей особенностью и силой. Российский народ одарен необыкновенными талантами, которые не помещаются в узких рамках национальных культурных кодов. В своих самых выдающихся проявлениях, как, например, в литературе Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, в музыке Мусоргского и Рахманинова, он достиг вершин, являющихся самым ценным вкладом в мировое культурное наследие. И именно так он оценивается Западом: не как специфическое проявление российской культуры, а именно как всемирная ценность.

302

Следует при этом подчеркнуть, что указанные хотя бы Н. Бердяевым общественные черты россиян, выработанные интеллигенцией: манихейство, склонность к эсхатологическому, и даже апокалипсическому видению исторических перспектив, догматизм, максимализм, чуть ли не теологический характер материализма и религиозное отношение к коммунистической идеологии, усиленное традицией войны с «расколом» в православной церкви, ведущее к сектантской нетерпимости, постулаты справедливости и социального равенства, признание пролетариата высшим общественным типом, ненависть по отношению к капитализму и буржуазии, подозрительность по отношению к культурной элите – все эти признаки российской идентичности стали источником извращенного течения общественных процессов в России в XX веке. Их жертвами стали целые огромные группы общества. Модернизация России, защита

ее версии строительства социализма стоили многократно дороже и были зачастую менее эффективными, чем подобные процессы у других наций. Причиной тому был возрастающий скептицизм и даже цинизм как в широких группах общества, так и в кругах культурных и политических элит. Неспособность дальнейшего противостояния Западу в военной, общественно-экономической сфере, а также в сфере повсеместных эталонов культуры привела в конце 80-х годов к экономической и политической катастрофе, к отказу от строительства коммунизма и распаду Советского Союза.

Еще одним важным аспектом «русской идентичности» в прошлом столетии было то, что вся советская эпоха характеризовалась глубоким противоречием между мнимым космополитизмом всемирного коммунистического движения и имперской политикой сталинской России. Это противоречие проявлялось в международной плоскости – в стремлении к расширению советской империи, в двадцатые годы в версии «перманентной революции», а после II мировой войны в виде «внешней империи», состоявшей из группы стран Центральной Европы, и расширения влияния СССР в третьем мире. Тем более оно присутствовало во внутренней политике советских властей по отношению к республикам, присоединенным к многонациональной империи. С одной стороны, коммунистическая власть декларировала уважение к отличиям и сохранение национальных традиций каждой республики и ее народов, с другой же, уничтожая любые проявления местного патриотизма в республике под штандартом борьбы с буржуазным

национализмом, стремились создать общий для всех советский народ. Именно этот многонациональный сплав должен был составлять новую «идентичность», выходящую за узкие рамки «российскости», которая растворилась во всеобщей «советскости», причем этнические русские были связующим элементом этого нового сообщества. Советские коммунисты, как Сталин, без колебаний использовали их как «топливо» для гигантского котла, в котором выплавлялось новое качество. Факт, что в рамках политики «республик, национальных в форме и социалистических по содержанию» каждая из них имела важные внешние национальные атрибуты – хотя бы ограниченное изучение языка, академии наук, творческие союзы, национальные музеи, театры, картинные галереи. Россия обладала ими, самое большее, на провинциальном уровне, ибо над всем царило величественное здание советской культуры и науки, общей для всех народов, «сплоченных Великой Русью». В условиях экономического кризиса, демократизации и ослабления центральной власти номенклатурные элиты республик, сформировавшиеся в советских условиях, восприняли это как шанс на получение большей самостоятельности, а затем полной независимости. Советская идентичность оказалась эфемерной и была подавлена ренационализацией. Довольно парадоксально постулаты российских националистов-почвенников, таких как писатель В. Распутин, который, озабоченный судьбой этнических русских, провозглашал лозунг «Россия для русских», были поддержаны также элитой «демократов» во главе с Б. Ельциным, стремящимся

к свержению М. Горбачева и приходу к власти в России. Ельцина можно считать символом возрождающейся российской идентичности, тогда как Горбачев символизирует неудачную попытку сохранения советской идентичности путем ее обновления.

В антикоммунистической революции 90-х годов проявились черты классического политического и социокультурного маятника, в котором проверялось состояние российской идентичности. Реакцией на всемогущество тоталитарного государства, а также на традиционный патернализм и коллективизм стали крайний индивидуализм и отказ государства от базовых регуляционных функций в общественной сфере. Коммунистическую эгалитарность заменило неслыханное в европейских масштабах экономическое неравенство (разница в доходах между 10 % самых богатых и 10 % самых бедных, составляющая в цивилизованных странах 3-5 раз, в России составляет 17). Мощь сил репрессии, удерживающая в повиновении организованную преступность, превратилась в свою противоположность – не только отказалась от прежней роли, но и стала во главе «криминальной революции», создавая преступные структуры из бывших сотрудников служб безопасности. Повсеместная идеологическая дрессировка масс и насаждение советского патриотизма на почве своеобразной интерпретации истории России и СССР были перевернуты и уступили место новому толкованию истории России, отнимая у нее оригинальность культуры, гордость побед и завоеваний. Воспитание нищего «*homosovieticus*» в духе скромности и жертвенности

во имя общего блага заменила идеология живущих в роскоши «новых русских» и культурной вседозволенности. «Высокая» элитарная культура была вытеснена массовой культурой, функционирующей по законам рынка, который ориентируется на массовые вкусы, изголодавшиеся по новым для себя, самым дешевым западным образцам. Это выхолостило самое, наверное, ценное завоевание России, каким были ее литература и искусство.

Следует учесть факт, что, несмотря на хаотичный характер перемен в России, имеющий чуть ли не признаки имплозии, специфика государства номенклатуры эффективно блокировала возможности реализации экономических интересов широких групп общества в новых политических условиях. Возможность воспользоваться новыми экономическими правилами, захватом государственной собственности открывалась, главным образом, перед наиболее предприимчивыми и оборотливыми группами посткоммунистической номенклатуры, разрабатывающими также новое законодательство для своих собственных нужд. Таким образом, происходила конверсия политического влияния в экономическое, основанное на частной собственности, с чем так долго боролся не только коммунистический режим, но интеллигенция XIX века, жаждущая справедливости и равенства. Общественный демократический энтузиазм трудящихся масс и интеллигенции, живущих в условиях крайней нищеты, в этой ситуации быстро исчерпался. Общественное сознание россиян очутилось в состоянии когнитивного диссонанса. Разрыв

с ненавистным коммунистическим режимом принес ухудшение общей ситуации населения во внутренней плоскости и принципиальное ухудшение геополитической позиции государства. Культурная идентичность в этих условиях подверглась определенному раздвоению. После десятилетия хаотических непоследовательных реформ, которые дифференцировали общество, но угрожали существованию большей его части, все ведущие группы общества высказывались за спокойствие и правление сильной руки. Ради этой цели они готовы были пожертвовать достигнутым уровнем демократии, хотя каждая из этих групп по иным причинам. Народ хотел стабилизации быта и повышения уровня безопасности, «средний класс» – экономической свободы и защиты от бюрократии и бандитизма, *upper-class* искал нового лидера, который охранял бы его экономические завоевания и защищал от бунта масс.

Такой лидер был найден в лице В. Путина, чекиста, который прекрасно соответствовал потребностям большинства общества и открыл период завершения эпохи резких перемен. Вся эта эпоха соответствует классическим фазам процесса революции, контрреволюции и реставрации. Путин воспользовался полученными Ельциным огромными prerogativeми президентской власти и изменил политическую систему, отнимая у регионов самостоятельность, восстановил вертикальную систему государственной власти и ликвидировал формирующееся в 90-е годы деление власти на три ветви, превращая Думу в фасадный орган и уничтожая самостоятельность судебной системы. Путину чрезвычайно

облегчил задачу огромный рост цен энергетического сырья – главного источника доходов государства. Но для реализации своих целей ему требовалась мощная политическая база, которой ему не хватало. По образцу исторической традиции российского самодержавия (несомненного компонента национальной идентичности) эту базу дали ему новые «опричники» – корпорация чекистов, которая до сих пор не могла дорваться до участия в делении самых лакомых кусков государственного имущества. Раздавая им посты и привилегии в государственной администрации, а также в аппарате управления частично национализированных крупных частных корпораций, он обеспечил себе мощный «силовой» инструмент контролирования политической ситуации в государстве. Но для полной коммунистической реставрации этого было мало. Следовало восстановить полный контроль над состоянием общественного сознания, чему служило возвращение символических элементов, определяющих российскую идентичность в истории, таких как государственный гимн, национальные праздники, сакрализация победы во II мировой войне, издание обязательного учебника истории, в котором доминантой является апология российской имперской традиции – и царской, и советской, воспеваемой как ее продолжение. К этому набору средств следует причислить еще ликвидацию самостоятельности элементов общества, таких как частные СМИ и неправительственные организации, ограничение свободы слова и собраний, репрессии в отношении непокорных, установление норм поведения, толкуемых как исконно российские

и православные, противопоставленные либеральным, западным. Важную роль в этом процессе играет Русская православная церковь, которая получила большие возможности действия благодаря либеральным реформам Ельцина, а сейчас – в соответствии с российской традицией – выполняет служебную роль по отношению к государственной власти, творя националистический и антилиберальный дух, вроде бы свойственный извечной российской идентичности.

Эта политика сталкивается с реалиями России как многонационального и многоконфессионального государства, что особенно болезненно воспринимается на исламском юге России, в чеченской войне, распространяющейся по республикам Северного Кавказа. Российские власти бездарно стараются снять это драматичное противоречие, но, несмотря на декларации о многогранности идентичности российского общества, их действия постоянно направлены на его гомогенизацию, активно поддерживаемую РПЦ и ее идеологией православного славянства как фундамента государства и народа. Болезненная ненависть к Западу, его концепции прав человека как индивидуальных, а не коллективных прав, к либеральному пониманию свободы, основанной на частной собственности, конструирует союз РПЦ с частью интеллектуальной элиты, именующей себя евразийской. Именно эта евразийскость, провозглашаемая теоретиком этого направления А. Дугиным, его активной пропагандисткой Н. Нарочницкой или писателем А. Прохановым, должна стать политической и культурной альтернативой, как внутригосударственной, так и на международной арене,

адекватно отвечая на цивилизационные вызовы для российской идентичности со стороны Запада. Эта доктрина очень туманна, ибо предполагает загадочный союз России с такими растущими державами, как Китай и Индия, которые являются реальными соперниками России на Востоке, но на нынешнем этапе составляют противовес для гегемонии США в мире. Тем не менее, сейчас это ведущая линия России во внешней политике, так как позволяет позиционировать Россию, как перспективную сверхдержаву, сохраняющую свою международную идентичность. В сознании россиян – граждан самого большого государства в мире – очень сильна догма великодержавия. Россия может существовать только как империя, или не будет существовать вообще. В прошлом с этим был также связан миф мессианства: Россия должна была освобождать другие народы от ига и заставлять их жить в Истине. Это было лейтмотивом советской международной пропаганды – борьба с империализмом и колониализмом за освобождение поработенных народов. Сейчас этот мотив ослабел, Россия демонстрирует жесткую защиту своих интересов в мире, чтобы удовлетворить запрос националистических настроений своих граждан. Его современным воплощением остается, однако, поддержка близких авторитарных режимов, например, в арабских странах, в Иране. Эта политика российских элит все же содержит значительную долю лицемерия. Ведь вполне очевидно, что эталоном культуры для россиян являются не китайцы, турки или арабы, а исключительно Запад, лучше всего в менее изысканной американской версии.

Их резкая антизападная риторика вызвана исключительно завистью к достигнутому там уровню развития и благосостояния. Но сами они не способны внедрять в своей стране реформы, которые приближали бы их к этим стандартам, так как главным источником их богатства является всеобъемлющая коррупция и общая системная дисфункция.

Возвращение России к своим истокам, к историческому наследию автократии, к «негражданскому» обществу в нынешних общественных реалиях – это сложная задача. В истории современных народов мы находим три основные модели политических систем. Первая – это типичная для западных обществ в XIX в. модель элитарного либерализма, основанная на соперничестве либеральных и консервативных сил, которые при посредничестве своих представителей в парламентах реализуют интересы своих избирателей. Второй моделью является модель экспансивной политики революционной элиты, которая, охваченная духом «великих перемен», ведет за собой активную часть народа, ликвидируя или нейтрализуя политических противников. Это модель французской и русской революций, для которых были особо характерны использование средств производства, индоктринация и репрессии для достижения идеологической цели. Третья модель, распространенная сейчас в развитых странах, обращается к достижениям постмодернистского направления в искусстве. В этой модели самым важным элементом является «игра», которую ведут посвященные в тайну политические профессионалы. В соответствии с постулатами

312

постмодернизма здесь нет ни приверженности к демократическому открытому соперничеству равных друг другу сил, настроенных на реализацию определенной системы ценностей, ни однозначной общественной идеи, которой можно увлечь массы, а есть типичный для постмодернизма синкретизм идей и форм, где искусством становится сама политическая «игра». В процессе это игры создаются современные технологии, «политические продукты», продаваемые на рынке как обычные потребительские товары. При слабой партисипативной демократии можно долгое время продавать гражданам различные избирательные программы, маня их иллюзией лучшего будущего. Этот тип политики в рамках «управляемой демократии» составляет содержание политической жизни современной России. Она, однако, имеет свои естественные границы. Россияне в основной своей массе остаются постсоветским обществом со слабо выкристаллизовавшимися групповыми интересами. Рухнула система ценностей, в которой они были воспитаны, поэтому они восприимчивы к манипуляциям политических технологов. Важной составляющей их идентичности является, однако, некоторая пассионарность, максимализм в поисках Истины, который они унаследовали от своей великой национальной литературы. Поэтому в неопределенном, но недалеком будущем, современных политтехнологов может поджидать неприятный сюрприз.

Что на фоне этого анализа можно сказать об идентичности современного польского общества и взаимоотношениям этих двух народов? На самоидентификацию поляков

также влияют специфические черты национальной истории. В эпоху Речи Посполитой Обоих Народов государство охватывало колоссальные территории в Центральной и Восточной Европе и сформировало оригинальный тип государственного строя, сословную демократию, которая давала огромные привилегии шляхетскому (дворянскому) сословию. Это создало чувство независимости от центральной власти и воспрепятствовало формированию системы абсолютизма, типичной для этой фазы развития политических систем Европы. Шляхетская (дворянская) анархия, несомненно, повлияла на национальный характер поляков, вызывая чувство провинциальной, необоснованной гордости или даже гордыни по отношению к чужим, изнаночной стороной которого являются национальные комплексы. Сословный эгоизм, восстанавливая крепостное право, настолько затормозил экономическое и социальное развитие, что в конце XVIII века, несмотря на отчаянные усилия патриотичной части элиты, государство оказалось неспособным отразить давление соседних держав – России, Пруссии и Австрии. Это была огромная трагедия, проявляющая страшные противоречия, в которых запуталась Речь Посполита, с одной стороны, принимающая первую в Европе демократическую Конституцию, с другой – преданная сильными антинациональными элитами и нежизнеспособная. Самое большое ранее европейское государство исчезло с карты на весь XIX век, когда в Европе формировались современные централизованные национальные государства. Этот факт имел принципиальное значение для

314

формирования национального характера поляков в течение этого критического для Европы исторического периода. Правда, польский народ не утратил своей идентичности, так как глубокие слои культуры, накопленные за века его великолепия, были мощной базой для существования даже в самых трудных условиях. Тем не менее, народ продолжал существовать под властью трех разных государств, с разными традициями и культурой, и ни одно из этих государств не считалось своим. Это вызывало чувство не только отчуждения, но и враждебности по отношению к государственным органам, некоторый анархизм и тенденцию к отождествлению национальных целей с повсеместными, в то же время не включая тенденции и общие интересы в сферу собственной национальной идентичности. Общественные и политические движения в эпоху европейских буржуазных революций, в Польше в большей, чем где-либо степени происходили под знаком национально-освободительных стремлений. Польский патриотизм, романтические порывы и борьба за свободу, невзирая на жертвы, стали чуть ли не символом польского характера в Европе. В то же время поляки были разрознены, зачастую прибывали в раздоре, интересы разных социальных слоев и их интеллектуальных или политических представителей было трудно согласовать.

Те обстоятельства, что самая большая часть Речи Посполитой находилась под властью Российской империи, автократический царский режим был наиболее жестоким, а польский народ нес здесь самые большие потери во время

национальных восстаний, несомненно, повлияли на появление антироссийских позиций у польского народа. Следует, однако, помнить, что часть польских элит всегда была ослеплена блеском царской России, и таким образом оказывалась от нее сильно зависимой. Другая высокоинтеллектуальная группа становилась жертвой репрессий царских властей, и, пребывая в России, помогала в ее цивилизационном развитии, привнося дух современной науки, организации и т. д. Поэтому поляки не были в России презираемой национальной группой, а скорее пользующейся признанием и уважением, при условии, что они открыто не выступали против империи. При этом россияне были убеждены, что сломить национальный дух поляков, католиков, принадлежащих, несмотря на свою славянскую родословную, к западной цивилизации, совершенно невозможно. Не случайно Ленин, признавая «право народов на самоопределение» и одновременно обвиняя сторонников отделения от России в буржуазном национализме, признал, что Польшу не удастся удержать в границах создаваемой коммунистической империи. Предпринятая в 1920 году попытка осуществления проекта коммунистической революции в Европе провалилась именно в Польше, и этот факт стал вызовом для советской бюрократии в эпоху стабилизации сталинского режима и его политических маневров перед началом II мировой войны. Ведь не случайно В. Молотов в момент заключения пакта с Германией назвал Польшу «версальским ублюдком».

Полякам, несмотря на трудности, удалось объединить народ в условиях независимости, но этот период был очень

недолгим. Уничтожение интеллигенции немецкими нацистами и советскими сталинцами пробило серьезную брешь в послевоенной элите. Что касается польско-российских отношений, символической стала ликвидация значительной части польской военной и интеллектуальной элиты в Катыни. Сталин не столько мстил за поражение в польско-большевистской войне, сколько подготавливал политическую почву для экспансии своей империи в конечной фазе войны, когда, как он считал, обескровленные в войне с Гитлером западные демократии будут готовы подчиниться его власти или же будут принуждены к этому силой и внутренним давлением прокоммунистических сил в их собственных странах. Польша явно была препятствием в этих планах и ликвидация польских элит как в период союза с Гитлером, так и во время Варшавского восстания и террора по отношению к польским патриотам в пост-ялтинский период, является ярким доказательством того, что Сталин соглашался на существование польского государства и народа только в качестве своего вассала.

Вся история послевоенной Польши доказала, однако, что польский народ не примирился со статусом зависимого государства не только в сталинской форме, но даже в статусе ограниченного суверенитета, который сформировался после 1956 года. Не преуменьшая значения освободительных порывов в Венгрии в 1956 г. или в Чехословакии во время «Пражской весны» 1968 г., следует, однако, отметить, что в Польше общественные протесты носили регулярный характер, чтобы в конце привести к созданию в 1980-1981 гг.

огромного общественного движения «Солидарности», охватывающего, по сути, весь народ. Это движение – хотя и было приостановлено – стало началом перемен во всем коммунистическом лагере, в том числе в СССР, где во второй половине 80-х годов наступил глубокий кризис общественно-экономической системы и проявились силы, стремящиеся к демократизации политической системы. Несмотря на то, что польские стремления к эмансипации в течение всего периода коммунизма проходили под знаком антисоветскости, следовательно, главным образом проявлялись антироссийские настроения, могло казаться, что демократические перемены в Польше и параллельные перемены в России, в значительной мере осуществляемые по польскому образцу, сблизят эти страны и народы друг с другом. Вскоре оказалось, что эти надежды были тщетны. Распад великой державы вызвал гораздо большие трудности в ходе процессов трансформации, чем в Польше. Это вызвало глубокую фрустрацию обычных россиян и враждебность по отношению к Польше, которая считалась инициатором болезненных перемен. В свою очередь, освобожденная от оков коммунизма и быстро богатеющая российская элита, демонстрировала великодержавное сознание, хоть и в демократической оправе, используя козыри величины и потенциальных ресурсов своей страны. Реальными партнерами экономического и политического диалога она считала мощные государства Западной Европы и США, считая Польшу не слишком существенным субъектом международных отношений. Тем не менее, признание новых геополитических

реалий, вступление Польши и большой группы стран Центральной Европы, и даже нескольких стран бывшего СССР в НАТО и ЕС, изменило характер двусторонних отношений между двумя народами. Польша во все большей степени выступала как самостоятельный политический субъект, формировалась основа для более равноправных отношений, сглаживая польские опасения и комплексы по отношению к большому соседу. В этом смысле можно сказать, что парадигма отношений между польским и российским народом никогда в истории не была столь позитивной.

Ранее я указал на факт глубокого материального и социального расслоения в современной России. Оно настолько велико, что при ослаблении символической сферы, образующей определенную систему опознавательных знаков русских и других народов России, просто трудно говорить о существовании какой-то их общей идентичности, понимаемой как национальное самосознание. Но было бы необъективно не отметить некоторые близкие явления в польском обществе. В Польше, как и в России, слабо сформировалась либеральная ориентация в политике. Серьезным влиянием обладали консервативные круги в обусловленной польской историей версии национальной демократии, а также группировки левого толка, социалистические с некоммунистической ориентацией (коммунисты были на обочине польской политической жизни). В послевоенных реалиях это вело к довольно сильным этатистским и патерналистским, а иногда и националистическим тенденциям, безоговорочно при-

знающим пост-ялтинский status quo в качестве основных польских государственных интересов. Парадоксально наиболее заядливые польские довоенные националисты защищали польскую зависимость от СССР (ПАКС Б. Пясецкого), частично культивируя старые комплексы нацистов по отношению к Германии, а частично защищая свой статус привилегированной группы светских католиков, признаваемых официальным режимом. Социалистическое течение всегда обладало определенным идеологическим влиянием даже в рамках ПОРП, несколько притупляя острие тоталитарной политики официальных властей. Эти тенденции – в основном демагогически – пробуждали надежду широких групп общества на улучшение условий жизни рабочих, реализацию гуманистических ценностей социализма, направляли, несмотря ни на что, их чаяния в сторону России как гаранта определенной стабильности в Европе. После появления «Солидарности» как системной альтернативы общество впервые отвергло официальную пропаганду властей, признавая, главным образом, авторитет католической церкви и демонстрируя позиции, далекие от светского сознания либеральных обществ Запада. В то же время в экономических и общественных программах, сформулированных в рамках этого движения, проявлялась приверженность идее самоуправления, общественной солидарности, субъектности трудовых коллективов. Им была чужда идеология технократии, возвращение к системе эксплуатации труда капиталом, особенно сосредоточенного в руках бывших коммунистических управленцев. Монетаристская

экономическая модель, внедренная в 90-е годы, сильно отличалась от этих идеалов, ведя к глубоким изменениям в структуре польской экономики, частично подчиняя ее внешнему контролю и раздробляя рабочий класс, который в значительной степени утратил свою социальную идентичность. Результатом стал глубокий раскол в польском обществе. Первым его проявлением стало возвращение к власти посткоммунистической элиты по прошествии всего лишь трех лет правления новой власти. Но еще более существенным и прочным оказался раскол в элитах «пост-Солидарности» на часть, ориентированную на западные либеральные или социал-демократические модели в экономике, идеологии, этике, и более традиционалистскую часть, базирующуюся на христианской идеологии, демонстрирующую приверженность патриотическим ценностям, слабее связанную с современными постмодернистскими тенденциями на Западе. Если первая подчеркивает значение тенденций к унификации в глобальном мире и готова подчинить им часть национального суверенитета, то вторая в выборе путей развития стремится к большей самостоятельности, соответствующей, по мнению ее идеологов, историческим традициям народа. В этом анализе я не принимаю во внимания исключения, указывая только важнейшую ось политического раскола. Этот раскол настолько глубок и так сильно проявляется во всем политическом процессе, что некоторые теоретики склонны говорить о появлении в Польше двух разных народов с разным менталитетом и типом идентичности.

Этот разделение могло бы повлиять на взаимное восприятие элитарных групп в Польше и в России, а также взаимоотношения народов в целом. Несмотря на различия, здесь имеются некоторые общие черты и проблемы. Но в настоящее время оно приглушено волной национализма в России, что осложняет кристаллизацию четких каналов коммуникации между элементами политических систем обоих государств. Авторитарная система России XXI века стремится к восстановлению своей позиции в мире и особенно к реинтеграции постсоветской территории, причем слабость своей экономики маскирует агрессивным пиаром государства и его лидера, делая это гораздо более беспардонно, чем в эпоху коммунизма. Голос более близких Польше либеральных демократов сильно заглушается, и именно поэтому даже посткоммунистические польские элиты не в состоянии политически и ментально сблизиться с элитами России. Российские власти прекрасно понимают также смысл политического раскола в Польше и умело используют это в своих отношениях с Европой. Либеральная часть польских элит в борьбе с очень сильной оппозицией использует аргумент ее национализма, узкого понимания национальных интересов, «русофобию», реагируя на потребности тех стран и политических сил в Европе, которые считают Россию главным партнером в будущем объединяющейся Европы. Таким образом, Россия консервирует политический раскол в Польше, осложняя интеграцию польского народа. И только политический кризис такого масштаба, как украинский, показывает реальное

Виктор Росс

противоречие интересов на нашем континенте и роль национальных элит Польши и России в Европе, а также значение действительной национальной идентичности перед лицом исторических вызовов.

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ
В ПРОЦЕССЕ ПОИСКА
НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ –
ПОЛЬСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ**

В этом коротком тексте, посвящённом сложному вопросу поиска современной Россией своей новой (или, возможно, скорее новой старой) идентичности, я намереваюсь рассмотреть и проанализировать данный вопрос в контексте более общего феномена русских поисков собственной идентичности, их ментально-общественной базы и – де-факто неизбежного в послепетровский период – интеллектуально-культурного переплетения с европейскими идеями, категориями и соотношениями. Показывая и объясняя некоторые предпосылки многовековой жизнестойкости и современного оживления рассматриваемого феномена, я попытаюсь одновременно показать, как за программными отличиями и даже контрастностью формул этого поиска скрывается их – произвольное или скрываемое (и в то же самое время – парадоксальное и неслучайное) – взаимное сходство, схожесть в восприятии ими целого ряда основных предпосылок, убеждений и даже решений.

Обозначенная ситуация не является особо удивительной, ибо каждой культуре свойственен определённый доминирующий смысловой порядок, который её участники, как правило, забывающие о совершённой предварительно проекции, распознают в мире как естественный, истинный или действительный, предрешая тем самым, что может или не может появиться как очевидное, устойчивое либо само собой разумеющееся, что и каким образом может стать проблемой, что не воспринимается как проблема или же сознательно оставляется за пределами сферы происходящей проблематизации. Осознание сопутствующих условий рассматриваемого вопроса, взаимозависимости его субъектно-объектной, интеллектуально-ментальной и общественно-институциональной стороны является важным для русских поисков своей – в особенности, задуманной как новая – идентичности, демифологизируя, релятивизируя, смягчая, проблематизируя, и в какой-то мере придавая реальный характер связываемым с ними ожиданиям и надеждам.

Россия – это страна, в которой на протяжении многих веков вновь и вновь ведутся поиски или предпринимаются попытки найти, укоренить, укрепить и развить собственную коллективную, государственную и национальную идентичность. Более того, зачастую эти попытки рассматриваются как задача до такой степени важная, что по убеждению многих авторов и участников процесса она даже подрывает возможность автономного, независимого от их результата решения конкретных социальных, политических, экономических, культурных и философских проблем. Лейтмотивом

предпринимаемых попыток является преимущественно определяющий цель, характер и структуру собственных поисков, желательно, финалистически понимаемый замысел «Понять Россию!», то есть понять «сущность» русской идентичности, указать перспективу и форму коллективной самореализации, а впоследствии, определить способ её осуществления и предпринять шаги в этом направлении. Проблемы, связанные с поиском русскими собственной, истинно русской, национально-общечеловеческой, реактуализированной, или же – в особенности во время периодически повторяющихся кризисов – новой коллективной идентичности не ограничиваются интеллектуально-теоретической сферой, а имеют собственное идеологически-институциональное измерение и влияют на общественную жизнь в широком её понимании, а также на место и характер позиции России в мире.

ЧТОБЫ РОССИЯ БЫЛА РОССИЕЙ!..

В русской культуре и менталитете, сильно окрашенных эсхатологическим максимализмом¹, ориентированных на – желательнее всего окончательную – сущностную форму Коллективного воплощения, возросших на почве восточного христианства и одновременно сохраняющих – что в определённой мере проблематизирует и релятивизирует их русскую исключительность – целый ряд понятий,

¹ Ср.: Евдокимов П. Православие. Warszawa, 1964. С. 24 и др.; Klinger J. O istocie prawosławia. Warszawa, 1983. С. 172.

типичных для архаичного восприятия мира, власти и истины в целом², измерение будущего приобретает особое значение: «является решающим во всех отношениях». Возведение в степень сверхреальности и абсолютизирование роли будущего сопровождается позицией, способствующей «трактовке возможности как *действительности*» и тенденцией трактовать «абстрактные ценности-идеалы» таким образом, словно они являются конкретными ценностями-воплощениями³. Историческая действительность в таком случае подвергается инструментализации, становится просто-напросто комплексом средств, предназначенных для создания будущего⁴. «Основная, так сказать, „русская фабула” состоит [...] в „преодолении собственного сна – смерти”, а содержание этой „фабулы” это не жизнь сама по себе, а избавление от сна, от смерти, своеобразное воскресение»⁵. Более пристальное рассмотрение вопроса: «если то, что является „скрытым, дремлющим, неявным”, должно составлять „сущность”, то результатом рывка следует признать эту же „сущность”, но уже обнаруженную (...)»⁶ – в её «чистом» виде, высвобожденную из привычных социальных обусловленностей и исторической

² Ср.: Яковенко И. Познание России. Цивилизационный анализ. М., 2008. С. 42-45 и др.

³ Ср.: Kline G. L. Rosyjscy i zachodnioeuropejscy myśliciele o tradycji, nowoczesności i przyszłości // Europa i co z tego wynika. Rozmowy w Castel Gandolfo. Warszawa, 1990. С. 171.

⁴ Там же. С. 171–172. Ср.: Styczyński M. Umiłowanie przyszłości albo filozofia spraw ostatecznych. Studia nad myślą Mikołaja Bierdiajewa. Łódź, 2001. С. 188-189.

⁵ Faryno J. Скрытый, Неприметный/Проницательный // Mentalność rosyjska. Słownik. Katowice, 1995. С. 97-98. Как утверждает Серафим (Роуз), среди стран мира Россия «будет первой, которая пробудится ото сна...». Иеромонах Серафим (Роуз). Будущее России и конец мира. Православное мировоззрение. Рига-Ленинград, 1991. С. 10.

⁶ Faryno J. Указ. соч. С. 98.

детерминации. Способность обнаружения того, что является «скрытым, дремлющим, неявным», одновременно означает способность и величину будущего воплощения, требует, однако, как считается и как говорится во всеулышание, исключительной проницательности, дающей возможность познания де-факто находящейся над профанум Истины, определяющей идентичность своих депозитариев и носителей.

Русские поиски истины неразрывно связаны с поисками коллективной идентичности, а последние, в свою очередь, с вопросами власти, её легитимности и законности общественного порядка. «При этом слово „истинное“, „правильное“ понималось по сути как слово особенное, „вещное“, т.е. „вещаемое“, сказанное на „вече“ (собрании „мира“); этимологически также близкое значениям слов „ведать“, „вечность“ и „вещь“»⁷. Следовательно, истинное слово – это слово хотя бы потенциально олицетворённое, материализованное и воплощённое, ориентированное на единство с соответствующим ему, ибо им самим сформированным окружение. Опыт Истины предполагает и имплицитно момент регенеративной, всепобеждающей метаморфозы, возвращающее либо дающее идентичность, онтологически понимаемое возвращение к самому себе. Когда понимаемая по-русски истина со временем приобрела характер великодержавной Истины, критики существующего политического строя распознавали и изобличали её как не-Истину,

⁷ Кантор А. Аффект и власть в России // Мы и мир. Психологическая газета 1990. IX, С. 23-24.

борьба с которой впоследствии начала отождествляться с самой Истиной⁸.

Связываемое с ожидаемым результатом предполагаемого или же происходящего в данный момент русского «рывка» проявление «сущности», наделённой исключительной сверхреальностью, способствует очевидности, с которой ожидаются как необычайная лёгкость и окончательность победы привилегированной альтернативы (возвращающей утраченную или же придающей новую коллективную идентичность), так и «чистота» формы, в которой она должна произойти (в смысле отсутствия гетерономических и дисфункциональных элементов, способных подорвать гармоничный характер целостности, её стабильность и т. д.). В периоды кризиса различные картины «откровения» этой сущности зачастую функционируют бок о бок и являются как бы равноправными в публичном пространстве. В периоды усиления мощи власти и политической определённости существующего строя, одна из них, как правило, получает статус идеологической, связанной с сознанием доминанты, а другие сталкивает в нишевые сферы, лишая их возможности иметь существенное социальное значение, и, вследствие этого, ещё более лишая возможности эмпирической верификации приписываемого им содержания.

⁸ Cp.: Kurkiewicz A. Dialektyka prawdy w imperium rosyjskim // Brzeziński B. Fenomen rosyjskiego komunizmu. Poznań, 2010. С. 172-174.

**ВЫЗОВЫ ПОСЛЕПЕТРОВСКОЙ РОССИИ,
СВЯЗАННЫЕ С ИДЕНТИЧНОСТЬЮ.**

Фундаментальной чертой самосознания послепетровской России является её осязаемая социально-культурная неидентичность, внутренняя трещина, отсутствие – и попытки окончательного достижения, нахождения или же формирования новой – собственной идентичности. И это не случайно, ибо как коренная «русскость», так и чистая «европейскость», соотносимая и с ней, и с послепетровской действительностью страны, в общем, могла де-факто являться всего лишь мыслительными абстракциями, содержание которых было предполагаемо, крайне спекулятивно и вторично сконструировано⁹. Ведь сознание российских образованных масс было генетически и структурно конституировано диффузией западной культуры в России, поэтому её самопонимание уже не может происходить (в том числе тогда, когда субъективные намерения некоторых её представителей полностью противоположны) без присутствия европейского посредничества¹⁰. Как следствие вышесказанного, борьба российских мыслителей и России с Европой волей-неволей стала борьбой с самими собой¹¹.

⁹ Ср.: Broda M. Najtrudniejsze z rosyjskich wyzwań? Zagadka Leontjewa i Rosja. Łódź, 1994. С. 54 и др.

¹⁰ Это было замечено уже Петром Чаадаевым. Ср.: Чаадаев П. Философские письма // Чаадаев П. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 433.

¹¹ Ср.: Filipowicz C. Rosja i Europa – eros i trauma // Historia i geopolityka. Rosja na progu XXI stulecia. Studia polityczne Instytutu Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2000. С. 127.

Предпринимаемые некоторыми политиками и исследователями попытки «выделить чисто русскую составляющую судьбы России и именно с ней связать представление как о прошлом, так и о будущем страны...»¹², не могут не вызывать и теоретических, и политических сомнений. Множество наций и культур превратило Россию в общество принципиально неоднородное: «Это означает, что существует не одна (русская) Россия, а много «Россий» в одном государстве [...]. Все эти народы исповедуют ценности, которые не способны к сращиванию, синтезу, интеграции. Они не сводимы к русскому»¹³. Исламские, ламаистские, православные, католические, протестантские ценности – при условии сохранения их аутентичного смысла и ауто-телической ценности – нельзя просто объединить в «синтетическое» целое и подчинить православию.

В результате «Россия не имеет социокультурного единства, целостности»¹⁴ и можно говорить скорее – хотя и до определённой степени – о социокультурной идентичности отдельных составных сегментов, выступающих совместно и воздействующих друг на друга в рамках одного государства, переживающего периодически обостряющиеся кризисы идентичности.

Наиболее сознательные сторонники последовательной европеизации России не могут (не должны) пренебрегать

¹² Цит. по: Соловьёв В. М. Тайны русской души. Вопросы, Ответы, Версии. М., 2001. С. 121.

¹³ Там же. С. 122.

¹⁴ Там же. Ср.: Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. М., 2008. С. 148-150.

историческим опытом своей страны, который указывает на неоднократные, в значительной степени пока что деструктивные последствия «просвещения» России индивидуалистической культурой Запада. Очень часто они приводили к разрыву традиционных общественных связей, к росту «обескоренения» и атомизации личностей, склонных к крайним формам поведения при одновременных трудностях стабилизации общественной жизни в России на базе рыночных и правовых институтов, гражданских прав и принципов этического утилитаризма¹⁵. И если оправданные традицией идеологические, политические и культурные амбиции российской интеллигенции, а иногда также амбиции политической власти, определены финалистически и максималистически понимаемой идеей позитивного синтеза собственных и западных, российских и общечеловеческих ценностей, то исторический опыт, как кажется, скорее, ставит перед ними проблему возможности избежать реальности отрицательного синтеза¹⁶.

В действительности же русские по-прежнему не уверены (не могут быть уверенными?) в том, являются ли они и хотят ли быть частью Европы или же её альтернативой. Стремясь – если суммировать столь различные направления их стремлений и стараний – одновременно к осуществлению обеих целей, они в течение трёх столетий воспроизводят ситуацию стоящего перед ними якобы окончательного

¹⁵ Ср.: Kara-Murza A. Wobec wykorzenienia. Res Publica. 1991. № 2. С 37.

¹⁶ Ср.: Кара-Мурза А. Большевизм и коммунизм: интерпретация в русской культуре // Кара-Мурза А. Поляков Л. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. СПб., 1999. С. 366-368.

цивилизационного выбора, который, в связи с вышесказанным, в сфере культурных смыслов и самоидентификации приобретает вид своеобразного порочного круга, по которому можно, в сущности, двигаться до бесконечности. Проблема состоит в том, что культура и самосознание послепетровской России неслучайным и естественным образом генерируют оба указанных направления стремлений и стараний, что определяет сущностную половинчатость каждого из них, каждый раз приводя в действие контртенденции и блокирующие механизмы. И, как следствие, русские, стремясь наконец-то вырваться из ситуации, переживаемой как отсутствие идентичности, двойственность или внутренний разрыв¹⁷, по-прежнему воспроизводят существующее состояние и одновременно декретируют его «переходность».

Коль скоро со времён Петра постоянной точкой – положительного, отрицательного, амбивалентного и т. п. – соотнесения для русского сознания остаётся Европа и Запад, отечественная действительность воспринимается и оценивается в России через призму западных категорий, или же, напротив, показывается и обосновывается их принципиальная неадекватность по отношению к России. В первом случае появляется тенденция искать – и находить – западные аналогии и образцы для осуществляемых идентификации и объяснения русских реалий, ситуаций и перемен, их создателей и исполнителей, в то время как во втором

¹⁷ Cp.; Dobieszewski J. Przeciwnieństwo między Rosją a Europą jako teoria. Studia Filozoficzne. 1968. № 8 (249). С. 31-38.

случае поиск положительных идентифицирующих и объясняющих аналогий происходит в истории самой России, славянстве, «Евразии» и т.д., а поиск отрицательных – на Западе. Распространённое в обыденном сознании и в послепетровской интеллектуальной и идеологической традиции России чувство «отсутствия идентичности», «переходности» стимулирует поиск – расцениваемого в качестве правильного, наилучшего, соответствующего, возможного и реального – «короткого» пути к полной европеизации России или же к её неевропейскому, исконно русскому воплощению; рождает потребность и усиливает ожидание окончательных решений, требующих веры в их реальность¹⁸. Создаётся впечатление, что все предлагаемые или прогнозируемые альтернативы русского будущего – западная демократическая «нормальность», евразийство, возрождение через православие, национализм, имперскость, распад и прочие¹⁹ – предполагают (что на удивление часто объединяет эти альтернативы и делает похожими, несмотря на слои прикрывающих их детальных, стилизованных под эмпирические, анализ) похожее убеждение, определяющее способ видения будущего России. Этому способствует произвольная, как правило, идеализация (в смысле «сущностного» описания) исторической и современной русской действительности, «распознаваемой», но де-факто желаемой либо просто установленной в качестве таковой, для

¹⁸ Ср.; Там же. С. 35-38.

¹⁹ Ср.: Roper J., P. van Ham. Redefining Russia's role in Europe // Russia and Europe. Oxford–New York, 1997. С. 507-511.

которой ожидаемое каждый раз видение будущего приобретает характер исключительной сверхреальности.

В соответствии с нуждами ожидаемой альтернативы будущего абсолютизации или, напротив, маргинализации подвергаются определенные явления, процессы и структуры русской жизни. Например, вариант православного возрождения, в особенности если бы оно должно было выйти за рамки религиозно-нравственного аспекта и стать основанием цивилизационного, культурного и политического расцвета государства и русского общества, маргинализирует (или предполагает их лёгкую обратимость) секуляризационные процессы, потребительство, «материализм» личных и национальных устремлений, инструментальное использование религии политическими властями, заметный на историческом пространстве ментальный амодернизм православия, его сопротивление процессам рационализации, отсутствие развитого социального учения православной церкви, повсеместно замечаемую слабость связи религиозной веры с нравственностью повседневной жизни, с чувством ответственности за отдельные собственные действия личности и т. п. В наблюдаемом, но, однако, отнюдь не всеобщем и не последовательном обращении российских властей и самих русских к православию, содержания, в строгом смысле, религиозные, как кажется, выполняют во многих случаях вторичную роль по отношению к необходимости справиться с чувством находящейся под угрозой национальной идентичности, а апеллирование к нему во многих случаях становится де-факто не столько носителем,

сколько суррогатом действительных перемен в сознании и в принципах поведения.

Евразийский вариант, в свою очередь, как правило, сопровождается представлением о поверхностности европеизации России; разоблачением её как явления из области интеллигентского притворства; непризнанием искусственности православно-исламского общественно-культурного «синтеза»²⁰ и масштабов углубления процесса дехристианизации и деисламизации, которые произошли на территории России; завышение шансов своей страны на повторение «китайского пути» к успеху; маргинализацией угроз для политической и культурной целостности России, связанных с возможными попытками нового поглощения утраченных азиатских, преимущественно мусульманских, владений российско-советского государства; декадентским и реактивным характером евразийских идей, порожденных сомнениями в возможности обретения себя и подтверждения собственной ценности в европейском сообществе и т. п.

НОВАЯ-СТАРАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?

Основной чертой русской действительности последних столетий являются – не без периодических кризисов и спецификаций – государствоцентристская структура и имперская

²⁰ Как верно заметил А. Сухов, все попытки, предпринимаемые евроазиатами, «не были способны сделать евразийское учение о религии целостным, они могли лишь искусственно соединить различные, плохо совместимые его фрагменты». Сухов А. Столетняя дискуссия. Западничество и самобытность. Москва, 1998. С. 182-183. Ср. также: Панарин А. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 28 и др.

традиция, создающие собственные институциональные, ментальные, политические, социальные, культурные, нравственные, идеологические, а также связанные с сознанием объективизации и эквиваленты. Первенство имперских тенденций, амбициозное стремление идти своей собственной дорогой и реактуализированная идея «сильного государства» могут привести – в ситуации ожидаемого роста могущества не-западных держав, в частности Китая, потенциально способных стать для России альтернативной по отношению к Западу точкой соотнесения – к релятивизации значения вопроса европейскости либо неевропейскости России в русской культуре и сознании. Разве что в вероятной ситуации усиливающейся китайской или исламской угрозы вариант европеизации, понимаемый как процесс фундаментальных и многоаспектных общественных перемен, станет, в ответ, опорой и легитимизацией русской идентичности, в очередной раз приводя в движение сложный набор противостоящих тенденций и контртенденций развития.

В течение многих веков действующую силу, формирующую историю, в России отождествляют с – актуальной или потенциальной – центральной государственной властью, усматривая в её существовании, могуществе и деятельности не только гарантию, но также основу и творца общественного порядка, носителя всеобщих Правоты и Истины. И если существующая власть теряет эти черты и свойства, в глазах русских она становится инструментом также гипертрофически понимаемого распада и носителем анти-истины, фактором социальной и аксиологической

деструкции. В таком случае она утрачивает свою легитимность, и в соответствии с ожиданиями ей на смену должна прийти другая²¹. С приходом к власти других – в особенности сильных, вызывающих страх и уважение – правителей России: царей, вождей или президентов – оживают интенсивные спекуляции, споры и дискуссии о том, кто же они такие? Дискуссии ведутся в перспективе ожидаемого характера, целей и последствий их политических действий, которые должны определить политическую идентичность и направление динамики государства в целом. Сильно акцентированный в сфере русской ментальности аспект прерывистости, отделяющий настоящее от – словно ожидающего своего воплощения – Будущего, приобретает в этом случае характер препятствия, которое следует – и только таким образом возможно – преодолеть сверхчеловеческим по своей сути усилием воли вождя²². Одновременно в широко распространённых и веками культивированных в коллективной традиции касающихся России интуициях, её суть ассоциируется с «неопределённостью», «незаконченностью», «открытостью», «инаковостью» (по отношению к другим странам), «потенциальностью», то есть с «неактуализированностью», расцениваемой как предпосылка «привилегии особой свободы»²³ и залог Великого

²¹ Ср.: Домников С. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. Москва, 2003 С. 225, 250, 372-374.

²² Ср.: Broda M. Mentalność, tradycja i bolszewicko-komunistyczne doświadczenie Rosji. Łódź, 2007. С. 87-90.

²³ Ср.: Idem. Idea szczególnej wolności Rosji // Obóz. Problemy Narodów Byłego Obozu Komunistycznego. Kwartalnik. № 29. С. 23-42.

Будущего²⁴. В бинарных системах и культурах, к которым, в принципе, относится Россия, измерение понимаемой, прежде всего, эмпирически континуации (также как и существующая парадоксальная похожесть, предлагаемых формул русской идентичности, потенциально выявляемая под слоем их интенциональной контрастности) выталкивается за пределы видимости сознания, а моменты перелома переживаются как нечто исключительное²⁵, когда может произойти все, что угодно. В рамках такого способа восприятия мира, в сфере – расцениваемых как предпринимаемые и осуществляемые, достижимые и реалистические – целей и результатов действий одного и того же русского правителя или вождя могут, таким образом, одновременно появляться такие полярные характеристики (диагнозы, идентификации, оценки), как «европейская» и «анти-европейская» или «азиатская»; «прогрессивная» и «регрессивная» или «застойная»; «созидательная» и «разрушительная»; «либеральная» и «неосталинская»; «авторитарная» и «демократическая» и т. д.

Драматизм и одновременно историческое значение ситуаций, которые Россия переживала во времена периодически повторяющейся системной смуты, состояли (и состоят) в том, что процесс действительного перелома должен был бы – что является весьма трудным – касаться самих основ российской идентичности, в той мере, в какой она выра-

²⁴ Ср.: Бердяев Н. Русская идея // Мыслители русского зарубежья. Бердяев. Федотов. СПб., 1992. С. 40 и др.

²⁵ Ср.: Lotman J. Kultura eksplozja. Warszawa, 1999. С. 235.

жается в квази-эсхатологическом типе сознания и отождествляется с идеей имперIALности и связанной с ней национальной или идеологической миссией. «В основе русского кризиса, имеющего системный характер и охватывающего все сферы общества, лежит идеологический, духовный кризис, стержнем которого является кризис национально-государственной идентичности»²⁶. Корни вопроса уходят глубоко в национальную историю и психологию: поскольку российское государство практически с самого начала своего существования имело форму скорее империи, чем национального государства, в русской ментальности идея государственности прочно и тесно связана с идеей империи. Поэтому опыт утраты империи имеет черты не только внешней, но и внутренней деструкции, подрыва коллективной идентичности²⁷ и чувства собственного достоинства русских²⁸. Он является своего рода инициационным вызовом, и, если с ним не справиться, мы снова и снова будем сталкиваться с феноменом поиска новой и механизмами воспроизведения новой-старой идентичности России.

²⁶ Ершова Т. Менталитет и социальная идентификация: проблема детерминации исторического // Отечественная философия: русская, российская, всемирная. Нижний Новгород, 1998. С. 277.

²⁷ Ср.: Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. М., 2008. С. 171-173.

²⁸ Ср.: Paradowski R. Rosyjska myśl polityczna wobec upadku imperium // Rosja-Chiny. Dwa modele transformacji. Toruń, 2000. С. 41-43.

РУССКАЯ «ИДЕНТИЧНОСТЬ НЕИДЕНТИЧНОСТИ»?

340 С вопросом характера, специфики, познаваемости и значения проблемы «идентичности России» и феномена её поисков для истории России и жизни её жителей связано много устоявшихся, весьма распространённых, зачастую в равной степени категоричных и противоположных друг другу мнений и позиций, выражаемых участниками ведущих там дискуссий и даже исследователями русской действительности. Охотно, иногда чуть ли не ритуально подчёркиваемая непознаваемость или непонятность русскости, «русской души», «души России» и т. д. парадоксальным образом сопровождается зачастую столь же категоричными мнениями на их счёт; абсолютизация усматриваемой природы этих явлений и возведение ее в степень сверхреальности – довольно свободным вписыванием их в собственные концептуализационные схемы; лишение традиционных представлений русских о своей стране и о себе познавательной ценности – подчинением свойственной им убедительной силе, которое ведет к возникновению целого ряда устойчивых взглядов, предопределенностей и стереотипов.

Среди них можно назвать веру в лёгкую возможность радикального освобождения русскими от груза детерминаций и обусловленностей истории (негативных, прежде всего), либо, напротив, убеждённость в неизменности русской судьбы; рассмотрение будущего этой страны в дихотомических категориях Великого Взлёта или Великого Краха;

преувеличение реальности и всеобъемлющих последствий якобы стоящего перед Россией в настоящий момент или период (либо в недалёком будущем) окончательного цивилизационного выбора; смешение культурно обоснованных способов мышления о себе и о России и сопутствующих им видений и стремлений с эмпирической реальностью; трактовка избранных событий как проявлений усматриваемой «сути» русскости, как предвестников национальных и универсальных перемен, а собственных суждений, диагнозов и объяснений – как эксклюзивных интерпретаций русской Истины; абсолютизирование – в соответствии с выбранными позициями, питаемыми надеждами или же опасениями – предопределяющей всё роли православия, системы власти и т.д.; утрирование самобытности и хотя бы потенциальной движущей силы национальных или западных факторов в послепетровской истории России; провозглашение усматриваемой «европейскости», «азиатскости» или «евроазиатскости» и т. п. русских идеологических конструкций²⁹.

В то время как выбранная, собственная либо считающаяся правильной мыслительная концепция, как правило, расценивается в качестве эксклюзивной – в её предполагаемой глубине и истине – интерпретации русскости в общем и русской идентичности в частности, в качестве своего рода разгадки-решения «русской загадки», всем остальным отказывают в познавательной ценности, вследствие чего

²⁹ Более подробно об этом: Broda M. „Zrozumieć Rosję”? O rosyjskiej zagadce-tajemnicy. Łódź, 2011. С. 464-468 и др.

настоящий диалог и чувство единства с другими в принципе не являются возможными. К тому же, чем сильнее контраст между тем, что было, и видением желаемой перемены, чем радикальнее задуманные попытки выхода за пределы определяемых историей и традицией методов восприятия, концептуализации и проблематизации действительности, тем, как кажется, в большей степени предлагаемые мыслительные формулы – в особенности в сфере предпосылок субъектной веры в реальность своих, де-факто новых-старых интеллектуальных идей и конструкций – парадоксально наделены целым рядом черт, типичных для структур, из-под влияния которых их создатели как раз хотели бы вызволить русских и Россию³⁰.

342

Взгляд на русские попытки нахождения-распознавания «российской идентичности», а также на совершенно естественные результаты этого процесса обнаруживает симптоматичный парадокс: будучи определены поисками финальной тотальности, единства и идентичности, они де-факто не только выражают, но также закрепляют и усиливают (воспроизводя необходимость предпринимать очередные похожие попытки) опыт, переживание и восприятие российской действительности в категориях «спячки», «переходности», «разрыва» и «отсутствия идентичности». Насколько усматриваемая, впрочем, различным образом предчувствуемая и концептуализованная, усиленно отыскиваемая русская «идентичность» («душа», «идея», «загадка», «тайна»...)

³⁰ Там же. С. 414-421.

остаётся в их сфере в сущности мифической мыслительной конструкцией, настолько историческая социокультурная и духовно-интеллектуальная действительность России может быть хорошо описана и проанализирована через опыта раскола, отсутствия идентичности и попыток её обретения. «Нашей самой большой трагедией, – утверждает историк литературы Андрей Зорин, – является отсутствие идентичности»³¹. Мы как бы имеем дело с «идентичностью неидентичности» (характеристикой, которая лучше всего, возможно, объясняет современный облик России и, в особенности, доминирующий в ней тип самосознания) артикулируемой прямо, скрываемой или рассматриваемой как вызов и упорно преодолеваемой в обыденном мышлении и дискурсе, а также в русских мировоззренческих формациях, идеологических формулах и философских концепциях.

Мне думается, что это ничуть не случайно: намеренное обращение к Реальности, её обладающей свойствами формировать идентичность скрытой глубине и внутренней сущности – маргинализирующее аутоотелическое значение эмпирического знания и возможных для распознавания на его уровне факторов, обусловленностей и механизмов развития – оказывается *де-факто* выходом за пределы реальности. Недооцениваемая сфера явлений (эмпирическая, обыденная, профанная) постоянно заявляет о себе, приводя в движение процессы верификации очередных – неразрывно соединяющих между собой элементы сакральных и профанных

³¹ Цит. по: Remnick D. Zmartwychwstanie. Warszawa, 1997. С. 109.

знаний, духовный и материальный, познавательный и легитимизационный аспекты, нацеленных на финальное «воплощение» определённых содержаний – формул реализации русской истины, сущности, души, идеи... Таким образом, механизмы периодически повторяющейся самодеструкции результатов подобных стремлений и усилий не ограничиваются исключительно мыслительно-познавательной сферой, поскольку параллельно с предпринимаемыми действиями, нацеленными на создание идентичности, происходят приводимые ими в движение процессы самоотрицания, рано или поздно ставящие под сомнение чрезмерно амбициозные планы и попытки реализации российского Будущего. Усиливающийся с течением времени отрицательный результат предпринимаемых поисков-создания российской идентичности и попыток (с одной из них, стилизованной под имперскую, служащей для закрепления существующей структуры и авторитарного характера власти, мы как раз имеем дело) предпочтительнее всего окончательной самореализации России и русских, в свою очередь, интенсифицирует потребность поиска формул новых, но, как можно предположить, обречённых на повторение (после истощения связанного с ними потенциала развития) судьбы предшествующих попыток и т. п.³²

Если это так, тогда более понятной становятся историческая повторяемость возобновления в России усилий,

³² Ср.: Broda M. Paradoxy rosyjskiej wyobraźni. Ku rzeczywistości – poza rzeczywistość // Literaturwissenschaftliche und linguistische Forschungsaspekte der phantastischen Literatur. Frankfurt am Main, 2002. С. 21-23, 26-29, 32-35.

направленных на определение – распознавание и достижение – собственной идентичности, их распознаваемое, автоматическое буквально присутствие при рассмотрении иногда даже самых конкретных и детальных вопросов, а также влияние, оказываемое ими на способ восприятия, переживания и понимания мира, становления, формулирования и разрешения всевозможных, касающихся как сообщества, так и индивидуальных, проблем, а также объём интеллектуальной, культурной и общественной энергии, которую они поглощают³³. Более чёткими становятся также механизмы создания и формы «ложного сознания», сопровождающие русские стремления к самоопределению; ложного – поскольку непредубеждённый анализ распознаёт и, как следствие, существенно потенциально расширяет сферу русского сообщества как сообщества поиска собственной идентичности, упорно предпринимаемых попыток найти себя; вместо того, чтобы сужать её (то есть фактически парцеллировать) до круга лиц или групп, идентично декретирующих, с позиций исключительного обладателя, свою якобы эксклюзивную Истину.

Указанное направление возможной редефиниции русскими собственной идентичности, способа понимания ими своего сообщества, России и самих себя одновременно могло бы способствовать ослаблению страха быть лишёнными корней, связывающих их с национальным коллективом, а также заметному уменьшению масштаба «обязательного»

³³ Ср.: Sokoloff G. *Metamorphose de la Russia*. Paris, 2003. С. 17-19; Биллингтон Дж. *Россия в поисках себя*. М., 2005. С. 5-7, 21-26, 57-65, 166-178.

исключения из него «чуждых» лиц и групп, понимаемых как «денационализированные» или «враждебные». Указанный способ редефиниции также расширял бы пространство для истинной открытости, для совместного поиска, компромисса и диалога как в масштабе собственной – национальной, культурной, социальной и политической – общности, так и за ее пределами: в общении с другими, в мире.

ЮМОР И САТИРА КАК ИДЕНТИФИКАТОР ИДЕНТИЧНОСТИ

Идентичность, в том числе национальную идентичность, мы создаем не только из бронзы, не только из описываемых в научных трудах элементов, создающих нацию, таких как национальная символика, язык, история, культурное наследие. Мы идентифицируем себя также через общность смеха, через то, над чем смеемся, что нас забавляет, кого мы сознательно или неосознанно обижаем смехом, а кому мы снисходительно прощаем промахи, кто нам близок, а кого мы считаем чужаком и хотим с ним справиться, обезоружить его или уязвить смехом.

В этом контексте юмор и сатира выполняют разные роли: создают ощущение обособленности, иногда – дают обманчивое ощущение превосходства, иногда помогают справиться со страхом. Никто не любит, когда над ним смеются. Но при этом мы смеемся над другими. Отличающимися от нас. Рассказывая анекдот или смеясь над услышанной шуткой, мы прекрасно знаем, кто такие они – те, над которыми смеемся, и мы – те, которые смеются. Мы и они. Свои – чужие. Очень четкое деление.

СОСЕДИ В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ АБСУРДА

Во всем мире все народы смеются над своими соседями. Как нас видят – так над нами смеются. А, точнее, как видят наше отражение в кривом зеркале абсурда.

Канадские исследователи Род А. Мартин (Rod A. Martin) и Патриция Пахлик-Дорис (Patricia Puhlik-Doris) из Университета Западного Онтарио разработали опросник стилей юмора (HSQ) – перечень 32 вопросов, с помощью которых можно определить категорию чувства юмора¹.

Они выделили четыре стиля: (1) аффилиативный юмор (доброжелательный и позитивный), (2) юмор, направленный на убеждение в собственной значимости, (3) агрессивный юмор (за счет других, вредный, неэлегантный, политически некорректный), а также (4) самоуничижительный (люди смеются над собой).

Исследователи пришли к выводу, что национальное чувство юмора состоит, как правило, из всех четырех категорий, нас отличают пропорции.

Род А. Мартин, для которого юмор является основным предметом исследований, автор нескольких работ по психологии юмора², классифицирует смех как социальное явление. Смех является инструментом адаптации в социуме и одновременно психологическим барометром, указывающим уровень агрессии, доброжелательности, уровень

¹ См.: URL: <http://www.thejuryexpert.com/2012/11/musings-from-the-deliberation-room-the-impact-of-humor-on-juror-decision-making/> (дата обращения: 23.11.2015)

² В частности: Martin Rod A. The Psychology of Humor: an Integrative Approach. Burlington, 2010.

одобрения этим социумом отдельных своих членов и их поведения, а также существующую в нем иерархию (кто над кем может смеяться). Схожие механизмы мы наблюдаем в отношениях между нациями.

В анекдотах о соседях эксплуатируется, прежде всего, стереотип. Стереотипный итальянец – растяпа, любит женщин, вино и пение. Француз – гурман, галантный с дамами. Англичанин – флегматик, наделенный специфическим чувством юмора, немец превыше всего ценит порядок и т. п.

Голландцы рассказывают шутки о бельгийцах, бельгийцы о голландцах – обе нации во взаимном юмористическом портрете выглядят не очень умными. «Почему в Голландии нет кубиков льда? Они потеряли рецептуру» – так звучит версия, которую охотно рассказывают в Брюсселе. Голландцы рассказывают идентичный анекдот о бельгийцах и тоже очень радуются. Шведы глумятся над финнами, финны над шведами, австрийцы над венграми, венгры над австрийцами.

Слушая, над чем смеются жители нашего континента, может показаться, что европейское сообщество почти не существует. То, что происходит в барах, тавернах или пивных – это национализм в чистейшем виде. Роберт Шуман в гробу переворачивается, слыша как испанцы всю высмеивают португальцев, бельгийцы – французов, немцы – голландцев, шведы – норвежцев, датчане – шведов, немцы – поляков и турок, а поляки – чехов³,

– пишет Каролина Адамяк в издании «Пшеглэнд» („Przeгляд”).

³ Adamiak K. Europa żartem podzielona // Tygodnik Przeгляд. 2013. 19 sierpnia [Электронный ресурс] URL: <http://www.przeгляд-tygodnik.pl/pl/artukul/europa-zartem-podzielona> (дата обращения: 23.11.2015)

Комизм порождает ощущение обособленности сообщества, к которому мы принадлежим. Эксцентричный психолог Ричард Вайзман в 2002 году провел исследования, посвященные самой смешной шутке в мире⁴. Вайзман, в рамках эксперимента «Лаборатория смеха»⁵, в сорока странах мира провел голосование, на которое было вынесено сорок тысяч анекдотов. Вайзман доказал, что люди, принадлежащие к разным народам, обладают разным чувством юмора. У людей из Великобритании, Ирландии, Австралии и Новой Зеландии смех вызывают шутки, построенные на игре слов. Американцы и канадцы предпочитают смеяться над теми, кто очутился в нестандартной ситуации. Большинство европейцев предпочитает сюрреализм.

350

Наиболее склонной к смеху нацией оказались в исследованиях Вайзмана немцы. Их смешит буквально все. Конечно, они шутят также над соседями. Они покатываются со смеху, рассказывая анекдоты о крепко выпивающих, не гнушающихся воровством поляках. Поляки платят той же монетой, высмеивая немецкую любовь к «бескрылому» схематизму или слепому послушанию.

⁴ Это исследование было им описано в книге: „Laughlab: The Scientific Search For The World’s Funniest Joke”. London, 2002.

⁵ Наиболее универсальным анекдотом, который рассмешил 65% респондентов, был признан рассказанный психиатром из Манчестера: «Двое охотников из Нью-Джерси ходили по лесу. Вдруг один из них упал на землю. Не дышал, глаза затуманились. Второй охотник вынул мобильник и позвонил в больницу. «Мой друг умер. Что мне делать?», – спросил он диспетчера. Диспетчер тихим, мягким голосом отвечает: «Прошу успокоиться, я постараюсь вам помочь. Сначала удостоверьтесь, что ваш друг действительно умер». Некоторое время диспетчер ничего не слышал, потом раздался звук выстрела. Охотник вернулся к разговору с диспетчером: «Ладно, я удостоверился. Что теперь?». Этот анекдот понравился людям обоего пола, из разных стран, разного возраста, так как здесь описана абсурдная и в то же время простая и понятная ситуация с неожиданной концовкой.

Причем характерно, что то, что смешит, скажем, японцев, не смешит американцев, и наоборот. Вайзман открыл, что в Японии практически нет словесных анекдотов – японцев смешат только нарисованные.

РОССИЙСКОЕ ЧУВСТВО ЮМОРА

А русские? В представленных выше исследованиях не были особо выделены россияне, не исследовалось их чувство юмора. Можно ли попытаться определить это понятие? Помогали ли юмор и сатира в созидании общности в трудные времена затянувшейся на долгие годы российской трансформации, помогали ли найти идентичность, осиротевшую после распада советской империи? Могут ли россияне смеяться над самими собой? Какие национальные черты видят в россиянах отечественные сатирики? Над чем подшучивают? Как реагируют слушатели?

На Руси смех считался дурным тоном, духовенство предупреждало, что в смехе бес сидит. И в то же время именно тогда берет свое начало характерная для российского чувства юмора масленичная традиция скоморохов, ярмарочных шутов, сыплющих как из рукава шуточками-прибаутками и развлекающих ротозеев веселыми штучками. Это добродушный юмор.

Николай Чернышевский, критик и литератор XIX века, определял российский юмор, как «ядовитый, хоть веселый». Виссарион Белинский видел чисто российское чувство юмора в комизме Николая Гоголя: «юмор спокойный, юмор

добродушный – автор только изображает простачка». Смех у Гоголя это смех сквозь слезы. О том, что чувство юмора у россиян всегда содержало заряд самоиронии и самокритики, может свидетельствовать персонаж народных сказок Иванушка-дурачок, носитель народных черт: хитрости и своеобразной народной мудрости. Что-то из этой традиции уцелело и сегодня. Роль тогдашней ярмарки взяло на себя телевидение, где полно программ, в которых юмористы в скетчах комментируют актуальные события⁶.

В СССР в условиях цензуры и табу в политической сфере очень популярными были политические анекдоты⁷. Существуют целые сборники анекдотов о Ленине – высмеивающие культ вождя революции⁸, о Сталине – что было своеобразной реакцией на запугивание⁹, о Брежневе¹⁰, о КГБ¹¹. Особой подгруппой являются анекдоты о Чапаеве¹² или о Штирлице¹³. Это сокровищница информации об обществе, зачастую выдающиеся литературные произведения.

⁶ См.: URL: <http://www.rae.ru/forum2012/pdf/3273.pdf> (дата обращения: 23.11.2015).

⁷ В СССР сатира подвергалась жесточайшей цензуре. В сталинские времена за анекдоты можно было на много лет попасть в лагерь. Позднее режим сделал небольшую поправку, но рассказывание политических анекдотов в обществе оставалось весьма опасным, см. например: URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/2347190.html> (дата обращения: 23.11.2015).

⁸ См.: URL: <http://sovietera.net/anekdote/lenin.php>, <http://polit.ru/article/2007/04/22/anekdoty/> (дата обращения: 23.11.2015).

⁹ См.: http://www.gazeta.ru/science/2013/05/09_a_5316985.shtml, <http://ficbook.net/readfic/1664005/4662509> (дата обращения: 23.11.2015).

¹⁰ Генсек любил анекдоты о себе, своих охранников просил ему их рассказывать: URL: <http://pruttskov.livejournal.com/334345.html>; <http://ficbook.net/readfic/1664005/4662509> (дата обращения: 23.11.2015).

¹¹ Особенно опасный сорт – сотрудники служб не отличались чувством юмора: См.: URL: <http://anecarchive.ru/tag/kgb/> (дата обращения: 23.11.2015).

¹² См.: URL: <http://anekdote-rus.ru/chapaev/> (дата обращения: 23.11.2015).

¹³ См.: URL: http://aphorisms.su/anekdoty/wtirlic_v_anekdotah.html (дата обращения: 23.11.2015).

Рассказывание неблагонадежных анекдотов могло закончиться тюрьмой, что еще подогревало атмосферу исключительности, принадлежности к кругу избранных, посвященных в тайну. Все это закончилось вместе с ликвидацией цензуры в годы после распада СССР.

Распад был важным переломным моментом также для юмора и сатиры. Смехом осваивались новые порядки. Анекдот был для россиян попыткой отреагировать на травму, связанную с потерей позиции мировой державы, средством защиты от будничных забот, изменений в обществе.

ВРЕМЕНА ПЕРЕЛОМА И ЭПОХА ЕЛЬЦИНА

Предметом анекдотов в начале девяностых годов был сам распад СССР. Популярны были анекдоты в стиле: «Что Россия утратила в результате распада Советского Союза? Эстонское гостеприимство, таджикскую кинематографию, молдавский научный потенциал»¹⁴.

В первые годы после распада СССР очень популярными были анекдоты о «новых русских», сорящих деньгами, неотесанных и склонных к безвкусице¹⁵. «Знаешь, – говорит один новый русский другому, – этот галстук мне обошелся в тысячу баксов. – Мне повезло больше, – отвечает другой, – в одном магазине в Берлине нашел такой же, но за

¹⁴ См.: URL: <http://sunapse.ru/rushistory/Anekdot/Anekdot4.html> (дата обращения 23.11.2015).

¹⁵ См.: URL: <http://my90.ru/archives/230> (дата обращения 23.11.2015).

десять тысяч». Эта серия была реакцией на шок, вызванный резкими общественными переменами, прежде всего, переделом собственности, что большинство общества считало несправедливым. Бескровная реакция: я бедный, но культурный, а ты богатый, но примитивный. Теперь уже с трудом можно услышать свежие анекдоты из жизни «новых русских». Изменились сами богачи, изменилось отношение общества к ним. Знаменательно.

Разновидностью анекдотов о «новых русских» были анекдоты о гангстерах, занимающихся рейдерством (якобы законный захват собственности, как привило, с применением силы). Классический пример:

Молится рейдер в часовне святого Саввы:

– Отче преподобный помоги завершить проект с каучуковым заводом...

Смотрит, рядом пристроился Шустрик и тоже что-то бормочет.

Рейдер к нему шепотом обращается:

– О чем молишься?

– Да вот, – мнется Шустрик, – хочу, чтобы Савва посодействовал получению бонуса к Новому году.

– А большой бонус?

– Да полторы косых зелени.

– Слушай сюда. Вот тебе две тысячи и вали отсюда, не беспокоя преподобного по пустыкам... Помоги, отче, зайти на каучуковый завод тихо и незаметно...¹⁶.

Анекдоты были и об авторах бандитской «приватизации», о зарплатах, которые не выплачивались долгие месяцы, о разоряющихся предприятиях, о космонавтах, вращаю-

¹⁶ См.: URL: <http://politic-anekdot.com/anekdoti-pro-reiderov.php> (дата обращения 23.11.2015).

щихся на орбите, потому что не хватило денег на их приземление, о новых мечтах молодежи, об измененной второпях конституции, о пьянстве Бориса Ельцина, о его проблемах со здоровьем, о том, как новый политический класс разворовывает народное имущество, о реформах, о растущей задолженности, о выборах и о других «изобретениях» демократии, об ужасающем состоянии экономики, о внешней помощи, о коррумпированных гаишниках¹⁷. В анекдотах мы найдем большую дозу самоиронии, гоголевский смех сквозь слезы. «Выступает Ельцин: В 1991 году страна очутилась на краю пропасти, а сейчас мы сделали серьезный шаг вперед»¹⁸.

Объектом шуток был златоустый премьер-министр Виктор Черномырдин, известный своим специфическим чувством юмора и произвольным соблюдением правил русского языка. «Встречаются Черномырдин и Гор [вице-президент США – А.Л.]. Американский гость старается поприветствовать хозяина по-русски, но у него не очень получается, так что просит прощения: Русский язык такой трудный. – Эх, – вздыхает Черномырдин, – и это вы мне говорите?»¹⁹. Как анекдоты цитировались подлинные высказывания премьера (например, самое известное «хотели как лучше, а получилось, как всегда»).

За молниеносно изменяющимся политическим и общественным пейзажем пыталось поспеть телевидение. С 1994 года

¹⁷ См.: URL: <http://www.proza.ru/2011/03/18/1296> (дата обращения 23.11.2015); <http://sunapse.ru/rushistory/Anekdot/Anekdot4.html>(дата обращения 23.11.2015).

¹⁸ См.: URL: <http://sciencehorn.com/anekdoty-90-kh> (дата обращения 23.11.2015)

¹⁹ См.: URL: <http://politic-anekdot.com/anekdoti-pro-chernomirdina.php> (дата обращения 23.11.2015).

по каналу НТВ шла еженедельная сатирическая программа «Куклы»: куклы известных персонажей политической сцены, во главе с президентом Ельциным, разыгрывали абсурдные сценки, связанные с актуальными событиями²⁰. С экрана лилась безжалостная критика недостатков политиков, в развлекательном тоне затрагивались трудные вопросы, например, чеченская война²¹. Программа пользовалась огромной популярностью. По слухам, программу смотрел президент Борис Ельцин, иногда смеялся, иногда злился, но программу не закрывал. Это строило новую для России идентичность власти – мужественно выносящей издевки и благодаря этому более близкой обычным смертным, демократичной, совершающей ошибки. Это изменилось с приходом нового лидера, который явно не любил шуточек на свою тему²² и который начал строить, а точнее восстанавливать, другую идентичность власти: власти, которая лучше знает, власти, которая не позволяет над собой иронизировать, а уж тем более себя высмеивать. Программа «Куклы» была закрыта в 2002 году. Телевидение начало говорить голосом власти.

Реанимация десять лет спустя подобной формулы кукольного political show «Мульт личности» была неудачной и умерла своей смертью в 2013 году – политическая

²⁰ Отдельные программы можно посмотреть в архиве: URL: <http://www.youtube.com/playlist?list=PL2F7BBEF485839977> (дата обращения 23.11.2015).

²¹ См.: URL: <http://www.youtube.com/watch?v=YMKS1tbwcaA>.

<http://www.youtube.com/watch?v=ribtdO0ACW4> (дата обращения 23.11.2015).

²² См.: URL: <http://www.youtube.com/watch?v=GufK9jwV0U4&list=RD0d3Z3QJIOeE> (дата обращения 23.11.2015).

сатира в этой программе была настолько угодливой, что трудно говорить о сатире²³.

НОВАЯ ЭРА

Политическая сатира во времена Владимира Путина в значительной мере перебралась из телевидения в Интернет. Сатирики создали свои авторские сайты и блоги²⁴, многие программы кабаре или монологи можно посмотреть в сервисе You Tube²⁵. Сатирические программы на телевидении продолжают быть популярными, но в них нет критики властей²⁶.

Возникли сетевые субкультуры, специализирующиеся на шутках, например, квази-энциклопедия Луркоморье²⁷, появился специфический язык луркоязы, с ненормативной лексикой и неологизмами. Примером статьи из Луркоморья, которая саркастически подражает Википедии, может послужить биография Анатолия Кашпиrowsкого. Авторы статьи предупреждают, чтобы химики, биологи, физики и все

²³ См.: URL: <http://www.1tv.ru/sprojects/si=5775> (дата обращения 23.11.2015).

²⁴ Например, Игорь Иртенев: URL: <http://www.irteniev.ru/>; Андрей Бильжо: URL: <http://bilzho.livejournal.com/>; Союз юмористов: URL: <http://www.umoristy.ru/p11.html>; Дмитрий Быков: URL: <http://ru-bykov.livejournal.com/> (дата обращения 23.11.2015).

²⁵ См.: <http://www.youtube.com/watch?v=mzDHFZ2hPYg>; <http://www.youtube.com/watch?v=gn4I3VnM4RM> (дата обращения 23.11.2015). В Интернет-ресурсах можно найти также сайты молодых разгневанных творцов, называющих себя юмористами, которые используют исключительно цензурную лексику (например, Саша Бесиш (Sasza Biesisz), Мы юмористы: <http://vk.com/wehumorists>).

²⁶ См.: URL: http://russia.tv/brand/show/brand_id/9215 (дата обращения 23.11.2015); [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D1%88%D0%BB%D0%B0%D0%B3_\(%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D1%87%D0%B0\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D1%88%D0%BB%D0%B0%D0%B3_(%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D1%87%D0%B0)) (дата обращения 23.11.2015).

²⁷ URL: <http://lurkmore.to/> (дата обращения 23.11.2015).

те, кто хорошо помнит школьную программу по этим предметам, дальше не читали. «Родился в Хохлостане²⁸. Да не абы где, а в том самом селе под Винницей, где принял ислам основатель хасидизма. Регулярное хождение мимо гробницы последнего в украинскую школу не могло не сказаться на формировании ЧСВ пациента. Окончил медвуз и работал психотерапевтом. В 1989 г. появился в зомбоящике²⁹ СССР и провел сеанс гипноза и с тех пор промышляет им постоянно, получая нехилый профит. [...] С 93 по 95 был депутатом госдумы от ЛДПР. Потом уехал в Америку, где понижал процент жирности у аборигенов и сейчас временами набигает на Рашку [...]». И так далее в том же духе³⁰. Портал Луркоморье периодически вступает в конфликт с законом, учитывая вульгарность или слишком фривольный подход к тематике, авторы не заботятся о политической корректности, как собственно, ни о какой другой тоже³¹.

Интернет и другие быстрые средства связи дали возможность молниеносно распространять информацию, в том числе анекдоты. В России есть множество порталов, специализирующихся в сборе шуточек – и словесных, и рисованных, язвительных комментариев к смешным или официальным фотографиям.

²⁸ Шуточно-презрительное название Украины.

²⁹ Зомбоящик – жаргонное название государственного телевидения, которое занимается отупляющей пропагандой.

³⁰ См.: URL: <http://lurkmore.to/%D0%9A%D0%B0%D1%88%D0%BF%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9> (дата обращения 23.11.2015).

³¹ См.: URL: http://www.cnews.ru/top/2013/10/03/lurkomore_vneseno_v_spisok_ekstremistskih_saytov_545201; <http://grani.ru/Internet/m.208942.html> (дата обращения 23.11.2015).

К наиболее популярным и чаще всего посещаемым относится российская разновидность Демотиваторов³². Авторы анекдотов, помещенных в Демотиваторах, высказываются по поводу текущих событий из мира политики, спорта, культуры или ее отсутствия. Сами авторы не считают себя обязанными быть вежливыми: ненормативная лексика (обсценизация языка является классическим проявлением радикализации общественных настроений), политическая, да и всякая иная некорректность – это соль такого чувства юмора. Авторы комментариев, посвященных непростым аспектам действительности, отслеживают абсурдные моменты. Например, фотографию горки на детской площадке рядом со старыми надгробиями снабжают подписью «Живи не торопясь»³³. Комментарием к кампании, посвященной знанию русского языка, является сопоставление трех форм английского глагола «run-ran-running» и более ста слов на русском языке, производных от глагола «бегать»³⁴. Подпись: великий и могучий. Излюбленные темы шуток – секс, пьянство, поведение на дорогах, засилье властей, коррупция, животные³⁵.

Огромную коллекцию популярных анекдотов можно найти на специализированных сайтах, например,

³² См.: URL: <http://demotivators.to/> (дата обращения 23.11.2015).

³³ См.: URL: <http://demotivators.to/p/245276/zhivi-ne-toropyas.htm> (дата обращения 23.11.2015).

³⁴ См.: URL: <http://demotivators.to/p/827380/velik-i-moguch.htm> (дата обращения 23.11.2015).

³⁵ См.: URL: <http://demotivators.to/p/485576/esli-dolgo-vsmatrivatsya-v-alkogol-alkogol-nachinaet-vsmatrivatsya-v-tebya.htm>; <http://demotivators.to/p/249953/est-cho-pochitat.htm>; <http://demotivators.to/p/250588/chernila-konchilis.htm> (дата обращения 23.11.2015).

www.anekdot.ru. На сайте anekdoty.onru.ru анекдоты о национальностях занимают по численности второе место, сразу после неприличных³⁶. Россияне охотнее всего подсмеиваются над евреями, американцами, украинцами, поляками, грузинами, немцами, чукчами³⁷. Но на прямой вопрос, над кем смеются, чаще всего отвечают: «над собой». Отдельная сфера, над которой смеются в анекдотах, – это приумножающие силу и имущество представители спецслужб. «Не заканчивайте МВА, заканчивайте Академию ФСБ – оттуда вышло больше миллиардеров...»³⁸.

Вернемся еще к «Куклам». Автор сценариев программы – писатель, публицист и сатирик Виктор Шендерович после закрытия телевизионного цикла перешел в оппозицию и продолжает хлестать бичом правящую команду. Поскольку двери центральных телевизионных каналов для него закрыты (именно из-за этого бича), он, как и многие другие независимые авторы, публикует свои произведения в Интернете³⁹. Шендерович – это пытливый ловец абсурда, он реагирует на то, что происходит в публичном пространстве, острыми короткими комментариями. Он, в частности, заметил, что хотя после введения российской властью эмбарго на грузинскую воду «Боржоми» под предлогом содержания в ней вредных веществ с российского

³⁶ См.: URL: <http://anekdoty.onru.ru/anekdoty/anekdoty/30> (дата обращения 23.11.2015).

³⁷ См.: URL: http://smeh2005.narod.ru/the_nation.htm; <http://prikol.proext.com/anekdot/?cat=13> (дата обращения 23.11.2015).

³⁸ См.: URL: <http://www.anekdot.ru/tags/%F4%F1%E1> (дата обращения 23.11.2015).

³⁹ Он постоянный комментатор Интернет-портала «Ежедневный журнал» (ej.ru). Ведет также авторский Интернет-сайт (<http://www.shender.ru/>).

телевидения исчезла реклама этой воды, то в версии для зарубежья реклама осталась в эфире⁴⁰. Шендерович был одним из активных участников уличных протестов в Москве⁴¹, во время которых обрело новую жизнь слово креатив – это спонтанная реакция на события, противостоящая официальной чопорности. Средний класс из больших городов вышел из Интернета на улицу. И вел с властью диалог с помощью остроумных лозунгов. Юмор был одним из столпов общности движения протеста.

Транспарант «Освободить раба на галерах!» (отсылающий к словам Путина, что в течение предыдущих сроков как президент он трудился, как раб на галерах) соседствовал с плакатом «Мы за новые амфоры» и – как вариант – «Мы за честные амфоры» (комментарий к показательному дайвингу президента, который выловил с морского дна старинные амфоры; потом оказалось, что амфоры были подложены заранее). Над толпой покачивалась огромная кукла в облачении колдуна, напоминающая председателя Центризбиркома Владимира Чурова. Из школьного блокнота кто-то склеил плакат «Тандем наших парней» с портретами Путина и Романа Абрамовича. Очередные плакаты: «Вылей озеро в канализацию» (члены кооператива «Озеро», строящего в 90-е годы дачи под Петербургом, сегодня входят в окружение Путина, занимают высокие посты, нажили огромные состояния); «2000 – PutIN,

⁴⁰ См.: URL: <http://ej.ru/?a=note&id=11214#> (дата обращения 23.11.2015).

⁴¹ Наиболее активная волна протестов прокатилась после выборов в Государственную Думу в 2011 году и президентских в 2012.

2012 – PutOUT», «Зимой ботокс не греет». И еще тысячи, тысячи, тысячи⁴². «Не раскачивайте лодку, нашего крысеныша тошнит» – с такой эмблемой на груди появился на одном из протестов писатель Дмитрий Быков.

Быков является автором поэтического цикла «Гражданин поэт» – одного из самых удачных сатирических проектов времени протестов⁴³. Быков писал сатирические стихи, а декламировал их прекрасный актер Михаил Ефремов. Отдельные выпуски можно было увидеть на Интернет-ТВ «Дождь», потом на радио «Эхо Москвы», в блогах и во время концертов. «За все тебя благодарю» – так начинается свободная вариация на стихотворение Лермонтова «Благодарность», которая была написана по случаю очередной встречи премьера Путина с представителями творческой интеллигенции. Быков благодарит его за «отстраивание» Чечни и телевидения, за «равноудаленье» олигархов, за Родину, которая как паралитик трясет головкой, но поднимается с коленей, за парламент, «думающий хором». Быков обрывает свое стихотворение, не заканчивает, оставляя читателю возможность собственного толкования (Стихотворение Лермонтова завершается фразой: «Устрой лишь так, чтобы тебя отныне недолго я еще благодарил»).

Это был голос утонченного интеллигента. Для менее требовательной публики творит Михаил Задорнов. «Они тупые»⁴⁴.

⁴² См.: URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24431541.html> (дата обращения 23.11.2015).

⁴³ См.: URL: http://vk.com/grazhdanin_poet (дата обращения 23.11.2015).

⁴⁴ См.: URL: http://www.moskva.fm/artist/%D0%BC%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%B7%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B2/song_0271965 (дата обращения 23.11.2015).

Они, то есть янки, америкосы – исключительные тупицы. Тупые, потому что не умеют жить: соблюдают правила, действуют по инструкции и т. п. Сеанс превосходства российской смекалки над тупицами с другого полушария собирает толпы, кроме того, концерты транслируются ТВ Россия и РТР Планета и занимают высокие места в рейтингах. Этакий сатирический пластырь на фантомные боли после утраты империи. Нужен ли он еще? На дискуссионных форумах появляются, правда, голоса, что формула высмеивания чужих глупцов людям несколько надоела, но концерты Задорнова продолжают бить рекорды популярности.

Внешний враг, как хотят кремлевские инженеры душ, не дремлет, но надо также противостоять чужакам с собственного подворья. Чужой – это иммигрант, человек с иной сексуальной ориентацией, или снова, как во времена СССР, интеллигент, именуемый также либералом. Объединение этих двух последних категорий в одну дало издевательский неологизм «либераст».

МАСТЕР СДЕРЖАННОГО АФОРИЗМА.

Сатирик Михаил Жванецкий – это единственный в мире человек, который может сказать прямо в глаза россиянам нелицеприятные вещи. О них самих. А они принимают это без злости. Может, потому что его лаконичные афоризмы до боли правдивы, одновременно универсальные и локальные, может, потому что маг из Одессы к человеческим

слабостям относится снисходительно, сам не свободен от недостатков, равный всем нам.

Пусть подведет итог то, что этот тонкий философ непростой повседневности написал в недавнем тексте:

Мы не похожи на всех. Нас видно. Мы агрессивны. Мы раздражительны. Мы грубо нетерпеливы. Все молча ждут, пока передний разместится, мы пролезаем под локтем, мы в нетерпении подталкиваем впереди стоящего. [...] Мы не можем расслабиться. Мы все кагэбисты, мы все на задании. [...] Мы можем харкнуть на чистый тротуар. Почему? Объяснить не можем. Язык, которым мы говорим, груб. Мы переводим с мата. Мы хорошо понимаем и любим силу, от этого покоряемся диктатуре и криминалу. И в тюрьме, и в жизни. [...] Мы, конечно, не изменимся, но хотя бы осознаем, каковы мы⁴⁵.

Универсально и локально. Для каждого.

⁴⁵ См.: URL: <http://www.adme.ru/vdohnovenie-919705/krik-dushi-mihaila-zhvanekogo-485355/> (дата обращения 23.11.2015).

ОБРАЗ И НАСЛЕДИЕ ФРЕЙДЕНБЕРГ

Моя статья посвящена русскому ученому, которого хорошо знают в Польше. Это Ольга Михайловна Фрейденоберг (1890-1955), одна из первых женщин профессором, которая заново создала кафедру классической филологии в Ленинграде после ее упразднения в 1921 г. и возглавляла до конца 1940-х. Она родилась в 1890 г. в Одессе и принадлежала к поколению, русских интеллигентов, которые успели получить образование и состояться как личности до революции, а когда она произошла, были в расцвете молодости. Они не могли «доживать» свою жизнь, переворот не означал для них только краха, только катастрофы. Они стремились к созиданию в тех условиях, которые предложила им судьба. Возросшие в эпоху Серебряного века они, если не были, конечно, убиты, прожили всю свою жизнь при коммунистическом режиме, но все же это они создали почти все что, чем могла гордиться Россия в поэзии, искусстве и науке. Ольга Михайловна Фрейденоберг была двоюродной сестрой Бориса Пастернака, его сверстницей и пожизненным собеседником. Они были близки в детстве и ранней молодости, а потом, живя в двух разных столицах, сорок лет переписывались и под-

держивали друг друга, даря друг другу взаимную опору понимания.

Ольга Михайловна Фрейденберг – это ученый, теоретик мифа и теоретик культуры. Ее имя должно было бы стоять рядом с классиками гуманитарной науки XX века, в ряду Леви-Строса и Кассирера. Ее масштаба и оригинальности при жизни коллеги не замечали, в официальной прессе травили, не печатали. Ю. М. Лотман, первый после ее смерти издавший в 1973 г. несколько работ Фрейденберг, извлеченных из архива, признавался, что когда он учился в ЛГУ, ничего не знал о таком теоретике культуры.

Выпускник Варшавского университета, бежавший в 1939 г. в СССР, Натан Соломонович Гринбаум, был полон благодарности к Фрейденберг за ее участие в его судьбе. Но когда на старости лет он услышал фрагменты из ее воспоминаний, касающиеся самых общих мировоззренческих основ ее научной деятельности, то сказал, потрясенный: «Будучи знаком с Фрейденберг как с преподавателем, заведующим кафедрой и отзывчивым человеком, я никогда не подозревал, что это большой ученый и даже философ».

Как раз в Польше Фрейденберг знают больше, чем где бы то ни было, за пределами России. Многие ее работы переведены на польский язык, много работ написано о ней, и знакомство с ее теориями восходит еще к довоенным годам, когда книга 1936 г. «Поэтика сюжета и жанра» была замечена, прочитана и получила отклики в среде польских интеллектуалов.¹

¹ Подробный перечень польских изданий и исследований трудов Фрайденберг см. Debaty Artes Liberales. t. XI. С. 308-309.

Но я хочу рассказать не о ее книгах, и не о ее теориях. Для краткости отмечу, что Фрейденберг относится к общему направлению европейской гуманитарной мысли первой половины XX в., в котором оформилось стремление научно описать сознание, ничего не знающее о научном, способе описания. Она занималась механизмами смыслопорождения, диалектикой образа и понятия от первобытного мифа до поэзии. Единственная опубликованная при жизни книга «Поэтику сюжета и жанра» была конфискована, в «Известиях» появилась рецензия невежественного заказного рецензента с характерным названием «Вредная галиматья». Началась травля, которая закончилась не тюрьмой и лагерем, но конфискацией книги и запретом на публикации.

Окончательное вытеснение из академической жизни состоялось после войны, когда в 1950 г. Сталин выступил против умершего в 1934 академика Н. Я. Марра, за два года до смерти отошедшего от дел по болезни. Невежественные карьеристы, последователи Марра, обратились в касту и захватили контроль над языкознанием в СССР, особенно в Ленинграде. Фрейденберг, в свою очередь, отошедшая от Марра в начале 1930-х и марровцами не признаваемая, была уволена из университета как марристка и подверглась затем двойной анафеме: официальной и неофициальной. Репутация марристки сделала ее заведующей кафедрой классической филологии в 1932 г. Эта же репутация заставила ее уйти из университета в 1951 г., когда Марр был предан анафеме с самой высокой на тот момент трибуны.

Она заплатила за ассоциацию с Марром забвением после смерти на долгие годы.

Прочитую то, что писала Фрейденберг, никогда не кававшаяся публично и не отрекавшаяся от Марра, в своих не предназначенных для печати мемуарах:

Во мне накопело в душе от Марра. Чем влиятельней он становился, чем насильственной он заставлял принимать свое учение и подлаживаться под политику, том громче поднимался во мне негодующий протест. Я желала сбросить с себя гнет его имени, тяготевший над моей научной индивидуальностью; мне надоело терпеть гонение за недостатки его теории и отдавать в его приходную книгу свои научные достижения. Его клика, его камарилья, ничтожества, выдвигавшиеся им в ущерб науке, его недоступность, вырождение былых его взглядов и привычек, партийная лесть и деспотизм – это все раздражало меня, вызывало во мне стыд, и я хотела отмежеваться от марризма. Столько лет борясь за Марра, я боролась за передовую мысль и ее независимость; теперь я видела, что она сама стала деспотичной, нетерпимой, неумной. Марр начал с расизма – и его «яфетический» период был самым блестящим и последовательным². «Четыре элемента», порвав с расизмом, завели в теорию архетипов, если не мистики³. Они, как научная теория, не умны и не красивы<...>. От меня требовали признания, что моя книга написана по Марру; всякое дыхание меня самой изгонялось. В отделе «вещи» мне ввели Марра, – а это было неверно, так как я шла от немецкой археологии, от Узенера с его метафористикой вещи⁴.

² Речь идет об учении Марра о языковых «расах» – что-то вроде стадиальной типологии языков.

³ Имеется в виду, теория четырех первичных полисемантических языковых элементов (сал, бер, йон, рош), из которых сложились все слова всех языков. Что же касается «архетипов», то это не Юнговские архетипы, а предполагаемый первоисточник. Так, в палеографии архетипом называется та рукопись, с которой сделаны списки с разными ошибками. Но Фрейденберг не считала, что для обрядов существует самый первый обряд, для сюжетов – самый первый сюжет, которые затем переделываются и искажаются. Нечто близкое к тому, что у Юнга называется «архетипом», она называла мифологическим образом, «чистым смыслом», который воплощается в своих словесных, вещных или действенных метафорах.

⁴ Фрейденберг О. М. Воспоминания о самой себе. Рукопись.

Так она и умерла в 65 лет, оставленная учениками и коллегами, оставив в железном сундуке 12 монографий, два десятка законченных статей, огромную рукопись «Воспоминаний о самой себе» (34 тетради, примерно 2300 машинописных страниц) и несколько пачек переписки с разными людьми. Самой поразительной находкой оказались 130 писем Бориса Пастернака, двоюродного брата Ольги.

Доля опубликованного при жизни в числе ныне существующих публикаций ничтожна. В настоящее время о Фрейденберг написана уже не одна сотня статей и рецензий в разных странах и на разных языках, защищено несколько диссертаций в Соединенных Штатах, Германии и России, опубликовано несколько книг, она самый «переведенный» русский филолог-классик, а если говорить о посмертной славе русских гуманитариев, то большей популярностью обладают, пожалуй, формалисты – благодаря роли Романа Якобсона в США, и М. М. Бахтин, которого поднял на своих крыльях постмодернизм.

Придется признать, что для читателя труды Фрейденберг трудней и формалистов и Бахтина. Для того, чтобы читать ее труды, надо иметь очень серьезную эрудицию – она ничего не поясняет и не разжевывает. И просто большую простую начитанность, так как Фрейденберг свободно переходит в своем анализе от античных текстов к древнеиндийским, средневековым европейским, библейским, обращаясь к читателю как равному. И конечно, надо иметь открытое сознание, не отформатированное пусть по прекрасным, но готовым шаблонам. Хотя сейчас, спустя столько десятилетий

ее книги включают в куррикулумы очень многих специальностей, оскудевшее и эрудицией и трудолюбием студенчество не очень им радо, особенно на ранних курсах, где полагается хронологически изучать все древнее.

Существует сайт «Архив О. М. Фрейденберг» www.freidenberg.ru, где можно познакомиться со многими ее опубликованными и некоторыми неопубликованными трудами, а также с библиографией ее работ, работ о ней и другими материалами.

Но сейчас меня будет интересовать исключительно это этого человека, отразившийся в ее воспоминаниях, которые она писала для истории. В них поражает беспощадные анализ сущности сталинского режима, полная свобода от индоктринации, опережение времени не только в науке, но в охвате умом даже военной политики и международных отношений, и это при полной изоляции от правдивой информации, своего рода ясновидение: она видела сквозь железный занавес.

Вот завершающие строки «Воспоминаний о самой себе»:

Вот, собственно, и все о моей жизни. Какой может быть эпилог, и в чем его значение? Проживу ли я долго или мало, это уже асемантично. Природа дала мне изобилие моральных сил и способностей, но я их утрачивала в непрестанной борьбе, где я тщила противостоять государственной машине насилия и убийству заживо. Я тащила на своей спине мать, думая достичь берега, но вышла одна, раздетая до-гола, потеряв все, что составляет признаки человека. Я стала вновь собирать свои силы, чтоб не умереть опустошенной. Но против меня, как человека, пошли со всех сторон такие уловки техники, биться с которыми я больше не могла. Мой муж, данный мне от жизни, как дается благодать от бога, был раздавлен пьяной машиной, и умер с перебитыми ребрами. Мой брат умер среди

самых ужасных мучений сталинского застенка. Мой отец и моя мать погибли от голода и потрясения. Моя наука была задушена пальцами Сталина. Моя любовь поругана, как и моя честь. Мои ученики отошли от меня, испуганные сталинским режимом. Я должна была отказаться от последнего, чем дорожила – от кафедры.

И все же это не самое ужасное. Самое ужасное – осада, которую я увидела воочию, то скальпированье живого человека, перенести которое не может ничья душа. Египетская «Книга мертвых» была менее страшна, чем эти записки.

Я, конечно, внутренне не сдамся и дальше. Записки, написанные среди обысков, арестов и казней, есть мой человеческий протест против артиллерии антихриста. Я буду дальше рыться в земле в поисках целебного корня <...>, буду, бунтовать, делать усилия, чтоб написать свою последнюю книгу; я буду верить в науку и в историю. В сущности, главного я достигла: в Известиях Академии наук уже вышла статья об отце, с полным признанием его заслуг и трагической судьбы. Да, вышла эта статья. Отец вошел в историю техники, как изобретатель автоматической телефонной станции принципы которой действуют поныне. Как не верить в историю? Пусть вся жизнь отца и не получит освещения (его биография, как еврея, запрещена), но то, что день настал для страдальца, что из полной безвестности он вышел в свет истории науки – великое чудо. Как творец, он жил всегда и в будущем. Но ни до чего не дожила мама, этот человек потрясающего трагизма, которой было суждено, однако, пройти сквозь трехгодичную осаду.

Не знаю, когда и от чего я умру. Но одно знаю, если я буду умирать в сознании, в моих глазах будут стоять два образа – моей матери – и московского Нюрнберга.

10 декабря 1950 г.

О.Фрейденберг⁵.

Само написание таких дневников, само сопоставление Сталина и Гитлера, которое сейчас стало, быть может, тривиальным, в 1950-м году было проявлением невероятной свободы мысли. Записывание подобных мыслей, когда в любой момент к тебе могут прийти с обыском, это не

⁵ Там же.

баловство, а смертельный риск. Поэтому я полагаю, что само создание этих записок было поступком. Но сейчас, когда слов стало много, а поступков в среде российских интеллектуалов большой дефицит, да и спроса на них, похожее, нет, мне хочется – пусть через дневники – показать не слова, а поступки. Так, для современного интеллектуала, как правило, нет проблемы в том, чтобы получить какой-нибудь приз или премию от властей предрержащих. А вот что думала по этому поводу Ольга Фрейденберг:

Сколько мне ни предлагали, еще на факультете, выдвинуть «Гезиода» или другую работу на сталинскую премию, я уклонялась. Никакая бедность и пренебрежение не могли бы испугать меня настолько, чтоб я забыла честь науки и связала труд, ей с усердием отданный, с именем презренного, низкого, кровавого тирана. Я опозорила бы этим самое дорогое, что было у меня. Быть лауреатом гасителя, душителя науки, и с его именем связать научную работу. Нет, во мне не умирала надежда на будущее обновление и на кару убийце⁶.

Я приведу из мемуаров Фрейденберг еще один рассказ о том, как после конфискации «Поэтики сюжета и жанра», разгромной статьи в газете «Известия» и разбирательств в университете Фрейденберг вызвали к цензору. Текст немного сокращен, без указания изъятий.

Ко мне вышла женщина сугубо партийного вида, русская, из пролетариев, суровая. Она оказалась главным цензором. Произнеся заученно-казенную фразу о недостатках моей книги, она заявила мне, что Главлит предлагает мне внести ряд исправлений, после чего выпустит книгу в новом виде. К ее величайшему изумлению, я отказалась. Разговор был длинный и очень интересный. Она вынула бумажку с указанием десяти мест, нуждавшихся в изменении.

⁶ Там же.

Я попросила ее ознакомить меня с этими десятью местами. Взяв «Поэтику» цензора стала зачитывать мне эти места. Стр. 6 – о непреодоленном наследии Гегеля (речь идет об идеалистической поэтике). Стр. 10 – фраза о трансформации старого мировоззренческого материала. Стр. 40-41 – Показ условности эпических сюжетов. Стр. 198 – фраза о плодотворных эмпирических попытках западной науки. Стр. 349 и 350 – о мотиве разбиваемой посуды в «Укрощении строптивой». Стр. 306 – фраза, что до 19 века нет реализма, который не был бы комическим и обличительным. Стр. 310 – о натуралистическом характере античного реализма. И, наконец, стр. 320 – мысль о том, что «возвышенное» греки относили к области религии.

– И это все? – спросила я.

– Да.

Тогда мое спокойствие перешло в бешенство. – Это – все? Так вы из-за этого конфисковали книгу, позорили автора на всю Россию, требовали отнятия ученой степени? Вот из-за этих десяти фраз?

Завязался страстный спор. Ни на какие уступки я не соглашалась.

– Но ведь что вам стоит? – убеждала цензор. – Мы просим вас о пустяках. Переделайте, перефразируйте десять фраз, – и ваша книга получит жизнь!

– Если это пустяки, то не придавайте им такого значения. Нет, это уже не пустяки! Иначе вы цинично относитесь к этим «десяти фразам». Либо они пустяки – тогда не обращайтесь на них внимания. Либо они принципиальны, но тогда я их не изменю и не должна изменять.

Цензор начала угрожать мне: – Если вы не измените их, будет плохо и вам и вашей книге!

Я приняла легкий, шуточный тон, исполненный спокойствия: – О, не страшите меня! Я не из страшущихся! Мне и книге не угрожает ничто.

– Мы наложим на книгу арест!

– Накладывайте! Какое мое дело? Я вышла из игры. Мне, как автору, было достаточно одного часа выхода в свет книги, чтоб она прошла в историю науки. Теперь вы не в силах это аннулировать!

Цензор позеленела:

– Но государственные средства, потраченные на эту книгу?

– И что ж? Это касается не автора. Предъявляйте претензии к издательству.

– Но изъятие книги отразится на вашей судьбе.

Я весело рассмеялась:

– На моей? Не пугайте! Законы Сталинской Конституции охраняют меня от всякого произвола. А если по праву я заслужу кару, то я и приму ее.

Моя собеседница иронически улыбнулась. Кто мог серьезно говорить о сталинских законах и конституции!

Видя, что утратить меня нельзя, цензор начала просить меня. Она говорила, что ей необходимо выполнить возложенное на нее поручение. Она предлагала не десять, а восемь поправок... шесть... сколько я хочу.. ну, одну! только одну! Им нужно иметь право, при новом выпуске книги сказать, что она «пересмотрена и исправлена». Я отказывалась, тогда цензор сказала:

– Ну знаете что? Если вам тяжело это сделать, ладно, не исправляйте. Но дайте нам письменное согласие на такую фразу.

– Ничего я вам не дам, – отвечала я мило, дружески, запросто. Цензор объявила беседу законченной.

Вдруг, меняя тон, она сказала мне: – Я сделала все, что могла. Такого честного и принципиального автора, как вы, я встречаю впервые. Обыкновенно, все нас боятся, и мы достигаем всего решительно, что только нам нужно!⁷.

Самый близкий для Ольги Михайловны человек и коллега, талантливый ученый, разносторонне европейски образованный ученый не понял этого поступка:

Он считал мое упорство тупостью и узостью, и говорил, что нужно пойти на любые уступки во имя того, чтобы жила и функционировала книга. Я смотрела на него и думала: «Почему он так прибит жизнью и проповедует рабство?». Ему хотелось любой ценой с моей стороны реабилитировать книгу, а с нею и себя. Но здесь начиналась наука. Никаких жертв я не приносила ему, и никакому другому кумиру, в той области моего духа, которая была императивной для меня и объективней, чем я для самой себя. Между этой стороной моего «я» и миром не мог стоять никто – и не смел стоять⁸.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

И вот теперь я задаюсь вопросом: между чем и чем стояла сама Фрейденберг? Могла ли она по образцу народовольцев защищать народ от тирании? Едва ли. Хотя она имела смелость защищать от сталинского террора коллег и студентов. Она устраивала на свою кафедру сосланных коллег и постоянно помогала кому-то деньгами. Когда устраивали гонение на историка Греции С. Я. Лурье, она предлагала перевести его на филологическую кафедру, дескать, его «ошибки» все в истории, а в филологии у него «ошибок» нет.

Она защищала свои ценности поступками, о которых никто не знал. Она «писала в стол», не для печати, не рассчитывая на печать при своей жизни. Сейчас этого никто не делает. Дело не в простоте, с которой сегодня любой текст может быть обнародован, хотя бы в живом журнале. Этого человеку не довольно, потому что самостоятельная публикация в сети не удостоверяет ценность созданного. В стол, однако, не пишут, потому что это дано человеку, исполненному изначального доверия к миру, знающего спокойно и даже неощутимо для себя о присутствии и власти в этом мире абсолютного.

Перейду от Фрейденберг, которая умерла, когда я была маленьким ребенком, к семидесятым годам, которые были временем моей молодости и о которых я могу свидетельствовать не по источникам. Люди, которые называли себя «интеллектуалами», и я буду пользоваться далее этим самоназванием, не входя в обсуждение того, заслуженно или нет они так себя называли, между чем и чем они стояли? Были

ли они предстателями за народ? Нет. Такой возможности не оставляла им официальная идеология и пропаганда. Ведь от имени народа говорила власть, тем самым ассоциируя себя с низшими слоями. Провозглашение рабочего класса гегемоном было демагогией. И, тем не менее, «интеллигенция» – я имею в виду не просто профессионалов с высшим образованием, а тех, кто определял неофициальное общественное мнение – чувствовала себя скорее затертой между невежественным и индоктринированным народом и невежественной и индоктринирующей властью. Эта среда создавала для себя вторую иерархию наряду с властной, иерархию престижа – престижа знания, культуры, образованности, науки. Такова была саморепрезентация и самосознание хорошо знакомой мне среды. В ходу и в цене была идеализация свободного западного мира, а вместе с тем и высокая оценка гражданских свобод и прав личности. К концу 1970-х – началу 1980-х под давлением властей и в результате арестов деятельность правозащитников была сведена к защите прав правозащитников, т. е. друг друга. И никто, ни диссиденты, ни литераторы, ни ученые не имели никакого опыта не то что политической деятельности, но почти никакого опыта социальной ответственности, социального творчества, управления и организации.

Конечно, существовала и по сей день существует «безголосая» интеллигенция, куда относится большая часть людей массовых профессий – врачи, учителя и инженеры – их общественное влияние распространялось на тех, с кем они непосредственно сталкивались. К ним можно причислить

в какой-то мере кордебалет, оркестрантов, художников оформителей и др. Эти люди жили, как интеллигенты предыдущих поколений, и были скорее образованной частью народа, нежели чем-то ему противостоящим. И еще были люди, настолько не склонные к сотрудничеству с властью, что не имели вообще никакого статуса, а соответственно и влияния за пределами непосредственного окружения. Но это их влияние тревожило власть и тайную полицию, едва ли не больше, чем университетская фронда, а их присутствие в жизни советского общества обнаруживалось по каким-то особым обстоятельствам, чаще всего это были расправы, как например, суд над священником Павлом Адельгеймом в 1969/70 гг.

Но речь не о них. Сегодня наследники слоя с самоназванием «интеллигенция», говорившего, писавшего и даже печатавшегося, хотя и с трудом при прежнем режиме, еще живы. Молодежь 1970-х, зрелые люди в эпоху перестройки, они проиграли в 1990-е своим прежним начальникам; те обменяли свой статус на капитал, а затем при помощи капитала обеспечили себе место во властной иерархии. Иной, второй наряду с властной, иерархии, далекой от власти и денег иерархии престижа сегодня больше нет. В информационном обществе образование, в том числе формально высшее, распространилось далеко вширь. Оно не элитарно и не престижно. Информация доступна в масштабах несопоставимых с недавним прошлым, и у большинства нет ни умения ни желания отличать информированность от просвещенности и образованности.

Отбор на верхние этажи социума в современной России разошелся с усвоением грамоты и широтой кругозора очень резко. Как и с обладанием какими-либо дарованиями. Для пояснения приведу в пример иероглифические культуры – египетскую и китайскую. Здесь положение в обществе, за исключением только фараона или императора, можно было завоевать при помощи учености, ума и усердия. А отпрыск знатнейшего рода не способный к усвоению сложной грамоты, далеко в карьере продвинуться не мог.

Итак, музыканты и художники уезжают. Математики уехали. Спортсмены играют в зарубежных клубах. Люди интеллектуального труда растеряны и разочарованы. Они хотели бы что-то значить в этом мире, но если расшифровка их лекции стоит дороже самой этой лекции во много раз, возникает тревога о собственном месте в этом мире. И недаром. Место интеллектуалов, их значимость и идентичность волнует в основном их самих. Они мало кому интересны, внутреннее богатство, обладание ни от кого и ни от чего не зависящих «предметов для созерцания» как-то перестало быть условием счастья. Знатоки, может быть, нужны как экскурсоводы на отдыхе. Недаром в Российском государственном гуманитарном университете появились отделения туризма и гостиничного бизнеса. Процесс растворения интеллигентов и умаление ценности и престижа интеллектуальных и духовных дарований идет давно, идет постепенно и с перерывами, но неуклонно.

Мне вспоминается статья В. П. Эфроимсона об инстинкте альтруизма и познавательном инстинкте, опубликованная

еще в 1971 г. в «Новом мире». Речь шла об экспериментах на крысах. Среди крыс обнаружили бескорыстно любопытные особи, чей опасный для них самих инстинкт, оказывался полезен и спасителен для популяции в целом. Острый интерес к статье в кругах тогдашней читающей публики, мне кажется, говорит о стремлении придать этосу людей, бескорыстно преданных познанию и учению, статус природного явления. А природный статус потребовался тогда, когда функция в обществе и социальный статус интеллигента стал расплываться.

Между чем и чем стоит сейчас наследник советской интеллигенции? Между бюрократией и мамоной, между чиновником и денежным мешком, имея своей перспективой превращение в чиновников или иждивенцев грантов и спонсоров. «Властесобственность» сужает и этот несладкий выбор. Свобода как условие творчества научного или художественного остается чисто словесным украшением. Свойство бюрократии несознательное, природное свойство – превращать в себя все, к чему она прикасается. Бюрократия именно поэтому неумолимо растет. Это не сугубо российское явление, конечно. Университет или научный институт должен поставлять пищу бюрократам в виде все новых и новых бумаг. Никого не интересует, что делается на самом деле, в том числе достоверность этих бумаг, их отношение к реальности. Университетский народ в страхе перед лишением источников пищи переходит на писание заявок на гранты и отчетов по грантам вместо работы. Дело не только в пустой трате времени,

дело в лишении чести. Профессор сам не будет работать добросовестно, его надо контролировать. Сам он, как раб, будет увиливать, подтасовывать, продавать три раза одно и то же, воровать чужие тексты, опаздывать на 40 минут на лекцию, не читать работ аспирантов. И он таким становится. И не протестует.

Надо сказать, что протест вообще сторониться места работы. Молодая преподавательница, вступавшая в неравный бой с полицейскими на Болотной площади в мае 2012 г., не смеет надеть белую ленточку (знак гражданского протеста) в университете, где работает. Профессор, который кричит на митинге «Россия будет свободной», не смеет возразить декану, а тем временем университетские свободы тают, и это не вызывая протеста. Те свободы, которые существовали даже при царе, исчезают из обихода посткоммунистической России. Ученый совет состоит сплошь из административно зависимых от ректора субъектов, не выборных, а назначенных. На это должно быть согласие университетского народа, и оно есть.

Длительное использование демократических процедур в качестве имитационной завесы аппаратных решений приучило рассматривать такие процедуры как не имеющие отношения к реальной жизни. И вот в моем университете собирается самый представительный орган его управления – конференция университета, на нее должны быть избраны делегаты. Конференция должна решить вопрос о коллективном договоре, условиях труда всех сотрудников, многие животрепещущие вещи – чтоб контракты не на год, чтоб

нагрузки не потогонные, чтоб зарплаты достойные. Но делегатов не избирают, а назначают: звонок такому-то явиться тогда-то. Ни в ком это не вызывает протеста. В моем университете много прекрасных преподавателей, есть крупные ученые, есть даже гениальные люди. Но граждан, граждан как-то не попадается.

Те же люди на митингах одно, на работе другое. Это означает, что люди интеллектуальных профессий – это чиновники, которые позволяют себе иметь собственное мнение только в свободное от работы время, и не мыслят свою профессиональную деятельность как деятельность в интересах всего общества, нагруженную общественным смыслом. Надо признать, конечно, что смелые речи имеют значение при наличии у властей не чести, нет, конечно, но хотя бы декоративного лицемерия. Если власти полностью бесстыдны, правдивое слово лишается всякой силы.

Те, кто называет себя по инерции «интеллигентами», переходят в состояние чиновника и/или обывателя. Они не служат кому-то и чему-то. Их добросовестность или увлеченность – это личные дарования, как хороший голос. Некоторые привычки интеллигента передаются семьей. Когда я слышу как молодой человек, профессор Чикагского университета, но родом из Петербурга, обсуждает, есть ли у него, закончившего на родине только школу, долг перед Россией, я смотрю на него во все глаза. Это уникально. А когда я слышу, что молодая русская женщина, того же, что и первый происхождения – из потомственных русских интеллигентов – хочет «зацепиться» в Италии, чтобы

заниматься именно в этой прекрасной стране русской святостью – «это ведь естественно, что я хочу жить там, где мне приятнее?» – это не уникально, а типично. Профессиональные занятия святостью никак не влияют на выбор между общественным долгом и личным комфортом.

Я сомневаюсь, что сегодня можно говорить об интеллигенции в России. Мне кажется, что есть потомки интеллигентов, как есть и потомки дворян или палачей, что-то наследующие из ценностей своих предков. Я знаю, что людей, подобных Фрейденберг, которые поступили бы так, как она в Главлите, сейчас, когда все-таки нет массового террора, таких людей нет. Вернее, есть, но это не представители этоса, это такие странные, чудаковатые отдельные личности. Может быть, их немало, но они не задают парадигмы.

Один из диссидентов прежних поколений в ответ на русскую поговорку: «Рыба ищет где глубже, а человек, где лучше» возразил: «Человек иногда тоже ищет, где глубже». Таких, кто ищет, где глубже, в моем поколении и моей среде катастрофически мало. В подтверждение приведу один характерный разговор. Профессор МГУ говорит, что снятию бессовестного начальника обрадовались даже «самые интеллигентные люди, которые вообще никогда ни во что не вмешиваются». Это не оговорка, это видение себя.

Я говорю о той среде, которую знаю изнутри, о русской университетской и академической публике. Европейских и американских профессоров я естественно знаю хуже, но немного тоже знаю. Как-то никто из них не похож на сво-

бодного человека. Да, культурный слой толще, традиции мощней, но люди образования и науки зависимы, несамостоятельны, ограничены. И если немногим как-то позволено заниматься тем, что они любят, так это то ли из милости, то ли по недосмотру.

Я часто слышу разговоры о «публичном интеллектуале». О самостоятельной фигуре, чьи слова, мнения и поступки значимы для общества и власти. В России я различаю, пожалуй, медийные фигуры, связанные с сетью, Интернетом. Не возьмусь обсуждать эту очень важную сторону современной действительности. Что-то новое там созревает, но пока не созрело. Однако вопрос об идентичности «русской интеллигенции», мне кажется, можно считать решенным. Если не спиваются и не уезжают, то растворяются в чиновнике и обывателе. А об отдельных странных людях, которые составляют «погрешность» в социологических исследованиях, умолчу. У них вместо идентичности индивидуальность.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

* Выступления во время II польско-русского форума средств массовой информации
(Калининград 15 ноября 2013 г.)

К РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

Отношения России и Польши имеют собственную, двустороннюю ценность, но, не в меньшей степени они влияют на отношения России и ЕС, определяют политико-психологический климат в Восточной Европе. Очевидно, что сейчас политические отношения наших стран вошли в устойчивую колею, создана институциональная структура взаимодействия как на государственном, так и на экспертно-общественном уровне.

Многие наблюдатели даже полагают, что эта инфраструктура отчасти избыточна и включает элементы внутреннего дублирования. Кто-то, наоборот, усматривает в этих структурах новаторские элементы с точки зрения теории и практики внешнеполитической деятельности. Очевидно, что новаторскими являются такие институты как Комитет по стратегии или встреч по линии СБ России и Бюро национальной безопасности Польши. За исключением некоторых стран СНГ, Россия нигде не использует столь тесных и эксклюзивных форматов общения.

Сравнительное затишье (которое собственно и присуще любым развитым и налаженным контактам) во второй половине 2012-2013 гг., на фоне высокой динамики наших отношений в прошлые годы, у многих экспертов, преимущественно польских, создает беспокойство. Наверное, можно исходить из «принципа велосипеда» – пока крутишь педали – едешь, но есть опасения, что это будет холостой ход. Именно поэтому к формированию двусторонней политической повестки нам нужно подходить предельно внимательно. С одной стороны она не должна заполняться мелкотемьем, а с другой – мы должны научиться эффективно обсуждать более широкий круг европейских проблем в диалоге Москвы и Варшавы.

388

При этом только теоретики-эксперты могут позволить себе обсуждение ради обсуждения. Политики должны демонстрировать результаты – обсуждают ли они отношения Россия-НАТО, Россия-ЕС, будущее многостороннего торгового регулирования. Прекрасный пример, когда из дискуссии о безвизовом режиме родился широкомасштабный российско-польский проект малого приграничного движения.

В пользу двусторонних экономических отношений наших стран сыграл ассиметрично развивавшийся кризис. Первая волна кризиса, затронувшая Россию, не успела сказаться на взаимной торговле и фактически отразилась только в статистике торговли энергетическими товарами. Более того, относительно дешевые польские товары заменили собой западноевропейскую продукцию, на которую снизился платежеспособный спрос. Удивительный, на фоне общего

падения в ЕС, экономический рост Польши (порядка 4,3 %) в период кризиса в свою очередь создавал востребованность в традиционных закупках российской продукции.

При том, что Россия и Польша занимают самые высокие позиции на шкале взаимных внешнеторговых приоритетов, наши экономические отношения остаются примитивными. В них практически отсутствует инвестиционная составляющая. Незначительные польские инвестиции в Россию (600-700 млн., локализованных в Северо-Западном регионе) объясняются структурой польской экономики. Широкая и развитая производственная база, при относительной дешевой продажной цене не дает инвестиционной маржи, и польские инвестиции это фактически филиалы польских компаний за рубежом. Российская экономика, ее энергетический, металлургический, химический сектора, а все больше и сектор машиностроения, создают необходимый инвестиционный ресурс.

Однако российские инвестиции в Польшу по-прежнему рассматриваются значительной частью политического класса через призму безопасности, при этом в категориях вызова или даже угрозы. Несмотря на то, что мои симпатии к Польше очевидны, я вынужден сделать эту констатацию. Вполне возможно, что для перелома в лучшую сторону не хватает всего незначительной доли пророссийских настроений в польском истеблишменте. Вполне возможно, что это вопрос двух-трех лет. Но фактом остается то, что важнейший инструмент взаимной заинтересованности в наших отношениях практически не работает.

Трудно, что-либо подсказывать польским коллегам, но, может быть, стоит сделать некий список тех секторов и отраслей, где русские инвестиции приветствуются? Думаю, что такой список важно дополнить механизмом инвестиционных гарантий. Стоит подумать и об ответных шагах с российской стороны, если такие нужны. Возможно, нам стоит обратить дополнительное внимание на функционирование бизнес-диалога, степень развития которого несравненно ниже диалога общественно-политического. Думаю, что стоит попробовать инициировать бизнес-контакты и по линии российско-польских центров в Москве и Варшаве. Нужно понимать, что активные бизнес-сообщества являются опорой для межгосударственных отношений. Сейчас же сохраняется ситуация, при которой ведение бизнеса по линии Польша–Россия предприниматели и компании стараются не афишировать.

Россия и Польша выступают в качестве соседей для стран постсоветской Восточной Европы. Ищущие свою идентичность Украина, Белоруссия, да и другие страны бывшего СССР внимательно следят за настроениями в Варшаве и Москве. Главная задача наших стран в этой ситуации заключается в формуле – «не навреди». Навредить же можно, дав безответственные обещания экономического процветания и оторвав ту же Украину от традиционных торговых партнеров. Навредить можно, жестко поставив страну перед альтернативой выбора между ассоциацией с ЕС и реализацией планов интеграционного взаимодействия с соседями по СНГ. Потенциальные необдуманные

шаги можно и дальше перечислять, а можно подумать о кооперативных схемах взаимодействия.

В целом, система мировой экономике и торговли движется по пути построения не просто региональных, но межрегиональных экономических ареалов со взаимными привилегиями. Это и проекты Трансатлантической зоны, это отношения ЕС-МЕРКОСУР, это конкурирующие и взаимодополняющие проекты интеграционного характера в АТР. Почему на этом фоне, будучи все уравниены членством в ВТО, мы не можем двигаться в направлении единого экономического пространства между Россией, ее восточноевропейскими соседями и ЕС?

Должны ли мы каждый, в принципе, экономический по своему объективному характеру шаг, сопровождать разговорами о якобы разнящейся идентичности, при том, что мы все являемся членами Совета Европы, не говоря уже об ОБСЕ? Полагаю, что вопрос восстановления нормального политического климата в Центральной и Восточной Европе, отношениях между Россией и ЕС в связи со странами постсоветского ареала, мог бы стать, как минимум, частью диалога между Москвой и Варшавой.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов то, что в отношениях современных России и Польши постоянным фактором является и останется в обозримом будущем разница потенциалов, определяемая превосходством России в территориальных, природных, военных и демографических ресурсах. Правда, Польша, являясь частью тесного интеграционного объединения – Европейского Союза, который по всем

параметрам, кроме военного, превосходит Россию, может в критический момент мобилизовать и возможности ЕС.

Вместе с тем разница потенциалов в российско-польских отношениях неизбежно ведет к асимметрии взаимного внимания и взаимной заинтересованности. Для Польши Россия может составлять очень важную часть всех внешнеполитических усилий и озабоченностей. До такого уровня значение Польши во внешней политике России вряд ли когда-либо дойдет даже на отдельном краткосрочном временном отрезке.

Классические двусторонние отношения, доминировавшие на протяжении веков между нашими странами, ушли в 1991 году вместе с потерей большей части общей границы. Калининградский участок границы этого никогда не компенсирует. Современные двусторонние отношения будут все больше базироваться на общей (по набору вопросов) для двух стран международной и, прежде всего, европейской повестке дня. Маленький Калининградский и морской участки границы могут служить как лакмусовой бумажкой, так и катализатором для отношений в рамках «большой повестки».

В 1990-е годы Польша научилась использовать «геополитическую ренту». Стал работать задел, созданный еще в советский период. Было завершено строительство первой очереди газопровода Ямал–Европа, польские нефтепроводы стали использоваться для транзита российской нефти. В результате через территорию Польши осуществляется 30 % экспорта российской нефти и более 16 % российского

газа. Польские транспортные компании в тот период стали и до сих пор являются одними из крупнейших автомобильных операторов, перевозящих товары и продукты питания из Западной Европы в Россию. При этом важно иметь в виду, что в первое рыночное десятилетие эксплуатировалась, в основном, старая инфраструктура. Счастливым исключением стало создание новых и переоборудование старых погранпереходов.

Современные Польша и Россия – страны в значительной степени схожие с точки зрения исторического и внешнеполитического самосознания и самовосприятия. Схожесть эта проистекает из устойчивости идеологем, почерпнутых из истории, и с упорством, достойным лучшего применения, воплощаемых в современной политике. Как во внутренней, так – еще больше – во внешней. Не в последнюю очередь это относится и к двусторонним отношениям.

К идеологемам, определяющим сходство России и Польши, относятся: завышенное представление о месте и роли самих себя в международных делах; представление о расположенных рядом соседях как о странах, требующих, а зачастую, жаждущих опеки Москвы или Варшавы; чрезмерное оперирование превосходными степенями таких понятий, как мораль, нравственность, духовность, страдание, мученичество и героизм, применительно к самим себе.

Есть и более глубокие исторические мифы-концепции одинаковые для обеих стран, которые лишь отчасти опираются на реальность, но которые, несомненно, формируют ее. Среди них можно назвать и концепцию сарматизма,

объяснявшую русским и полякам необходимость освоения «утраченных» земель и наличие не привычных для других частей Европы элементов общественного и каждодневного уклада; и концепцию моста между востоком западом; и, несомненно, историческую гордость за спасение Европы от монгольского нашествия. Еще раз подчеркну – все эти идеологемы общие и одинаковы важные, если не сказать популярные, в историческом самосознании.

В целом, для России и Польши, как молодых в их нынешней ипостаси государств, характерны склонность к огосударствлению истории, попытки аргументировать те или иные современные действия непосредственным обращением к удобному историческому факту ил удобной исторической интерпретации.

Кто-то, конечно, отнесется скептически к этой моей оценке, сочтет ее излишне спрямленной трактовкой национального сознания, гротеском, не имеющим ничего общего с официальной позицией. Но, к сожалению, именно такая гротескность, некритичность к привносимым историческим стереотипам доминировали в отношениях России и Польши на протяжении последних полутора десятилетий. Происходило это попеременно по вине то одной, то другой стороны. В этот период схожесть России и Польши не сближала наши страны, а сталкивала их, как сталкиваются одинаково заряженные частицы.

Парадоксально, но уход в небытие (позднее) советской исторической парадигмы, в которой трактовка, например, польских восстаний делалась через призму классовой

и национально-освободительной борьбы угнетенной нации, снизила объективную пропольскость российской исторической индоктринации, вернуло ее к историческим парадигмам сугубо «государственнического» характера. Российское же общественное мнение автоматически вернулось к «позапрошлому» восприятию Польши, сформированному в царской России в XIX веке. К такому восприятию, явно неприемлемому с точки зрения польского политического класса и общества, домешивались сантименты и штампы в отношении к ПНР, которые, в понимании современной Польшей, также оказывались операционно малопригодными.

Равно нужно отметить, что отрицание польским политическим классом ПНР («безномерной» Речи Посполитой), на мой взгляд, не несет пользы для исторического и внешнеполитического самосознания современной Польши. Варшаву наследником далеко не безупречных внешнеполитических концептов 1920-1930-х годов. Мне могут возразить, что общественная мысль польской послевоенной эмиграции вполне органически вплетается в современное сознание. Однако любой непредвзятый наблюдатель видит, что магистральная линия мышления политического класса Польши, к сожалению, гораздо более монохромна, чем наследие того же Ежи Гедройца или коллективного разума парижской «Культуры». А в силу того, что реальное возвращение эмигрантской мысли в Польшу происходило в тяжелый пореформенный период начала 1990-х годов, она вряд ли завоевала много новых сторонников за пределами интеллигентских кругов среднего и старшего поколений.

Всё сказанное выше наложилось на рост популярности в Польше «исторической внешней политики», расцвет которой пришелся на первые два года президентской каденции покойного Леха Качиньского. В отношении России «историческая политика» мобилизовала все негативные стереотипы, формировавшиеся на протяжении десятилетий, если не столетий.

«Историческая политика» далеко не польский феномен, но только в Польше на какое-то время она стала частью официальной политической доктрины правящей партии, получила свое развитие в виде «исторически обоснованной внешней политики». Сейчас можно констатировать, что трудные проблемы истории XX века сняты с повестки дня большой политики. Хотя почти целое десятилетие проблема Катыни была острым вопросом текущих двусторонних отношений. Сейчас эта ситуация преодолена, и история вернулась в руки историков (или почти полностью вернулась).

НАШ ПУТЬ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ ЧЕРЕЗ ДИАЛОГ

Есть ли будущее у диалога? Понятно, что будущее не возникает на пустом месте, оно тесно связано с настоящим и прошлым и вызревает из них. Занимаясь по долгу службы и профессиональным интересам сохранением исторической памяти, я хотел бы поразмышлять над некоторыми характерными чертами современной исторической политики в России и Польше.

После распада социалистической системы на рубеже 80-90-х годов прошлого века обе страны практически одновременно вступили в новый период своего развития. Канула в Лету модель директивного планового народного хозяйства, на смену ей пришла открытая рыночная экономика с безусловной защитой прав частных собственников. В политической сфере утвердились многопартийность и плюрализм мнений. Становление гражданского общества сопровождалось и продолжает сопровождаться поисками собственной идентичности на очередном витке общественного развития, основанными в том числе на новых исторических интерпретациях. В обеих странах

смена идеологической парадигмы сопровождалась отказом от коммунистической мифологии, прежних праздников, героев и символов. Вместе с тем в конкретных подходах, глубине и масштабах реформ в этой сложной, непростой и деликатной сфере в каждой из стран постепенно стали выявляться и сохраняются свои *особенности*.

В Польше в соответствии с «Законом о люстрации» 1997 года законодательно ограничили избирательные и иные права некоторых категорий лиц коммунистического периода. Образовано такое специфическое учреждение, как Институт национальной памяти, которому передана значительная часть архивов прежнего режима. Помимо научно-исследовательских функций по отношению к прошлому, это учреждение получило право расследовать и возбуждать дела в отношении давно минувших событий и преступлений, которые, по мысли создателей Института, не имеют срока давности. Понятно, что большинство таких событий случились в годы Второй мировой войны, во время оккупации страны нацистской Германией, которую в 1945 году сменил коммунистический период, рассматриваемый как навязанный Польше извне.

Таким образом, нацизм и коммунизм были объявлены «вне закона» и как бы уравнены в негативных оценках. Я не претендую на полноту и, может быть, излишне схематичен. Но, надеюсь, предложенная схема в целом верно отражает суть происходящего процесса. В общественном сознании посткоммунистической Польши постепенно была сформирована и стала господствовать историческая

концепция «трех Речей Посполитых». Это концепция довольно умело подпитывает националистические настроения, в том числе за счет культивирования образов «внешних врагов». Первая Речь Посполитая, как известно, закончилась геополитической катастрофой – насильственными разделами конца XVIII века. Это была национальная трагедия, после которой польский народ более чем на столетие лишился собственной государственности. Возникшая на исходе Первой мировой войны в условиях распада Российской, Германской и Австро-Венгерской империй Вторая Речь Посполитая была уничтожена в трагических обстоятельствах начала Второй мировой войны (не случайно Пакт Молотова–Риббентропа получил в современной польской историографии название очередного раздела Польши). Это, безусловно, стало еще одной национальной трагедией польского народа. Современное Польское государство рассматривается в качестве третьей Речи Посполитой, которая обязана хранить и развивать традиции предшественников. В этой концепции совсем не находится места для исторического периода Польской Народной Республики, к которому некоторые пытаются приклеить название «оккупационного» или какой-то другой уничижительный ярлык. И это при том, что главные символы современного польского государства – герб, флаг и гимн остаются практически без изменений, такими же, какими они были в коммунистической Польше.

А что в России? В России в начале 1990-х годов состоялся процесс по делу КПСС. Партия была запрещена, её имущество конфисковано (но не запрещена коммунистическая

идеология, возникшая новая компартия стала оппозиционной силой в парламенте). Несколько позднее главный праздник советской эпохи – 7 ноября, День Октябрьской социалистической революции – вычеркнули из памятного календаря и заменили на 4 ноября – День народного единства по случаю окончания Смутного времени начала XVII века (с акцентом на преодоление кризиса государственности, а не только отражение иностранной интервенции. В этом, кстати, сыграли ведущую роль историки наших стран). Полностью сменились государственные символы: герб, флаг и гимн (в отношении последнего в 2000 году была возвращена только мелодия гимна СССР).

С вступлением в силу закона «О реабилитации жертв политических репрессий» активизировался пересмотр дел незаконно осужденных и их реабилитация. Как и в советское время, эту работу продолжили осуществлять органы прокуратуры, которые в основном завершили её к 2010 году. При этом никакие законодательные и иные ограничения прав бывшей партийной и советской номенклатуры не были приняты, учреждение, аналогичное Институту национальной памяти в Польше, не создавалось. Такие советские праздники, как Первомай, а также введенный при Хрущеве новый праздник – 9 мая, День Победы – сохранились в праздничном календаре. Последний, более того, остался всенародно любимым и фактически главным праздником россиян. Для страны, положившей на алтарь Победы над фашизмом более 27 миллионов человеческих жизней,

сама идея отождествления нацизма и коммунизма оказалась инородной и кощунственной. Она, по сути, вела к новому расколу в обществе, к продолжению гражданской войны.

Поиск национальной идентичности в современной России – дело чрезвычайно сложное и трудное. (Кстати, этот поиск не завершен и по сей день. Его важным этапом должна стать новая линейка исторических учебников для школы и вузов, работа над которыми ведется в настоящее время). Но магистральное направление этого поиска лежит в русле не отрицания советской эпохи, а преодоления её негативных аспектов, с попыткой примирить «белых» и «красных» и завершить гражданскую войну в умах соотечественников. Это, конечно, поистине сверхзадача, для достижения которой потребуются годы напряженных усилий, связанных не только с написанием новых исторических учебников, но и продолжением демократических, социально-экономических преобразований, налаживанием качественной и комфортной жизни в России.

Мы здесь не оригинальны. Наши добрые соседи – финны во вполне благополучной стране продолжают заниматься поисками идентитета и пришли к идее единства и преемственности собственной истории, включая и так называемые периоды иноземного господства – шведский и царский – и время гражданской войны. Новая российская идентичность также должна подразумевать единство и преемственность различных этапов отечественной истории – древнерусского, великокняжеского, имперского, советского, наконец, современного.

В этом контексте модная в некоторых странах Центральной и Восточной Европы идея необходимости покаяться за советскую историю, признать «коммунизм» не менее преступным режимом, чем «нацизм», неприемлема для национального самосознания большинства россиян. И не только потому, что она уничижает и перечеркивает вклад наших отцов и дедов в победу над фашизмом. Но и потому, что она, мягко говоря, не вполне корректна в плане исторической объективности.

402 В практике существования тоталитарных государств, конечно, можно найти немало общих типических черт, связанных с монопольной, ничем неограниченной безраздельной властью одной партии. Но даже теоретически нацистская теория расовой исключительности немецкого народа, его абсолютного господства над другими «недочеловеками» – это совсем не то, что проповедует коммунистическая идеология. Последняя, как известно, исходит из неравенства классов и призывает к интернациональной солидарности трудящихся, борьбе со всеми богатеями, эксплуататорами и инакомыслящими. Советский Союз, его внешняя и внутренняя политика не были идеальными. Но Советский Союз никогда не делил нации на нации первого сорта и нации низшего сорта, и уж тем более не ставил вопрос о физическом уничтожении целых народов.

Представители еврейского народа, вынесшего на своих плечах ужасы Холокоста, это, кстати, хорошо понимают. Почитайте многочисленные интервью и статьи на эту тему. Вот, например, что говорит директор Центра Симона

Визенталья Эфраим Зурофф. Цитирую: «Преступления нацизма и коммунизма отличаются, как яблоки отличаются от апельсинов. Их нельзя уравнивать. ...От коммунистического режима пострадали миллионы жителей, они заслужили сочувствия и признания этих преступлений. Но это не означает, что против них осуществлялся Холокост»¹. От себя добавлю, что среди миллионов репрессированных больше всего оказалось русских, украинцев, белорусов, и именно они сильнее всего пострадали от сталинизма.

Составной частью внешнеполитической доктрины нацистов была ликвидация национальных государств (такowymi нельзя считать режим Виши во Франции или марионеточную республику в Словакии), а также безудержный грабеж хозяйственных, природных и людских ресурсов захваченных стран. Система отношений коммунистической Москвы и её союзников по социалистическому лагерю была совершенно иной. Она не вписывается в рамки классической концепции «оккупации», когда захватчики устанавливают оккупационный режим и беззастенчиво эксплуатируют оккупированный народ.

Не случайно до сих пор многие представители старшего поколения моей страны спрашивают, не напрасно ли Советский Союз обращал столь большие ресурсы на поддержку своих друзей и союзников? Оправдана ли была экономическая помощь партнерам? (Недавно вышедшее в свет совместное российско-венгерское документальное

¹ См.: URL: <http://inosmi.ru/baltic/20100318/158680267.html> (дата обращения: 12.03.2016).

издание «Советско-венгерские экономические отношения. 1948-1973» хорошо иллюстрирует эту поддержку). В этой связи необходимо честно признать, что создание и сохранение военно-политических союзов всегда является затратным делом для их инициаторов и вдохновителей. Советский Союз многое давал своим социалистическим друзьям, но и сам получал от сотрудничества с ними определенные выгоды.

От политики Москвы по отношению к социалистическим партнерам не сильно отличались контакты Центра и союзных республик в границах собственно СССР. Недавно в Киеве на базе Института истории Национальной академии наук состоялась международная научная конференция «История сталинизма. Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы». Организаторами конференции выступили Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина» и два федеральных архива – ГАРФ и РГАСПИ. В конференции приняли участие более 80 ученых из 16 стран мира. Многие представители зарубежной историографии, в том числе англосаксы, в своих выступлениях открыто квалифицировали национальную политику Советского Союза как «положительную деятельность». Конечно, не все они были готовы, как в свое время профессор Гарвардского университета Терри Мартин, назвать советское государство «империей положительной деятельности». Но и наве-

сильно на СССР ярлык традиционной империи многие из них не согласны, поскольку отношения между центром и окраинами невозможно назвать классически «колониальными». В самом деле, в СССР форсированными темпами выращивались национальные элиты, национальные языки стали официальными языками в республиках, были созданы не существовавшие ранее письменности. Поощрялось развитие культуры на национальных языках. Проводилось укоренение кадров – насаждение новых национальных элит на руководящие посты в школах, на предприятиях, в правительствах. И все это – зачастую в ущерб «русскому вопросу».

Советская эпоха оставила в наследство многим бывшим народам Российской империи чувство национальной идентичности, равно как и самую национальную идентичность каждой из новых наций. Пусть сегодня это стыдливо замалчивается во многих молодых государствах, образовавшихся на развалинах СССР. Но это – подлинные исторические факты, которые рано или поздно пробьют себе дорогу.

Спрашивается, что же здесь общего с нацизмом и его расовой теорией исключительности одной нации? Теоретические споры о прошлом, о сходстве и отличиях нацизма и коммунизма не являются умозрительными. Они имеют вполне практические выходы на современность. От ответа на них во многом зависит и то, как будут в дальнейшем развиваться российско-польские отношения; будут ли продолжены «политические игры» вокруг острых исторических сюжетов.

В нынешней Польше, например, отмечается День проклятых солдат. Эти солдаты – бойцы Армии Краевой, которые не изменили своей воинской присяге после гибели Второй Речи Посполитой и с оружием в руках стойко сражались против немецких оккупантов. Бойцы Армии Краевой ненавидели своих идейных противников – польских коммунистов, считая их предателями родины и наемниками Москвы. Поэтому, когда в 1944-45 гг. Красная армия вступила на польские земли, они начали вооруженную борьбу с коммунистами и вооруженными силами СССР. По архивным данным, только за два последних военных года ими было убито около 1 тысячи офицеров и военнослужащих Красной Армии. Среди них – Герои Советского Союза, кавалеры боевых орденов, полученных за героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Как известно, руководство польского военно-политического подполья и Армии Краевой не признало новых границ страны, установленных великими державами – членами антигитлеровской коалиции. Поэтому Армии Краевой было предписано всячески препятствовать, вплоть до вооруженного сопротивления, переселению польского населения на новые территории, а украинского и белорусского – в пределы СССР. Что же, и эта деятельность «проклятых солдат» заслуживает поощрения?

Это вопрос отнюдь не риторический. Тем более, когда он произносится в городе, который до 1945 года назывался не польским или российским, а немецким именем – Кёнигсберг. Конечно, я не призываю сразу найти ответ на

НАШ ПУТЬ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ ЧЕРЕЗ ДИАЛОГ

этот сложный вопрос и не питаю иллюзий насчет возможности быстрого и окончательного преодоления преград на пути российско-польского согласия.

На отношениях между нашими странами и обществами еще сказываются застарелые стереотипы, консерватизм и инертность мышления. В наших обществах имеются и те, кому взаимопонимание просто не нужно, они действуют по принципу: «чем хуже, тем лучше» и не ограничатся поджогом полицейской будки у российского посольства в Варшаве. Но иного пути, кроме как через диалог, через откровенный разговор, у нас, у всех тех, кто готов слушать и слышать, нет. Мы – соседи и потому обречены искать взаимное понимание.

АВТОРЫ

Александр Архангельский – филолог, литературный критик, писатель, публицист, автор программ о культуре на российском телевидении

Андрей Артизов – историк; генеральный директор Агентства государственных архивов Российской Федерации

Нина Брагинская – историк культуры, Институт высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета в г. Москве

Мариан Брода – философ, кафедра Центральной и Восточной Европы Лодзинского университета

Эдмунд Внук-Липиньски – социолог; основатель и первый директор Института политических исследований ПАН; бывший ректор «Collegium Civitas» в г. Варшаве

Казимеж Вуйциcki – философ, политолог; преподаватель Центра восточноевропейских исследований Варшавского университета

АВТОРЫ

Ирина Глебова – историк, политолог; руководитель Центра руссиеведения в ИНИОН-РАН; профессор Российского государственного гуманитарного университета

Хероним Граля – историк, Факультет «Artes Liberales», Варшавский университет

Славомир Дембски – историк; директор Польского института международных дел, директор Центра польско-российского диалога и согласия в г. Варшаве (2011–2015)

Андрей Корневский – историк, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет в Ростове-на-Дону

Анна Лабушевска – русистка, публицистка (в числе прочего «Tygodnik Powszechny», «Nowa Europa Wschodnia»), переводчица (в числе прочего «Президентский марафон» Бориса Ельцина, «Новости из Кремля» Николая Зеньковича), автор блога «17 мгновений России», сотрудничает с Центром Восточных исследований имени Марка Карпа

Анджей Менцвель – историк и антрополог культуры, факультет польской филологии, Варшавский университет

Константин Морозов – историк, зам. председателя Совета НИПЦ «Мемориал», Российская академия народного хозяй-

ства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Эмиль Паин – этнограф, политолог, Институт социологии Российской академии наук (РАН), профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Юрий Пивоваров – политолог, историк, академик Российской академии наук (РАН); научный руководитель Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН)

Виктор Росс – политолог; кафедра политических исследований Варшавской школы экономики, а также Центр восточноевропейских исследований Варшавского университета

Адам Даниэль Ротфельд – юрист-международник, политолог; сопредседатель Польско-российской группы по сложным вопросам (2008-2015), Факультет «Artes Liberales» Варшавского университета; член Комитета политических наук ПАН

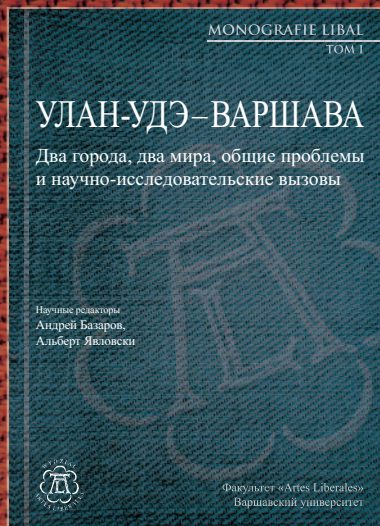
Валерий Тишков – историк, этнолог; академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН

АВТОРЫ

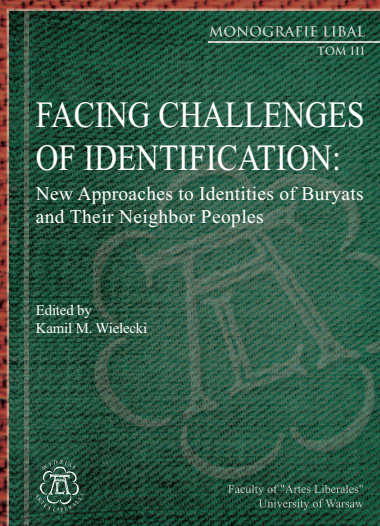
Анатолий Торкунов – историк, академик РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России, сопредседатель Российско-польской группы по сложным вопросам

Виктор Шнирельман – этнолог, антрополог; доктор исторических наук; Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (РАН)

Анджей Шпоциньски – социолог; кафедра социологии в «Collegium Civitas» в г. Варшаве; Институт политических исследований; член Комитета наук о культуре ПАН

W PRZYGOTOWANIU

Авторы обращают внимание на политическую и культурную обусловленность национальной идентичности, у истоков которой лежит историческая память. Затронутые вопросы сохраняют свою актуальность. Различные способы представления материала усиливают познавательную ценность сборника. (...) Рекомендую эту книгу и уверена в том, что она попадёт в руки тех читателей, которые находятся в поиске объективных высказываний на «горячую тему». При том высказываний, свободных от политической риторики, смазывающей суть проблемы идентичности, которая в наши дни стала глобальным детерминантом в сфере политики.

*Из издательской рецензии доктора наук,
профессор Ивона Хофман,
Университет Марии Складовской-Кюри в Люблине*

